Суворов

М. И.

Голенищев-Кутузов

А 213
1814

Свѣтлѣйшій князь-смоленскій фельдмаршалъ Михаилъ Ларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ и его современники

912
1814

Дозв. ценз. Москва, 2 сентября 1895 г.

Лит. Т-ва И. Д. Сытина, въ Москвѣ

А 215
1814
ф 1-52
5610

СВѢТЛѢЙШІЙ КНЯЗЬ СМОЛЕНСКІЙ

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

Михаилъ Иларіоновичъ

ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ

И

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
ЖИЗНИ ПОЛКОВОДЦА И ЕГО ЭПОХИ.

Составилъ В. Суворовъ.

М.П.М.

МОСКВА.
Тип. Выс. утв. Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.
1896.

Дозволено цензурою. Москва, 26 сентября 1895 г.

2007041582

СВѢТЛѢЙШІЙ КНЯЗЬ СМОЛЕНСКІЙ

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

Михаилъ Иларіоновичъ

ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

„Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу“...

Въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, возвышается одно изъ величественныхъ произведеній архитектурнаго искусства —Казанскій соборъ *).

Для русскаго человѣка онъ долженъ быть дорогъ какъ своей святыней, такъ и славными историческими воспоминаніями.

Соборъ созданъ и украшенъ исключительно русскими мастерами и художниками. Въ немъ находится Казанская икона Божіей Матери **),

---

*) Соборъ былъ заложенъ при Александрѣ I, въ 1801 г., а оконченъ въ 1811 году. Строитель собора—А. К. Воронихинъ.

**) Явленіе иконы въ Казани было въ 1579 г., въ концѣ царствованія Ивана Грознаго; въ 1611 г. икона вмѣстѣ съ нижегородскимъ ополченіемъ, въ которомъ была и казанская дружина, явилась на защиту погибающей Москвы отъ поляковъ. Въ Москвѣ она оставалась до 1710 года, а въ этомъ году Петръ Великій перенесъ ее въ Петербургъ.

и здѣсь, послѣ изгнанія французовъ, совершилось благодарственное побѣдное молебствіе за избавленіе отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ. Иконостасъ собора слитъ изъ серебра, которое въ количествѣ 48 пудовъ было пожертвовано донскими казаками, отбившими его отъ французовъ въ 12-мъ году, когда они, разграбивъ церковное серебро въ русскихъ церквахъ, принуждены были потомъ бѣжать изъ Россіи. Колонны храма украшены многочисленными побѣдными трофеями: знаменами и орлами, взятыми въ тотъ славный годъ отъ разгромленнаго врага, а подъ сѣнью ихъ покоится прахъ маститаго вождя, побѣдоноснаго князя Кутузова-Смоленскаго. Предъ соборомъ поставлены два чугунныхъ памятника *) вождямъ 12 года: Кутузову и Барклай-де-Толли. Подъ ногами ихъ изображены французскія знамена.

Кутузовъ лежитъ въ соборѣ на правой сторонѣ отъ сѣвернаго входа, и надъ могилою

---

*) Памятникъ открытъ полководцамъ при императорѣ Николаѣ I, въ 1837 г., въ день празднованія двадцатипятилѣтія освобожденія Россіи отъ нашествія французовъ.

его виситъ картина, представляющая крестный ходъ изъ московскаго Кремля, по случаю освобожденія Москвы отъ поляковъ въ октябрѣ 1612 года, небольшая икона Смоленской Божіей Матери и образъ Спаса Нерукотвореннаго. Этотъ образъ — снимокъ съ находящагося на воротахъ монастыря Черноостровскаго въ Малоярославцѣ (Калужской губерніи). Во время происходившаго въ 1812 г., 12 октября, сраженія при Малоярославцѣ, послѣ котораго началось бѣгство французовъ, образъ весь пробитъ вражескими пулями, но при этомъ ликъ Спасителя остался невредимъ. Тутъ же виситъ походный образъ фельдмаршала...

Все спитъ кругомъ. Однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стан славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ,
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,

Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди спасай!“ — Ты всталъ и — спасъ.

На такую думу вызываетъ «святая гробница» славнаго вождя русскихъ не менѣе славнаго поэта русскаго народа, Пушкина *).

И дѣйствительно, жизнь и подвиги геніальнаго полководца для потомства представляютъ «величавое и стройное теченіе жизни человѣка отъ первыхъ чиновъ до высочайшихъ степеней отличія, отъ чести храбраго офицера до славнаго полководца, спасителя Россіи, побѣдителя перваго изъ современныхъ полководцевъ».

«Съ другой стороны замѣчательно историческое мѣсто Кутузова: онъ соединяетъ вѣкъ Екатерины съ вѣкомъ Александра», являясь побѣдоноснымъ вождемъ въ эпоху отечественной войны — этой борьбы на жизнь и смерть двухъ могучихъ соперниковъ, и руководитъ побѣдой русской мощи и патріотизма надъ всѣми усиліями многочисленнаго и искуснаго врага.

*) А. С. Пушкинъ, поэтъ, род. 26 мая 1799 г., убитъ на поединкѣ въ 1837 г., 28 января. Погребенъ въ Святогорскомъ монастырѣ, Псковской губерніи.

Хвала тебѣ, нашъ добрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О, сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О, диво! и орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины,—
Могучій вождь главу склонилъ...
Ура! кричатъ дружины... *)

Слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ отдѣляютъ наше время отъ великой эпохи, въ которой суждено было нашему герою играть одну изъ первенствующихъ ролей, но его имя и духъ никогда

*) Такъ говоритъ о Кутузовѣ Жуковскій, выражая этимъ то значеніе, которое имѣлъ нашъ герой въ 1812 г. для русской арміи и какъ на него смотрѣли современники. В. А. Жуковскій род. 28 января 1781 г., ум. 12 апрѣля 1852 г. Поэтъ въ 12 году находился въ рядахъ тульскаго ополченія и участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи. Подъ вражьими выстрѣлами онъ составилъ пѣснь: „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ", которая и была прочитана товарищамъ по оружію въ Тарутинскомъ лагерѣ, въ сентябрѣ 1812 года. Въ ней поэтъ прославляетъ побѣдоносное русское воинство и его вождей, начиная отъ Дмитрія Донскаго до Кутузова съ славными героями 12-го года, и славу святой, ими защищаемой родины.

не должны умирать среди живущихъ поколѣній русскаго народа, и дѣла славнаго человѣка, наравнѣ съ другими могучими именами нашихъ предковъ, должны передаваться отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку для возбужденія въ новыхъ поколѣніяхъ того животворнаго духа, который вдохновлялъ великаго человѣка на служеніе своей родинѣ до послѣдняго вздоха, который побуждалъ его не зарывать свои таланты, не бросать свое служеніе изъ-за личнаго самолюбія, или эгоизма, и, несмотря ни на какую обиду, личное оскорбленіе или иную житейскую невзгоду и несправедливость, къ несчастію всегда существующихъ въ жизни, постоянно являться первымъ на службу своему царю и отечеству и вѣрно и честно исполнять то дѣло, которое ему поручалось.

Фельдмаршалъ Кутузовъ въ этомъ отношеніи представляетъ для насъ поучительный примѣръ и, подобно не менѣе славному своему сподвижнику Барклай-де-Толли, всегда готовъ былъ пожертвовать своею жизнью, «чтобы доказать готовность служить отечеству во вся-

комъ званіи и достоинствѣ», не руководясь никакимъ честолюбіемъ.

Кутузовъ всегда кротко покорялся своему жребію, совершая въ то же время славныя дѣла.

И благо ему, что «не праздникъ зрителемъ» прошелъ онъ въ жизни!

«Благо всякому, кто рано поутру выходилъ на общую работу и съ мечомъ, съ словомъ, и съ заступомъ, и съ метлою, смотря по тому, что было ему по силамъ, и кто являлся къ своимъ братьямъ не на одни пиры и веселія, но и на плачъ и сѣтованія... Благо тому, кто, падая въ борьбѣ за святое дѣло, съ упованіемъ страстнаго блаженства, погружался въ успокоительное лоно силы, вызвавшей его на дѣло жизни, и восклицалъ въ священномъ восторгѣ: «все Тебѣ и для Тебя, а моя высшая награда,—да святится имя Твое и да пріидетъ царствіе Твое!..» *)

Жизнь историческаго человѣка всегда тѣсно

*) В. Г. Бѣлинскій, — род. 1811 г., умеръ въ 1848 году, въ молодыхъ лѣтахъ,—человѣкъ, горячо любившій отечество и борецъ за просвѣщеніе. Онъ былъ писатель-критикъ.

связывается съ политической жизнью своего народа, а потому при нашемъ разсказѣ о Кутузовѣ будетъ разсказано и о тѣхъ событіяхъ, которыя совершались въ его время, а также и о его политическихъ современникахъ, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ славному вождю. Жизнь общественнаго дѣятеля важна для потомка не въ частной и семейной его обстановкѣ,—послѣдняя совершается у него общимъ путемъ и обычаемъ,—а по тому участію, какое онъ принималъ въ современныхъ ему историческихъ событіяхъ.

Составитель.

I.

Родъ Свѣтлѣйшаго и начало службы.—Ларга и Кагулъ.—Екатерина II.—Румянцевъ.—Суворовъ.

1745—1785 г.

Князь Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ принадлежалъ къ самымъ образованнымъ и просвѣщеннымъ людямъ своего вѣка, а ихъ въ то время на Руси было не очень много. Онъ прекрасно зналъ французскій, нѣмецкій и польскій языки, любилъ читать и за чтеніемъ находилъ себѣ отдыхъ отъ служебныхъ трудовъ и боевыхъ походовъ. Военныя познанія его были обширны: онъ былъ и искусный стратегъ, и опытный инженеръ, квартирмейстеръ и комиссаръ.

Какъ частный человѣкъ, Михаилъ Иларіоновичъ былъ душой и любимцемъ своего общества: «ничто не могло сравниться съ его любезностью въ обществѣ и съ умѣньемъ обходиться съ людьми. При дворѣ Фридриха, Екатерины, Павла, Александра, Франца, Селима III-го, Густава Адольфа, онъ увлекалъ и очаровывалъ другихъ».

«Не менѣе зналъ онъ искусство привлечь сердца подчиненныхъ и солдатъ и внушить къ себѣ совершенную довѣренность ихъ и безпредѣльное повиновеніе».

Вездѣ: въ обществѣ ли женщинъ, въ совѣтѣ, въ Вѣнѣ или въ Константинополѣ, на полѣ битвы или въ качествѣ гражданскаго правителя — Кутузовъ всегда умѣлъ быть на своемъ мѣстѣ и со всѣми могъ поладить и ужиться, не унижая ни себя, ни другихъ.

Не терпя чужихъ совѣтовъ, онъ никогда не спорилъ и не противорѣчилъ, но, такъ сказать, былъ себѣ на умѣ и всегда стремился дѣйствовать самостоятельно и независимо, не затрогивая при этомъ ничьего самолюбія. Онъ былъ въ высшей степени скрытенъ и благо-

разумно хитеръ въ жизни, что и давало ему возможность ужиться съ людьми различныхъ характеровъ: онъ равно былъ любимъ и Румянцевымъ, и Потемкинымъ, и Суворовымъ, тогда какъ всѣ трое они не могли ладить и ужиться другъ съ другомъ. Кутузовъ, терпѣливый въ несчастіи, скромный въ счастіи, никогда ничего не требовалъ, всегда дожидался, а потому и выигрывалъ какъ лично для себя, такъ и для общественной пользы.

Знаменитые изъ его современниковъ такъ отзывались о немъ:

«Кутузовъ уменъ и хитеръ, его не обманетъ и самъ Рибасъ» *), говаривалъ про него Суворовъ, а Рѣпнинъ добавлялъ:

«Кутузовъ доступенъ всѣмъ, но сердце его недоступно никому».

Родъ Кутузовыхъ принадлежитъ къ древнимъ русскимъ родамъ дворянства. Еще при Александрѣ Невскомъ, въ XIII столѣтіи, изъ

---

*) Рибасъ, по происхожденію итальянецъ, былъ извѣстный адмиралъ временъ Екатерины II, поступившій въ русскую службу при графѣ Орловѣ-Чесменскомъ и извѣстный за человѣка хитраго и пронырливаго.

нѣмецкой земли вышелъ къ князю честный (знатный) мужъ Гавріилъ, который и сдѣлался родоначальникомъ Кутузовыхъ, изъ которыхъ одинъ въ отличіе отъ другихъ прозвался Голенищевъ-Кутузовъ.

Нашъ фельдмаршалъ родился въ 1745 году., 5-го сентября, въ царствованіе Елизаветы Петровны, и его отецъ былъ генералъ-поручикомъ и сенаторомъ, славился своимъ умомъ и знаніями въ дѣлахъ гражданскихъ и военныхъ. Михаилъ Иларіоновичъ еще въ младенчествѣ лишился матери, и отецъ поручилъ его надзору одной изъ своихъ родственницъ.

Военное образованіе его началось въ тогдашней Артиллерійской школѣ, изъ которой Кутузовъ на 15 году отъ рожденія былъ выпущенъ капраломъ въ артиллерію, а въ 1761 г. былъ произведенъ въ офицеры въ Астраханскій пѣхотный полкъ. Въ это время царствовалъ внукъ Петра Великаго, Петръ Ѳеодоровичъ. Молодой, ловкій и умный юноша-офицеръ, замѣченный супругой императора, по просьбѣ ея, назначенъ былъ въ адъютанты

къ ревельскому губернатору. Въ это время ему было всего шестнадцать лѣтъ.

28-го іюня 1762 года внезапно скончался императоръ, и императрицей была объявлена его супруга Екатерина Алексѣевна, которая и пожаловала Кутузова капитанскимъ чиномъ.

Изъ этого короткаго перечня первоначальной карьеры будущаго фельдмаршала видно, что она началась для него такъ же, какъ и для всѣхъ богатыхъ и значительныхъ людей того времени.

Обыкновенно дѣти богатыхъ и значительныхъ дворянскихъ семей той эпохи получали воспитаніе и образованіе дома, подъ руководствомъ иностранныхъ учителей, преимущественно изъ французовъ, и съ ранняго возраста записывались въ военную службу, такъ какъ тогда еще въ полной силѣ существовалъ указъ Петра Великаго, чтобы всякій дворянинъ непремѣнно служилъ. Первые нижніе чины дѣти богатыхъ родовъ легко проходили еще въ своемъ отрочествѣ, а вступая въ періодъ юношества—получали офицерское званіе. Каково было тогдашнее воспитаніе и образованіе вы-

шаго и свѣтскаго общества, вотъ нѣсколько выписокъ изъ записокъ современниковъ:

«Мой дядя не щадилъ издержекъ, чтобы доставить своей дочери и мнѣ лучшихъ учителей, и, по понятіямъ того времени, мы получили превосходное воспитаніе. Насъ учили четыремъ языкамъ; по-французски мы говорили свободно; одинъ государственный совѣтникъ давалъ намъ уроки итальянскаго языка, а Бахтѣевъ—русскаго, когда намъ было угодно слушать эти послѣдніе. Въ танцахъ мы сдѣлали большіе успѣхи...»*)

«Я имѣлъ много случаевъ замѣтить, какимъ уваженіемъ пользуются французскія книги со стороны русскихъ, т. е. людей образованныхъ или претендующихъ на образованіе. Говоря о французскихъ книгахъ... Каждый русскій, читающій по-французски, носилъ книги въ своемъ карманѣ. Прочитавъ, они считали себя обладателями знаній всесторонникъ и самобытныхъ»**).

---

*) Записки кн. Е. Р. Дашковой „Рус. Ст.“, 1874 г.

**) Изъ запис. Казановы о Россіи въ 1765 г. „Р. Ст.“, 1874 г.

Каковы же бывали воспитатели у дворянскихъ дѣтей того времени, видно изъ слѣдующаго:

«Я позволилъ стать сзади моей кареты бѣдному французскому лакею, который за то служилъ мнѣ безплатно во все время моей поѣздки».

Несмотря на всю недостаточность тогдашняго образованія, оно не могло затормозить въ юношѣ Кутузовѣ тѣхъ нравственныхъ началъ и благороднаго стремленія ко всему возвышенному, которыя составляли отличительную черту его натуры. Чтеніемъ и пріобрѣтеніемъ необходимыхъ познаній онъ старался пополнить недостатки первоначальнаго своего воспитанія и развитія, употребляя на это все свободное свое время, хотя, какъ юноша, не избѣгалъ и свѣтскихъ удовольствій.

«Въ послѣдніе годы царствованія императрица Елизавета Петровна отличалась особенной набожностью, доходящей порою до аскетической строгости. Всякія забавы при дворѣ были изгнаны; степенность царила на празднествахъ... Иное явилось при дворѣ Петра III

и его преемницы. Въ придворной жизни закипѣли пиры, балы, обѣды, праздники».

Молодой капитанъ, не избѣгая общественныхъ удовольствій и общаго настроенія, не увлекся въ круговоротѣ жизни и не пошелъ обыкновенной дорогой мелочныхъ людей, а ждалъ случая, гдѣ могъ бы онъ съ пользой употребить на дѣло свои молодыя способности и силы.

Этотъ счастливый случай не замедлилъ представиться.

Молодая императрица среди шумныхъ развлеченій, служащихъ ей отдыхомъ, не забывала и основной цѣли своей жизни: благоустройства и развитія могущества государства, на престолѣ котораго она была. Высокообразованная и проникнутая любовію къ человѣку, она стремилась увеличить какъ внутреннее, такъ и внѣшнее благосостояніе своего государства: распространить въ Россіи просвѣщеніе, знаніе, торговлю, промышленность, ввести въ судъ справедливость и человѣколюбіе, облегчить участь низшихъ классовъ народонаселенія, а въ то же время хотѣла, чтобы Россія

заняла должное ей мѣсто среди тогдашнихъ государствъ Европы.

Прекративъ невыгодное и безполезное вмѣшательство Россіи въ распрю между Пруссіей и Австріей въ предшествовавшее царствованіе*), императрица обратила свое вниманіе на сосѣднее Польское королевство, раздираемое внутренними неурядицами, и порѣшила возвратить отъ него старинныя русскія области снова Русскому государству. Вмѣшавшись въ польскія дѣла по случаю избранія короля, она приказала своимъ отрядамъ войти въ Польшу. Это было въ 1764 году.

Молодой Кутузовъ, бросивъ веселую и шумную жизнь, по своей просьбѣ и желанію былъ зачисленъ въ дѣйствующую армію, и съ этого времени началась его боевая служба и дѣя-

*) Эта распря извѣстна въ исторіи подъ именемъ „Семилѣтней войны“. Имп. Елизавета Петровна въ союзѣ съ Австріей вела борьбу съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ II. По смерти ея Петръ III, почитатель прусскаго короля, приказалъ своей арміи присоединиться къ прусской, но онъ вскорѣ умеръ, а Екатерина, объявивъ, что она не желаетъ поддерживать ни того ни другого противника, приказала своимъ войскамъ вернуться домой.

тельность, которая почти полвѣка продолжалась, пока смерть не прекратила его славной жизни. Учителями его были лучшіе полководцы—орлы Екатерины, пріобрѣтшіе извѣстность во всей Европѣ, графъ Румянцевъ и великій Суворовъ, и впослѣдствіи ученикъ оказался достойнымъ не менѣе своихъ учителей.

Война была призваніемъ Михаила Иларіоновича, какъ и всѣхъ истинно военныхъ людей. Хладнокровный среди летавшихъ окрестъ его пуль и картечи и весело шутившій, когда кончалась битва, онъ во время боя былъ важенъ и величавъ.

Въ первый разъ его хладнокровіе и мужество выказались въ бою подъ Варшавой, въ отрядѣ Радзивила, іюня 28-го, а на другой годъ онъ самъ уже, отдѣльно, уничтожилъ отрядъ конфедератовъ, вернулся въ Россію и снова былъ посланъ въ Польшу въ 1769 году. Но здѣсь онъ пробылъ не долго.

Польша теперь была средоточіемъ европейской политики; Европа непріязненно смотрѣла на усиленіе русскаго могущества и вліянія въ общеевропейской политикѣ. Подкрѣпляя поль-

скихъ магнатовъ, непріязненныхъ Россіи, Франція, Австрія и Пруссія успѣли возбудить къ войнѣ противъ Россіи Турцію. Султанъ объявилъ войну Екатеринѣ II.

Императрица не испугалась. Она надѣялась на свои силы и разсчитывала на блестящій успѣхъ, показавъ въ то же время европейскимъ державамъ военное могущество своего государства.

Флотъ, почти не существовавшій послѣ кончины создавшаго его Петра Великаго и находившійся до сего времени въ пренебреженіи, въ теченіе сорока лѣтъ, вновь былъ вооруженъ и отправленъ изъ Балтійскаго моря въ Архипелагъ. Одинъ корпусъ русскихъ войскъ двинулся на Кавказъ, другой пошелъ къ Азову и Таганрогу; двѣ русскихъ арміи сосредоточились на Днѣстрѣ и Днѣпрѣ: первая въ 75,000 человѣкъ, а вторая, резервная, въ 30,000 человѣкъ. Русскія войска должны были занять Молдавію и Валахію, или все нынѣшнее Румынское королевство, которое тогда находилось въ полной зависимости отъ султана.

Начинался, къ изумленію всѣхъ, блестящій

періодъ екатерининскихъ войнъ, въ который ея орлы-полководцы и суворовскіе вихри-богатыри, русскіе солдатики, покрыли славой родное оружіе и удивили современниковъ своими подвигами.

Зимою 1770 года Румянцевъ, принявъ начальство надъ первой арміей, занялъ Бухарестъ. Въ іюлѣ графъ Панинъ началъ осаду Бендеръ, а Румянцевъ съ небольшими силами, затрудненный продовольствіемъ войскъ, растянутыхъ на обширномъ пространствѣ, услыша о скопленіи татарскихъ ордъ въ Бессарабіи и переходѣ черезъ Дунай визиря съ главными силами, рѣшился предупредить ихъ соединеніе и разбить поодиночкѣ.

Графъ Румянцевъ быстро двинулся впередъ, 17-го іюня обратилъ въ бѣгство 20,000 турокъ, собравшихся у Рябой Могилы, а іюля 7-го двинулся на татарскій лагерь при Ларгѣ. Была ночь. Русскіе скрытно и незамѣтно приблизились къ непріятельскому стану. Враги не подозрѣвали близости страшнаго для нихъ противника. Начинало свѣтать. Въ четыре часа утра Румянцевъ налетѣлъ на татаръ.

Битва продолжалась недолго: объятые паническимъ страхомъ, восемьдесятъ тысячъ крымцевъ обратились въ бѣгство, не выдержавъ стремительнаго и неожиданнаго удара.

Майоръ Кутузовъ, произведенный изъ капитановъ за отличіе въ сраженіи еще при Рябой Могилѣ, при Ларгѣ первый ворвался съ батальономъ гренадеръ, которымъ командовалъ, въ непріятельскій лагерь.

Татары были разбиты совершенно. Побѣдители взяли весь ихъ лагерь, обозъ и артилерію. Давъ небольшой роздыхъ побѣдоноснымъ войскамъ, Румянцевъ съ 17,000 арміей двинулся дальше, такъ какъ на него шелъ самъ великій визирь съ 150,000 арміей, къ которой присоединилось еще 100,000 крымцевъ.

Храбрый русскій вождь не побоялся страшной силы врага, думавшей его раздавить. Впереди былъ визирь, съ тылу крымцы. На берегахъ рѣчки Кагула противники встрѣтились. На разсвѣтѣ 21-го іюня началась кровавая и знаменитая Кагульская битва.

Свои 17,000 солдатъ Румянцевъ построилъ въ пять карре (четыреугольный строй). Майоръ

Кутузовъ въ этомъ сраженіи былъ въ авангардѣ колонны Бауера. Турецкіе спаги, вылетѣвъ изъ лагеря, атаковали одно изъ нашихъ карре. Нападеніе было такъ стремительно и жестоко, что турецкая конница врубилась въ карре, и солдаты было дрогнули.

Минута была страшная и критическая.

Видя замѣшательство своихъ, Румянцевъ приказалъ стрѣлять картечью въ смѣшанную и разстроенную толпу безъ разбора, а другихъ двинулъ на турецкій лагерь. Наши подошли, ударили въ штыки, смяли и погнали непріятеля черезъ валы, насыпанные имъ для защиты лагеря. Видя, что русскіе врываются, словно неудержимая лава, въ лагерь, визирь первый ударился въ бѣгство, за нимъ пошла наутекъ и его разбитая армія. 20,000 турокъ полегло головами въ этой кровопролитной битвѣ, послѣ которой вся турецкая и татарская армія разсѣялись.

Кутузовъ, бывшій на авангардѣ генерала Бауера, посланъ былъ преслѣдовать бѣгущаго непріятеля, за которымъ и гнался до самаго Дуная.

Лѣтомъ слѣдующаго года Румянцевъ отправилъ за Дунай небольшой отрядъ подъ командой Вейсмана, и Кутузовъ участвовалъ въ блистательномъ сраженіи генерала Эссена съ турками, при Попештахъ, за которое и произведенъ въ подполковники на двадцать-шестомъ году.

Несмотря на выказанное мужество, храбрость и расторопность, молодой подполковникъ долженъ былъ оставить армію Румянцева.

Графъ *), «придворный, искусный политикъ и славный полководецъ», тѣмъ не менѣе, какъ человѣкъ, имѣлъ и темныя стороны. Слабая сторона его характера была зависть къ тѣмъ, кто, по мнѣнію его, былъ соперникомъ въ военныхъ дарованіяхъ или могъ когда-либо сдѣлаться такимъ въ будущемъ. Суворова онъ не терпѣлъ, жестоко гналъ его, и только покровительство всесильнаго Потемкина спасло его; также онъ недружелюбно началъ относиться и къ Кутузову. Послѣднее обстоятельство принудило храбраго подполковника проситься въ переводъ въ армію князя Василія

---

*) Род. 1725 г., ум. 1796 г., 8 декабря.

Михайловача Долгорукова, дѣйствовавшаго въ Крыму. Просьба его была уважена.

Здѣсь, при покореніи Крыма, Кутузовъ отличился подъ Кинбурномъ въ 1773 году, а въ 1774 году отразилъ нападеніе татаръ близъ Перекопи у Шумны, но тутъ же и былъ въ первый разъ жестоко раненъ.

Пуля ударила его въ лѣвый високъ и вылетѣла близъ праваго глаза. Врачи сомнѣвались въ удачной операціи, когда дѣлали ее ему, и думали, что герой не выдержитъ. Но они ошиблись: къ удивленію ихъ, Кутузовъ выздоровѣлъ, лишившись одного глаза.

Рана, впрочемъ, заставила Кутузова удалиться изъ арміи. По выздоровленіи онъ былъ призванъ во дворецъ. Императрица съ особенной лаской и милостью встрѣтила Кутузова, наградила его георгіевскимъ крестомъ и на свой счетъ отправила его за границу для совершеннаго излѣченія.

Кутузовъ объѣхалъ Германію, Италію, Францію, Голландію и Англію. Новая жизнь и впечатлѣнія охватили русскаго путешественника, и знакомство съ образованнымъ обществомъ

Европы осталось не безъ вліянія на его пытливый и многосторонній умъ и способности. Умъ талантливаго воина обогатился разнообразными свѣдѣніями, познаніями и еще больше развился и укрѣпился. Кутузова интересовало въ Европѣ все то, что могло заинтересовать всякаго дѣльнаго и образованнаго путешественника. А тамъ много было прекраснаго и полезнаго для русскаго человѣка.

Европейское общество временъ Екатерины по своему развитію и образованію стояло несравненно выше тогдашняго русскаго и служило во всемъ образцомъ ему. Это и должно было случиться такъ.

Только со временъ Петра Великаго въ русскую землю начали быстрѣе проникать знанія и западное образованіе; до того же времени русскіе люди туго и медленно сближались съ образованной Европой и не были знакомы съ результатами тѣхъ знаній и того благосостоянія, какими пользовались европейскіе народы.

Поэтому въ общемъ строѣ европейскихъ обществъ наше русское еще было новичокъ, ученикъ, и должно было во всемъ заимство-

ваться и подражать западнымъ образцамъ. Подобное заимствованіе была историческая необходимость. Высшій слой русскаго общества во всемъ подражалъ французскому, съ котораго впрочемъ бралъ примѣръ себѣ высшій классъ и въ остальной Европѣ. Но всякое подражаніе бываетъ ниже своего образца; съ виду оно какъ бы и походитъ на послѣдній, однако, вглядѣвшись внимательнѣе въ подражаніе, тотчасъ же и замѣчаешь его несостоятельность; нѣтъ въ немъ той силы, естественности и сущности, какъ въ образцѣ. Такъ и русское общество половины XVIII вѣка, по внѣшности походя на французское, блестя внѣшнимъ лоскомъ, полированностью, читая Вольтера и другихъ французскихъ писателей той эпохи, въ сущности же было невѣжественно... Вся бѣда заключалась въ томъ, что большинство тогдашняго русскаго общества заботилось не столько о томъ, чтобы пріобрѣтать хоть немногія, но основательныя знанія, а о томъ, чтобы удовлетворить своему тщеславію и блеснуть передъ иностранцами прекраснымъ своимъ образованіемъ, всесторонниимъ, не поверхностнымъ знаніемъ.

Однако немало въ Россіи находилось уже и въ ту пору истинно образованныхъ и развитыхъ людей, во главѣ которыхъ находилась сама императрица. Они съ прискорбіемъ смотрѣли на существующій недостатокъ, который вслѣдствіе исторической необходимости былъ естественъ, и старались, по возможности, помочь горю распространеніемъ истинныхъ знаній среди общества.

Ознакомившись съ Европой, Кутузовъ вернулся домой съ свѣжими какъ тѣлесными, такъ и умственными силами. По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, онъ былъ опредѣленъ въ Крымъ, къ Суворову.

Въ это время Крымскій полуостровъ почти принадлежалъ уже Россіи. При Екатеринѣ совершилось то, что исконные наши враги *),

---

*) Крымскіе татары были потомки тѣхъ страшныхъ монголовъ, которые въ XIII вѣкѣ разгромили и завоевали древнюю Русь, раздробленную на мелкія княжества. Монгольская орда, основавшись въ устьяхъ Волги, два вѣка господствовала на Руси; но уже въ концѣ XIV вѣка въ ней начались раздоры, и главная орда начала распадаться на отдѣльныя части, не рѣдко потомъ враждовавшія другъ съ

въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій наносившіе громадный вредъ русскому царству, наконецъ сдѣлались подданными русской царицы, и мысль Петра Великаго овладѣть берегами Чернаго моря, чтобы развить здѣсь русскую торговлю, осуществилась.

Первая турецкая война, въ которой, какъ мы видѣли, проходилъ военную школу на практикѣ будущій военачальникъ, окончилась Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ 10-го іюля 1774 года, по которому султанъ долженъ былъ признать отъ себя независимость Крымскаго полуострова и уступить здѣсь всѣ приморскія укрѣпленія. Такимъ образомъ Россія стала на

другомъ. По среднему теченію Волги образовалось царство Казанское, въ нижнемъ—Астраханское, а на Таврическомъ полуостровѣ—Крымское. Съ этихъ поръ крымцы становятся то врагами, то друзьями царей московскихъ и королей польскихъ, подпавъ впрочемъ и сами подъ зависимость турецкаго султана, когда онъ завоевалъ Царьградъ. Крымцы въ теченіе XV и XVI вѣковъ не разъ врывались въ предѣлы Московскаго царства, доходили до Москвы, сжигали ее и уходили домой, ведя за собой тысячныя толпы русскихъ плѣнниковъ, которыхъ продавали въ тяжелое рабство. Московское государство тѣхъ вѣковъ было безсильно обуздать

полуостровѣ твердой ногой. Крымцы только воображать себѣ могли, что царство ихъ ни отъ кого независимо и самостоятельно. Но князь Потемкинъ, съ одобренія императрицы, думалъ иначе и началъ быстро приводить въ исполненіе задуманный имъ планъ окончательно утвердиться на Черномъ морѣ, завести тамъ флотъ, бывшія степи на югѣ превратить въ заселенныя мѣста и отсюда съ грозной силой двинуться на турокъ, отнять отъ нихъ Царь-градъ, возстановить древнюю греческую имперію, на престолъ которой возвести одного изъ внуковъ Екатерины II.

хищниковъ и прекратить опустошительные ихъ набѣги. Но зато по рѣкамъ Днѣпру и Дону засѣлъ бродячій, не менѣе хищный, хотя и христіанскій людъ — казаки. Они явились мстителями за землю православную и повели безпрерывную, удалую войну съ крымцами, врываясь въ прибрежные ихъ города и селенія. Въ концѣ XVII вѣка, когда Московское государство достаточно окрѣпло и почувствовало свою силу, оно стало наступать на своихъ разорителей. Въ 1686 году царевна Софія, думая укротить Крымъ, въ союзѣ съ императоромъ Леопольдомъ и Польшей, воевала съ крымцами, но безъ всякаго успѣха. Степи были защитой татарамъ отъ Москвы. Не могъ пробиться къ Черному морю и Петръ Великій, суждено это было исполниться при Екатеринѣ II.

Мысль, поистинѣ, была великая, но невыполнимая. Однако, начало было сдѣлано, и Крымъ безъ всякой войны былъ присоединенъ къ Россіи. Это сдѣлалось такъ:

На полуостровъ, подъ видомъ помощи и защиты послѣднему хану, Шагинъ-Гирею, были введены русскія войска подъ командой Суворова въ 1776 году. Выполняя приказаніе Потемкина, нашъ военачальникъ энергично началъ дѣйствовать: переселилъ изъ Крыма жившихъ тамъ грековъ и армянъ въ нынѣшнюю Екатеринославскую губернію, которая въ то время была извѣстна подъ общимъ именемъ Новороссійскаго края, гдѣ переселенцы и основали города Маріуполь и Нахичевань, выгналъ съ полуострова враждебныхъ Россіи людей и не допустилъ турокъ оказать поддержки людьми и оружіемъ татарамъ, было вздумавшимъ сопротивляться тому, что неизбѣжно должно было совершиться въ силу исторической необходимости, такъ какъ разливающаяся русская мощь не могла терпѣть подлѣ себя ничтожной инородной силы, заслонявшей ей привольное море, нужное рус-

скому народу для связей торговых и промышленных съ другими народами.

Въ теченіе шести лѣтъ Суворовъ дѣйствовалъ въ Крыму то словомъ, то силой и исподволь пріучалъ туземное населеніе къ новымъ порядкамъ, старался примирить его съ необходимостью. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ умиротворенія края главнымъ помощникомъ и лучшимъ исполнителемъ его распоряженій былъ молодой Кутузовъ.

Кутузовъ сумѣлъ понять характеръ Суворова и угодить своему энергичному и малоуживчивому начальнику. Съ своей стороны и послѣдній оцѣнилъ умъ и способности своего подчиненнаго и полюбилъ его, называя (Кутузова) своей правой рукой. Два совершенно различныхъ характера сошлись другъ съ другомъ.

Худенькій и вертлявый, мудрецъ и шутъ, рѣзкій на слово и на колкую насмѣшку, Суворовъ сдружился съ молодымъ свѣтскимъ любезникомъ, тонкимъ придворнымъ, благодаря скромной и осторожной его рѣчи, способности быстро разгадывать мудреныя думы и пого-

ворки своего начальника и умѣнью исполнить порученное дѣло тонко, хитро и ловко.

Суворовъ съ лестной стороны отзывался князю Потемкину о Кутузовѣ; въ 1782 году испросилъ ему за отличіе чины полковника и бригадира и, по случаю болѣзни оставляя свой постъ, особенно рекомендовалъ его въ Петербургѣ. Кутузовъ, оставшись въ Крыму, усмирилъ взволновавшихся было татаръ въ 1784 году, за что произведенъ былъ въ первый генеральскій чинъ, и способствовалъ переговорами тому, что ханъ добровольно отказался отъ правъ своихъ на Крымъ, получивъ за это вознагражденіе, а Крымъ, подъ именемъ Тавриды, вошелъ въ составъ Русскаго государства въ 1785 г.

II.

Потемкинъ.—Возвышеніе Кутузова. — Очаковъ.—Измаилъ.

(1787 г.—1791 г.).

Былъ январь 1787 года. Петербургъ того времени, хотя и не былъ такимъ великолѣпнымъ городомъ, какимъ онъ является нынѣ, не уступая въ своемъ видѣ лучшимъ столицамъ Европы, но все-таки Петербургъ временъ Екатерины былъ первымъ европейскимъ городомъ въ Россіи, превосходилъ и тогда древнюю Москву роскошью своихъ построекъ и имѣлъ видъ настоящаго европейскаго города.

Его улицы были длинны и широки, площади просторны, новые дома велики и красивы, Екатерининскіе и ея вельможъ дворцы и палаты величественны и роскошны. Было въ немъ больше и наружной опрятности и чистоты, чѣмъ въ остальныхъ нашихъ городахъ того времени, взятыхъ вмѣстѣ. На одной изъ лучшихъ пло-

щадей столицы—Сенатской — величаво высилась конная статуя великаго основателя новой столицы *).

Въ столицѣ прошли шумныя январскіе праздники, и всѣмъ было уже извѣстно, что государыня выѣзжаетъ изъ Петербурга въ продолжительное путешествіе на югъ для обзора Новоросійсскихъ своихъ владѣній, правителемъ которыхъ въ продолженіе одиннадцати лѣтъ былъ ея любимецъ, князь Потемкинъ-Таврическій.

---

*) Открытіе памятника было 7-го августа 1782 г.; этотъ мѣсяцъ для открытія былъ избранъ въ воспоминаніе событій изъ жизни Петра Великаго. „Въ августѣ Петръ спасся отъ преслѣдованій царевны Софіи, заключилъ Ништадтскій миръ съ Швеціей въ 1721 году, взялъ Нарву, перевезъ мощи св. Александра Невскаго и проч. День былъ пасмурный, но съ утра площадь кипѣла народомъ. 15.000 войска, подъ начальствомъ кн. Голицына, выстроилось передъ монументомъ, скрытымъ подъ полотномъ, которое было расписано видами Финляндіи. Въ 4 часа императрица прибыла на шлюпкѣ, прошла въ Сенатъ и вышла на балконъ. Одновременно съ ея появленіемъ полотно было сдернуто, раздалось громовое „ура“, войска забили походъ, склоняя знамена передъ изображеніемъ великаго преобразователя, суда расцвѣтились флагами, изъ Петропавловской крѣпости грянули пушки“. Статуя была отлита французскимъ скульпторомъ Фальконетомъ. Основаніе Петербурга положено 10-го іюня 1703 года.

Насталъ и день отъѣзда. Въ сорока каретахъ и болѣе чѣмъ ста другихъ экипажахъ императрица выѣхала изъ своей столицы въ Кіевъ. Никогда еще новая столица не видала такого блестящаго и огромнаго царскаго поѣзда.

Государыня предпринимала это путешествіе изъ снисхожденія къ желанію своего любимца, которому хотѣлось блеснуть своими дѣлами какъ передъ ней, такъ и передъ Европой, а въ то же время привести къ окончанію задуманный имъ планъ относительно Турціи. Уже заранѣе было подготовлено княземъ свиданіе на Днѣпрѣ государыни съ императоромъ австрійскимъ Іосифомъ II и королемъ польскимъ Станиславомъ Августомъ. Онъ думалъ при личномъ свиданіи монарховъ уговорить ихъ начать рѣшительную войну съ турками и соединенными силами выгнать ихъ изъ Европы.

Помимо своей политической цѣли, знаменитое это путешествіе замѣчательно и тѣмъ, какъ характеристика своего времени и того внѣшняго блеска, которому такъ много придавали значенія дѣятели XVIII вѣка, думая

мишурнымъ блескомъ затмить глаза постороннаго зрителя, удивить его и скрыть свое безсиліе и несостоятельность за туманомъ блестящей пыли. Поучительно оно для насъ и тѣмъ, что показываетъ, на какое разстояніе наше время ушло впередъ, и что было возможно въ концѣ того вѣка, то уже немыслимо въ наши дни и не вызоветъ ложнаго восторга.

«Императрица,—разсказываетъ Н. Полевой,—со вскрытіемъ Днѣпра отправилась въ раззолоченныхъ галерахъ по Днѣпру. Многочисленная свита, блестящій дворъ, иностранные послы, тысячи народа, безконечные ряды воиновъ, радость подданныхъ, великолѣпіе встрѣчъ, роскошь пировъ и увеселеній,—являли какимъ-то волшебнымъ событіемъ путешествіе *Минервы Сѣвера;* она казалась полубогиней изумленнымъ иностранцамъ и подданнымъ. Потемкинъ являлся повсюду первымъ лицомъ; все двигалось по его волѣ и слову. Король польскій выѣхалъ на свиданіе съ императрицею въ Каневъ, императоръ Іосифъ явился за Кременчугомъ и сопровождалъ императрицу въ Крымъ. Путешествіе по южной

или Новой Россіи показало всю мѣру трудовъ Потемкина. Тамъ, гдѣ за десять лѣтъ были степи и кочевки татаръ, видны были города, крѣпости, селенія, сады, дороги, храмы, дворцы, училища, верфи, корабли, войско повсюду блестящее, доброе, готовое на подвиги».

Дѣйствительно, плывя по Днѣпру, путешественники видѣли и толпы веселящихся поселянъ въ праздничныхъ одеждахъ, вдали отъ береговъ виднѣлись и картинныя селенія, снующій въ нихъ людъ.

Въ дѣйствительности Новороссійскій край, и въ настоящее время малонаселенный, тогда заселялся медленно и туго, что и было естественно, такъ какъ еще мало было охотниковъ селиться въ степяхъ, гдѣ недавно бродили кочевыя шайки татаръ. Князь, правда, вызвалъ во вновь пріобрѣтенный край и чужеземцевъ; имъ обѣщались большія льготы, но ихъ пришло изъ-за границы, сравнительно съ пространствомъ земли, незначительное число семей.

Императорскія галеры по Днѣпру вышли въ море, и въ Севастополѣ пятнадцать ко-

раблей, кромѣ галернаго и другого флота, виднѣнаго государыней въ Херсонѣ, привѣтствовали Екатерину. Изъ Крыма императрица поѣхала въ Петербургъ сухимъ путемъ.

На возвратномъ пути, на Полтавскомъ полѣ, она присутствовала на маневрахъ, изображавшихъ Полтавскую битву. Генералъ Кутузовъ руководилъ маневрами, за что и былъ награжденъ св. Владиміромъ 2 степени. Императрица, довольная своимъ путешествіемъ, вернулась въ свою столицу.

Въ это время генералъ Кутузовъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ мужского возраста. Ему всего было тридцать-семь лѣтъ. Душевныя и тѣлесныя его силы находились въ полномъ развитіи. Служебная карьера его была упрочена: императрицѣ онъ былъ лично извѣстенъ за храбраго и способнаго человѣка; князь Потемкинъ относился къ нему благосклонно; въ будущемъ открывалась для него широкая дорога: желаемая Потемкинымъ война при личномъ свиданіи Екатерины II съ Іосифомъ II-мъ была рѣшена окончательно, а при своихъ военныхъ дарованіяхъ Михаилъ Иларіоновичъ могъ раз-

считывать на большой служебный успѣхъ для себя. Честолюбіе, хотя и не составляло преобладающей черты его характера, однако, оно было и довольно сильно, какъ у всякаго даровитаго человѣка. Но Кутузовъ, стремясь и горячо желая скорѣе выйти изъ заурядной толпы, хотѣлъ добиться высшаго положенія въ обществѣ для того, чтобы получить силу и голосъ, съ несравненно большей пользой приложить и употребить свои способности и таланты для государевой и отечественной пользы. Не легкомысленный и не ничтожный былъ честолюбецъ Кутузовъ,—подобная черта принадлежность мелкихъ натуръ,—онъ желалъ возвышеній не для одной славы и внѣшнихъ почестей, лести и поклоновъ: Кутузовъ хотѣлъ ихъ для дѣла и служенія. Только этого и желалъ Михаилъ Иларіоновичъ, объ этомъ только и думалъ онъ, начиная свою службу. Собственное сознаніе въ добросовѣстности исполненія своего долга составляло основную цѣль его славной жизни. Это и было его высшей наградой.

Позднѣе, когда онъ уже былъ на верху славы и почестей, онъ говаривалъ:

— Истинная награда не въ крестахъ или алмазахъ, а просто въ совѣсти нашей,—и писалъ дочери:

«Всегда думалъ я, что слава—дымъ, а теперь вполнѣ въ томъ убѣжденъ. Смотря на мое званіе, власть, почести, меня окружающія, вспоминаю, какъ ты сравнивала меня съ Агамемноном *); но былъ ли Агамемнонъ счастливъ?»

Императрица вернулась въ С.-Петербургъ осенью, въ то же время открылись и военныя дѣйствія. Началась вторая турецкая война, въ которой Кутузовъ получилъ громкую извѣстность. Въ началѣ ея онъ командовалъ охранительными войсками, расположенными на границѣ по Бугу; но когда главная русская армія подъ начальствомъ князя Потемкина двинулась къ Очакову, Кутузовъ получилъ приказаніе

*) Царь Агамемнонъ, предводитель греческихъ царей и народовъ, пришедшихъ осаждать Трою, былъ несчастливъ въ семейной жизни.

присоединиться съ своимъ корпусомъ къ главнымъ силамъ.

Въ концѣ іюня 1789 года началась осада Очакова, показавшая неспособность главнокомандующаго. «Потемкинъ повелъ слабую осаду; если не робѣлъ, то недоумѣвалъ, хотя нерѣдко, раздраженный замѣчаніями другихъ, выѣзжалъ изъ лагеря, становился подъ ядрами и смѣялся, когда его просили удалиться. Разъ принцъ де-Линь хвалилъ храбрость императора Іосифа, оказанную въ какомъ-то сраженіи. Потемкинъ молчалъ. На другой день, въ полномъ расшитомъ золотомъ и брильянтами мундирѣ, окруженный блестящимъ штабомъ своимъ, онъ сталъ подъ турецкими ядрами. Принцъ де-Линь былъ подлѣ него. Начали представлять Потемкину опасность.

«— Спросите принца де-Линя,—съ досадой отвѣчалъ Потемкинъ:—ближе ли къ непріятелю стоялъ при немъ императоръ Іосифъ, а не то мы еще подвинемся впередъ!

«Иногда казалось, что Потемкинъ рѣшается дѣйствовать, но вдругъ все опять останавливалось. Онъ лежалъ въ своей великолѣпной

ставкѣ, переводилъ церковную исторію Флери, шутилъ, смѣялся, молчалъ, заставлялъ Сарти играть симфоніи и не двигался съ мѣста.

«Суворовъ, который занималъ важное мѣсто въ осадѣ осаждающихъ, въ то время, когда никто вслухъ не осмѣливался осуждать дѣйствій свѣтлѣйшаго, не скрывалъ своего негодованія и явно осуждалъ медленность осады. Потемкинъ свое бездѣйствіе оправдывалъ чувствомъ человѣколюбія, но Суворовъ съ раздраженіемъ открыто говорилъ, что неумѣстное человѣколюбіе заставитъ болѣе потерять людей, чѣмъ смѣлая рѣшительность.

«Не могши сдержать себя, Суворовъ 27 іюля самовольно завязалъ бой съ турками, сдѣлавшими вылазку и напавшими на него. Отражая ихъ, онъ опрокинулъ, обратилъ ихъ въ бѣгство и преслѣдовалъ. Дѣло началось жаркое. Суворовъ уже готовъ былъ ворваться въ крѣпость и требовалъ только подкрѣпленія; но не былъ подкрѣпленъ. Въ рѣшительную минуту пуля ударила ему въ шею, его замертво подняли и вывели изъ боя; наши смутились и отступили. Потемкинъ разгнѣвался и, несмотря

на жестокую рану храбраго вождя, выслалъ его изъ арміи».

Страшную рану подъ Очаковомъ получилъ и Кутузовъ.

Во время одной вылазки турокъ, когда Кутузовъ схватился съ ними, пуля ударила его въ щеку и вылетѣла въ затылокъ. Онъ упалъ. Всѣ ожидали, что рана смертельна. Но Кутузовъ не только остался живъ, но даже вскорѣ поступилъ снова въ боевые ряды.

«Должно полагать,—писалъ Масси, главный медикъ при арміи Потемкина,—что судьба назначаетъ Кутузова къ чему-нибудь великому, ибо онъ остался живъ послѣ двухъ ранъ, смертельныхъ по всѣмъ правиламъ науки медицинской».

Императрица прислала Кутузову орденъ св. Анны.

Осада тянулась. Наступила мокрая осень. За нею слѣдовала холодная зима. Войско гибло отъ стужи, болѣзней и недостатковъ. Масси имѣлъ смѣлость доказывать Потемкину, что полковая аптека находится въ самомъ жалкомъ положеніи, и что не было ни перевязокъ ни

корпіи, чтобы перевязать раненыхъ послѣ осады.

— Basta!—сказалъ князь.—Раненыхъ болѣе не будетъ! *).

И Потемкинъ **), наконецъ, рѣшился смѣлымъ приступомъ загладить свою медленность. 6-го октября начался кровопролитный штурмъ. Очаковъ былъ взятъ. Въ память имени святителя, въ день котораго пала сильная крѣпость, на мѣстѣ ея Потемкинъ заложилъ городъ, назвавъ Николаевомъ.

Война продолжалась и въ слѣдующій годъ.

Кутузовъ въ теченіе этого года охранялъ то берега Днѣстра и Буга, то дѣйствовалъ на Дунаѣ, дѣлая поиски въ сторону одной изъ сильнѣйшихъ въ то время турецкихъ крѣпостей,—Измаила.

Въ общемъ ходъ войны въ этотъ годъ былъ нерѣшительный. Армія русская была обезсилена, а происходившія волненія въ Польшѣ, затруднительное состояніе русскихъ финансовъ и война на сѣверѣ со шведами—не позволяли,

*) „Русск. Стар.“ 1878 г.

**) Князь род. въ 1739 г., ум. въ 1791 году.

какъ желалъ Потемкинъ, дѣйствовать въ Турціи надлежащимъ образомъ. Слѣдовало увеличить здѣсь военныя силы, но вслѣдствіе приведенныхъ причинъ сдѣлать это была не въ силахъ государыня. Къ этому вскорѣ присоединилось новое неблагопріятное обстоятельство для успѣшной войны: союзникъ императрицы Іосифъ II умеръ, а его преемникъ, императоръ Леопольдъ, въ іюнѣ 1790 года заключилъ миръ съ Турціей и отозвалъ свои войска, дѣйствовавшія въ союзѣ съ русскими. Россія осталась одна противъ Турціи. Планъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы и возстановленіи Греческой имперіи, какъ мечталъ Потемкинъ, само собой, долженъ былъ рушиться. Это понималъ теперь и самъ командующій войсками князь. Неудача въ планахъ за неимѣніемъ нужныхъ средствъ раздражала до крайности виновника трудной и безполезной войны.

Въ Яссахъ, гдѣ онъ жилъ теперь, окруженный великолѣпіемъ, дипломатами и всей роскошью Европы и Азіи, когда всѣ называли его неслыханнымъ любимцемъ и баловнемъ счастья, свѣтлѣйшій князь, пресыщенный ни-

знію, томился и страдалъ, чувствуя, что задуманное дѣло онъ не въ силахъ довести до конца, что величественные планы его разлетаются впрахъ, и онъ не болѣе какъ великій мечтатель.

Императрица приказывала скорѣе кончать обременительную войну, Потемкинъ и самъ уже желалъ этого; но турки, несмотря на пораженія, которыя они несли отъ Суворова и Рѣпнина, не шли на переговоры. Тогда князь, чтобы съ честью выйти изъ борьбы и однимъ смѣлымъ ударомъ заставить турокъ просить мира, приказалъ Суворову взять неприступный Измаилъ, отъ котораго уже не разъ отступали наши войска, и который непріятель считалъ своимъ оплотомъ.

Едва получилъ приказаніе Суворовъ, какъ тотчасъ же поскакалъ къ Измаилу. Это было въ концѣ ноября 1790 года. Корпусъ русскихъ войскъ, осаждавшій до этого времени турецкую твердыню, снялъ блокаду и отступалъ. Была слякоть и грязь. Животныя и люди съ трудомъ двигались по испорченнымъ дорогамъ.

Стояла одна изъ ненастныхъ ноябрьскихъ

ночей. Авангардъ отступающихъ войскъ нашихъ расположился бивуакомъ. Мрачны и унылы были солдаты. Вдругъ на одномъ изъ передовыхъ аванпостовъ услыхали, что чьи-то конскія копыта шлепаютъ по грязнымъ, расплывшимся лужамъ, и вскорѣ изъ ночной мглы обозначились фигуры небольшой кучки всадниковъ. Они подъѣхали къ аванпосту. Передовой всадникъ, худенькій шестидесятилѣтній старичокъ, въ старой шинелькѣ, измоченный дождемъ, облѣпленный грязью, на казацкой бойкой лошадкѣ, съ нагайкой въ рукѣ, справившись отъ солдатиковъ, къ какой части войска они принадлежатъ и гдѣ командиръ, спрашиваетъ:

— Откуда вы идете?

— Отъ Измаила отступаемъ,—отвѣчаютъ.

— Вздоръ! Помилуй Богъ, отступленія больше не будетъ!—вскрикиваетъ оживившійся старичокъ и приказываетъ себя проводить къ командующему генералу.

По всему бивуаку вмигъ проносится молва:

— Суворовъ пріѣхалъ!..

Всѣ оживились*).

Дѣйствительно, это былъ Суворовъ. Найдя наши войска отступающими, онъ воротилъ ихъ и снова подступилъ къ неприступному Измаилу, куда и началъ стягивать разбросанные отряды.

Генералъ-поручикъ Кутузовъ получилъ приказаніе присоединиться къ осадному корпусу. Онъ не замедлилъ явиться. Быстро собрались войска. Суворовъ приказалъ рыть траншеи и послалъ къ измаильскому пашѣ парламентера съ требованіемъ сдачи. Турецкій комендантъ прислалъ гордый отвѣтъ, объявивъ, что скорѣе звѣзды спадутъ съ неба и Дунай потечетъ назадъ, чѣмъ сдастся Измаилъ русскимъ. Турки были вполнѣ увѣрены, что и на этотъ разъ наши отступятъ. Но вышло не такъ. Суворовъ началъ готовиться къ штурму. Въ крѣпкихъ измаильскихъ стѣнахъ засѣло 40,000 отборнаго турецкаго войска; русскій вождь имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего 30,000 солдатъ. Преимущество въ силахъ было на сторонѣ непріятеля.

*) Объ этомъ пріѣздѣ упоминаетъ въ своихъ запискахъ казацкій атаманъ Денисъ Давыдовъ.

Ночь на 10-е декабря Суворовъ назначилъ для штурма. Всѣ силы свои онъ раздѣлилъ на шесть колоннъ. Кутузовъ находился у него на лѣвомъ флангѣ и командовалъ шестой колонной. Суворовъ отдалъ приказъ: по первой сигнальной ракетѣ быть частямъ на своихъ мѣстахъ, по второй — итти къ крѣпости, по третьей—начинать атаку. Когда отданы были всѣ приказанія и все приготовлено къ штурму, въ лагерь примчался гонецъ отъ свѣтлѣйшаго съ запиской къ Суворову. Потемкинъ, боясь безславной неудачи, предлагалъ Суворову отступить. Послѣдній лаконически отвѣчалъ: «два раза русскіе были подъ Измаиломъ и отступали, — стыдно отступить въ третій разъ».

Гонецъ съ этимъ отвѣтомъ умчался обратно въ Яссы, а въ полночь надъ лагеремъ русскихъ взвилась первая сигнальная ракета. Среди ночного безмолвія, соблюдая тишину, атакующія колонны двинулись къ Измаилу. Взвилась передъ разсвѣтомъ послѣдняя ракета, и суворовскіе богатыри бросились на турецкіе бастіоны. Земля дрогнула отъ адскаго грома и

грохота пушекъ, ружейной трескотни. Громовые крики русскаго «ура» смѣшались съ грозными кликами «Аллахъ»!..

Русскіе лѣзли на стѣны. Турки грудью встрѣтили ихъ.

Начался кровопролитнѣйшій, неслыханный до того времени штурмъ.

Было уже утро. Бой кипѣлъ. Самый укрѣпленный пунктъ пришлось штурмовать Кутузову. Спокойно и хладнокровно, не обращая вниманія на пули, летавшія вокругъ него, молодой генералъ распоряжался битвой, ободряя и словомъ и примѣромъ своихъ людей. Не разъ онъ сбивалъ непріятеля, но послѣдній возвращался съ новыми силами и отражалъ атакующихъ.

Истощивъ всѣ усилія храбрости, видя громадную убыль въ своихъ войскахъ, крѣпость турецкой позиціи, Кутузовъ послалъ ординарца къ Суворову съ просьбой о подкрѣпленіи.

Но всѣ резервы были уже въ дѣлѣ. Суворову некого было посылать. Желѣзный старикъ приказалъ сказать Кутузову:

— Скажите, что я жалую его измаильскимъ губернаторомъ!

Съ этимъ коротенькимъ отвѣтомъ, вмѣсто всякихъ подкрѣпленій, ординарецъ прискакалъ къ Кутузову.

Выслушавъ отвѣтъ, Кутузовъ вновь выстроилъ свою колонну, сталъ во главѣ ея и бросился на непріятеля. Произошла страшная рѣзня. Кутузовская колонна ворвалась на штыкахъ въ Измаилъ, и Кутузовъ изъ первыхъ вошелъ въ непріятельскую твердыню.

Измаилъ палъ. Суворовъ прискакалъ въ пылающій городъ и съ мѣста битвы тотчасъ же отправилъ курьера съ донесеніемъ. Онъ писалъ Екатеринѣ:

«Гордый Измаилъ у ногъ Вашего Императорскаго Величества».—«Не бывало крѣпости крѣпче, не бывало обороны отчаяннѣе Измаила, но Измаилъ взятъ», писалъ онъ Потемкину.

Когда онъ вошелъ въ домъ, занимаемый пашою, и къ нему собрались всѣ начальники частей, то за столомъ Кутузовъ просилъ у

Суворова разъясненія на странный отвѣтъ вмѣсто подкрѣпленія. Онъ скороговоркой сказалъ:

— Помилуй Богъ, ничего!.. ничего! Суворовъ знаетъ Кутузова, а Кутузовъ Суворова; если бъ Измаилъ не былъ взятъ, Суворовъ не остался бы въ живыхъ и Кутузовъ томе!

Отзываясь съ необыкновенной похвалой о доблестяхъ Кутузова, Суворовъ доносилъ:

«Кутузовъ шелъ у меня на лѣвой рукѣ, а былъ моею правою рукою».

Императрица прислала Кутузову георгіевскую звѣзду за Измаилъ.

Насталъ послѣдній, четвертый годъ русско-турецкой войны. Турки были ошеломлены измаильскимъ погромомъ. Нанесенное имъ пораженіе княземъ Рѣпнинымъ 28 іюня 1791-года подъ Мачиномъ заставило ихъ, наконецъ, заговорить о мирѣ. Переговоры начались въ Яссахъ. Умирающій Потемкинъ подписалъ условія мира: обѣ изъ воюющихъ сторонъ остались при прежнихъ своихъ владѣніяхъ, и Турція только навсегда отказалась отъ своихъ правъ на Крымъ въ пользу Россіи. Миръ для

всѣхъ былъ радостью: императрица и общество давно желали его.

Пока не начались переговоры, Кутузовъ былъ комендантомъ Измаила, производилъ удачные поиски, а въ Мачинской битвѣ командовалъ правымъ крыломъ русскихъ войскъ и первый напалъ на непріятеля. Князь Рѣпнинъ, донося о битвѣ, отозвался такъ о немъ:

«Расторопность и распорядительность Кутузова превосходятъ всякую похвалу».

Послѣдней битвой закончились боевые подвиги Кутузова въ эпоху войнъ екатерининскаго времени на берегахъ Дуная. Съ окончаніемъ борьбы здѣсь Кутузовъ получилъ приказаніе перейти въ армію Каховскаго, дѣйствующую въ предѣлахъ Польши.

Наступили послѣдніе часы самобытности Польскаго королевства, или такъ называемой Посполитой Рѣчи. Ходъ историческихъ событій для Польши сложился такъ, что она должна была распасться и по частямъ войти въ составъ трехъ сильныхъ сосѣднихъ государствъ: Пруссіи, Австріи и Россіи. Мысль о раздѣлѣ королевства впервые была предложена импера-

трицѣ прусскимъ королемъ Фридрихомъ Великимъ еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Она была принята. Разныя политическія соображенія и обстоятельства помогли королевству еще лѣтъ тридцать просуществовать самостоятельно, но наконецъ они миновали, и раньше задуманный планъ былъ приведенъ въ исполненіе.

«Самобытность Польши была докончена мечомъ Суворова.*) 24 октября 1794 года взята была имъ Варшава, а съ ея паденіемъ Рѣчь Посполитая, когда-то грозная и опасная для нашихъ предковъ, перестала существовать. Вѣковой споръ между разновидностями славянскаго племени, русскими и поляками, о первенствѣ въ политической исторіи Европы рѣшился въ пользу первыхъ.

---

*) Въ первую войну отъ Польши отошла къ Россіи Бѣлоруссія, а въ послѣднюю — нынѣшнія Минская, Волынская и Подольская губ. Галиція отошла къ Австріи, а Познань — къ Пруссіи.

III.

Императрица Екатерина II. — Императоръ Павелъ I. — Дѣятельность Кутузова.

(1794 г.—1801 г.).

Послѣ эпохи Петра Великаго самый блестящій періодъ въ исторіи жизни русскаго народа, по справедливости, въ прошломъ вѣкѣ принадлежитъ времени царствованія Екатерины II-й.

Высоко-образованная въ духѣ французскихъ философовъ XVIII вѣка, императрица хотѣла сдѣлать для своего государства все, что было возможно для того времени, чтобы поднять общее благосостояніе, развитіе и увеличить какъ внутреннее, такъ и внѣшнее могущество. Но не все такъ сбылось, какъ она желала, и многія изъ предположенныхъ реформъ не могли осуществиться вслѣдствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Такъ, напримѣръ, ничѣмъ кончилось собраніе депутатовъ отъ

всѣхъ сословій для составленія законовъ*) и равныхъ мѣръ относительно улучшенія быта всѣхъ классовъ; не измѣнилось тяжелое положеніе крестьянства, вызвавшее во время первой турецкой войны страшный бунтъ Пугачева, а въ концѣ ея царствованія начавшаяся революція во Франціи совершенно измѣнила ея взгляды и прежнія убѣжденія на порядокъ вещей. Однако, благодаря ея заботамъ, образованіе въ дворянскомъ сословіи сдѣлало большой шагъ впередъ, и лучшіе люди того времени свободно могли высказывать свои мысли и взгляды на воспитаніе, правосудіе, обязанности дворянства, отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ и проч.**), смягчились нравы, увеличилась правда въ судахъ, и въ общемъ при Екатеринѣ русскимъ людямъ жилось лучше, чѣмъ прежде.

Въ первые годы своего правленія импера-

*) Изд. Наказа о собр. комиссіи для составленія законовъ. 1767 года.

**) Лучшій изъ писателей временъ Екатерины II, передовой человѣкъ тогдашняго общества, смѣло высказывавшій и развивавшій свои убѣжденія передъ обществомъ, былъ Фонвизинъ.

трица во все сама входила, вникала и работала какъ ни одинъ изъ ея министровъ. Однажды она, въ откровенномъ разговорѣ, сказала:

— Было время, когда я работала пятнадцать часовъ въ сутки *).

«Она сама занималась сочиненіемъ законовъ, — говоритъ любимый ея поэтъ Державинъ, — какъ-то: грамотою дворянству, уставомъ благочинія и прочими учрежденіями». Въ часы отдохновенія ея отъ дѣлъ забавлялась упражненіями, свойственными ея просвѣщенному вѣку. Она писала хотя не весьма удачныя, но шутливыя комедіи, какъ-то: *Ѳедулъ съ дѣтьми* и проч... Для великихъ князей, Александра и Константина, сочинила азбуку съ разными нравоученіями.

Какъ женщина, любящая славу, она передъ всѣми желала показать, что всѣмъ въ государствѣ одна завѣдуетъ; но тѣмъ не менѣе великая государыня, умѣя угадывать способныхъ и талантливыхъ людей, искала ихъ, приближала

*) Записки Миниха, „Русск. Ст." 1874 г.

къ себѣ и, смотря по ихъ способностямъ и дарованіямъ, поручала управленіе и веденіе различныхъ государственныхъ дѣлъ. При восшествіи своемъ на престолъ императрица не отдаляла отъ себя государственныхъ дѣятелей и прежнихъ царствованій, какъ по свойственному ей чувству деликатности, такъ и въ признаніи ихъ заслугъ и дарованій, и она не только ихъ выслушивала благосклонно, но и сама совѣщалась съ ними, обдумывая планъ преобразованія государственнаго строя. Вотъ собственноручное ея письмо къ одному изъ такихъ дѣятелей *):

«Дмитрій Васильевичъ. Я вашу реляцію отъ 26-го мая (1763 г.) получила исправно и всѣ

---

*) Это было писано къ Д. В. Волкову. Волковъ былъ замѣчательный дѣятель трехъ царствованій: Елисаветы, Петра III и Екатерины II. Д. В. Волковъ ознаменовалъ себя умомъ и энергическою дѣятельностью. Онъ былъ тайный секретарь при Петрѣ III, и важнѣйшіе государственные акты, вышедшіе во время этого краткаго царствованія, были составлены имъ. При Екатеринѣ онъ былъ оренбургскимъ губернаторомъ, потомъ генералъ-полицеймейстеромъ Петербурга и наконецъ смоленскимъ намѣстникомъ. Онъ имѣлъ себя достойнымъ выбора и особаго довѣрія къ нему Екатерины II. Волковъ,

ваши примѣчанія съ удовольствіемъ вижу... Свободу талантамъ вашимъ дала по нуждѣ дѣлъ, вами представляемыхъ... Я всегда радуюсь, когда въ подданныхъ моихъ вижу проворство къ дѣлу и ревность къ службѣ, а въ реляціи вашей и то и другое усматриваю. Когда подданные желаютъ имѣть трудолюбиваго и попечительнаго о ихъ благѣ государя, то и государь не меньше веселится, видя подданныхъ, себѣ помогающихъ... Трудитеся... Прямая заслуга всегда обстоятельства ваши исправитъ, о чемъ вы не сумнѣвайтеся... Но опасайтеся, чтобъ кто, въ глазахъ моихъ, доброе ваше намѣреніе злосчастнымъ сдѣлалъ. Мнѣ кажется, я вамъ руки развязала, только бы вы труда своего не жалѣли... Ежели желаніе ваше то

какъ извѣстно, былъ изъ числа немногихъ государственныхъ нѣмцевъ Петра III; государыня облекла его своей довѣренностью и благосклонностью, цѣня его умъ и способности. Благосклонно она относилась и къ престарѣлому фельдмаршалу графу Миниху и друг. Здѣсь кстати замѣтить, что большая часть проектовъ, исполненныхъ Екатериною II, была задумана ея супругомъ. Въ числѣ его нововведеній были дарованіе свободы дворянству, которое до него не могло ѣздить за границу, мѣры къ облегченію участи крѣпостныхъ. „Рус. Стар.“ за 1878 г.

же, что и воля моя, то я уже вамъ въ указѣ въ сенатѣ объявила, что мнѣ отъ васъ надобно... Напослѣдокъ я вамъ даю обнадеживаніе, что мнѣ всегда пріятно будетъ губернаторскіе труды съ успѣхами видѣть, которые я ободрять не оставлю моею аппробаціею. Екатерина».

Государыня умѣла пользоваться дарованіями способныхъ людей, кто бы ни были они, и любила, чтобы они свои убѣжденія излагали передъ ней прямо, не стѣсняясь, хотя бы и имѣли различный съ нею взглядъ на сущность дѣла или на предполагаемую мѣру. По словамъ англійскихъ дипломатовъ, Панинъ, который въ началѣ ея царствованія завѣдывалъ сношеніями съ иностранными государствами, свои убѣжденія высказывалъ императрицѣ не обинуясь и, однажды, цѣлый часъ отстаивалъ свой взглядъ, не раздѣляемый государынею (Макартней). Нерѣдко раздражалась осужденіемъ или возраженіемъ противъ своихъ намѣреній, Екатерина II тотчасъ же смягчалась, когда проходила первая вспышка, и она сама замѣчала неправоту своихъ мнѣній.

«Разъ Екатерина была недовольна однимъ

изъ иноземныхъ пословъ и, пригласивъ его къ себѣ къ обѣду, начала говорить съ нимъ рѣзко и желчно. Храповицкій (ея статсъ-секретарь) сказалъ вполголоса: «Жаль, что матушка такъ неосторожно говоритъ». Императрица перемѣнила разговоръ. Послѣ обѣда, когда роздали чашки кофе, государыня подошла къ Храповицкому и вполголоса сказала:

«— Ваше превосходительство, вы слишкомъ дерзки, что осмѣливаетесь давать мнѣ совѣты, которыхъ у васъ не просятъ.

«Гнѣвъ былъ на ея лицѣ; она поставила дрожащей рукой чашку на подносъ, раскланялась и вышла. Храповицкій считалъ себя погибшимъ; онъ едва поплелся домой, но на лѣстницѣ догналъ его камердинеръ съ приказаніемъ, чтобы шелъ къ императрицѣ... Императрица ходила по комнатѣ и, остановившись противъ него, съ гнѣвомъ опять сказала:

«— Ваше превосходительство, какъ смѣли вы при собраніи явно укорять меня, тогда какъ вы не должны смѣть въ присутствіи моемъ говорить иначе, какъ отвѣчая на мои вопросы?

«Храповицкій упалъ въ ноги и просилъ помилованія. Императрица вдругъ перемѣнила тонъ и съ лаской, приказавъ ему встать, сказала:

«— Знаю, знаю, что вы это сдѣлали изъ любви ко мнѣ, благодарю васъ.

«Взявъ со стола табакерку съ брильянтами (кстати замѣтимъ, тогда было въ модѣ и считалось необходимымъ приличіемъ нюхать табакъ, чего придерживалась и Екатерина), она продолжала:

«— Вотъ возьмите на память; я женщина и притомъ пылкая, часто увлекаюсь; прошу васъ, если замѣтите мою неосторожность, не выражайте явно своего неудовольствія и не высказывайте замѣчанія, но раскройте эту табакерку и нюхайте: я тотчасъ пойму и удержусь отъ того, что вамъ не нравится» *).

Екатерина II для собранія художественныхъ произведеній: картинъ, статуй и проч., начатаго еще Петромъ Великимъ, продолжаемаго его преемниками и наконецъ ею самой, прика-

*) „Рус. Ст.“ 1874 г. „Историч. разск. и анекдоты“.

зала построить великолѣпное зданіе подлѣ Зимняго дворца и назвала его Эрмитажемъ (уединеніе). Постройка, составляя какъ бы продолженіе дворца, была любимымъ мѣстомъ для отдохновенія Екатерины II отъ занятій государственными дѣлами. Здѣсь въ залахъ устраивались концерты, спектакли, но съ этими развлеченіями, въ эрмитажныхъ собраніяхъ, императрица соединяла и государственные виды. Тутъ она узнавала способности и достоинства людей, ихъ недостатки и пороки. Если случалось ей слышать о какомъ-либо достойномъ человѣкѣ, она прежде приказывала повѣрить эти слухи, а потомъ приглашала его въ эрмитажныя собранія. Здѣсь она заговаривала съ нимъ о разныхъ предметахъ и вводила его самого въ разговоръ. Сообразуясь съ личными наблюденіями, однихъ она отдаляла отъ себя, другихъ приближала и возвышала. Губернаторы назначались только чрезъ Эрмитажъ. На важнѣйшія мѣста министровъ, статсъ-секретарей и другія она опредѣляла не иначе какъ послѣ продолжительнаго личнаго знакомства... Она умѣла выбирать людей.

Понимая необходимость науки и знаній для своего народа, «императрица,—говоритъ академикъ Бычковъ,—является средоточіемъ, изъ котораго исходитъ все, совершенное во второй половинѣ XVIII вѣка въ области русской исторической науки, сдѣлавшей, благодаря ея покровительству, вниманію и одобренію, замѣчательные успѣхи не только между записными учеными, но и въ средѣ полуобразованной, вдали отъ центровъ умственнаго движенія». Мудрая государыня «въ своихъ запискахъ и замѣткахъ не разъ высказывала задушевныя желанія о томъ, чтобы Россія процвѣла промышленностью, искусствами и наукою, и чтобы она, идя постоянно впередъ по пути развитія, заняла почетное мѣсто среди европейскихъ державъ».

При своемъ свѣтломъ умѣ императрица обладала и рѣдкимъ великодушіемъ. «Читая журналъ Новикова «Живописецъ»,—разсказываетъ собиратель *) преданій и разсказовъ о ней и ея времени,—императрица часто догадывалась, что во многихъ мѣстахъ осуждали

*) Тамъ же.

ея дѣйствія или смѣялись надъ ея слабостями. Нерѣдко она плакала и говорила: «что я имъ сдѣлала, за что они на меня нападаютъ?», но никогда не преслѣдовала».

На личную клевету, какъ до нея недосягаемую, она отвѣчала царственнымъ презрѣніемъ, что ярко рисуетъ слѣдующій разсказъ:

«Нѣкто К. Х., возвратясь изъ Парижа въ Москву, отличался невоздержностью языка и при всякомъ случаѣ язвительно поносилъ Екатерину. Императрица велѣла сказать ему чрезъ фельдмаршала графа Салтыкова (бывшій главнокомандующій въ Москвѣ), что за таковыя дерзости въ Парижѣ сажаютъ въ Бастилію, а у насъ недавно рѣзали языки; что не будучи отъ природы жестока, она для *такого бездѣльника*, каковъ Х., нравъ свой перемѣнять не намѣрена; однако, совѣтуетъ ему впредь быть осторожнѣе» *).

Въ высшей степени трудолюбивая и разносторонняя въ своихъ трудахъ, Екатерина II въ одно время желала сблизиться съ этими умами, служившими оракулами своего времени, и

*) Анекдоты. Соч. Пушкина, изд. Смирдина, т. VII.

завела съ ними дѣятельную переписку. Она сносилась съ д'Аламберомъ, Дидро, Вольтеромъ, французомъ Гриммомъ и другими учеными. Орудіемъ переписки со всѣми ими служилъ почти исключительно французскій языкъ.

Эти сношенія имѣли многостороннюю цѣль: съ одной стороны, Екатерина желала такимъ способомъ быть постоянно въ извѣстности обо всемъ, что происходило на Западѣ, и что о ней говорили; съ другой, зная обширныя связи этихъ лицъ, а также ихъ авторитетъ и вліяніе на общественное мнѣніе, она желала своими письмами къ нимъ распространить за границею вѣрныя или, по крайней мѣрѣ, согласныя съ ея видами, свѣдѣнія о русскихъ дѣлахъ, опровергать клеветы и лживые толки, которые безпрестанно были распускаемы врагами Россіи. Къ этимъ соображеніямъ примѣшивалось, конечно, и славолюбіе, сильно возбуждавшее вообще дѣятельность Екатерины; но то было славолюбіе благородное, проистекавшее изъ стремленія заслужить одобреніе просвѣщеннаго міра...

Англійскіе дипломаты, лично знавшіе и ви-

дѣвшіе дѣла императрицы, видя мягкость ея дѣйствій въ правленіи, которой до ея времени не существовало, «благоговѣютъ передъ дарованіемъ, характеромъ и неутомимостью Екатерины II». Еще съ большимъ благоговѣніемъ относились къ ней тѣ изъ русскихъ людей, которые могли понять ея великую душу. Проницательные, безпристрастные люди благоговѣли передъ ней.

„Богоподобная царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна!..
Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ,
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь...“

Не льстя, отъ всего сердца, восклицаетъ Державинъ *), благоговѣя отъ восторга передъ своей царицей.

*) Державинъ род. 1741 г., ум. 1816 г. Его называютъ пѣвцомъ Фелицы. Въ одахъ онъ прославлялъ императрицу и ея полководцевъ.

И благоговѣніе передъ царственной женой современниковъ было не удивительно.

Передъ нею былъ примѣръ великаго труженика (Петръ Великій), наслѣдіе котораго она сдѣлала своею собственностію наперекоръ природѣ. Она чувствовала свое близкое родство духовное съ русскимъ великаномъ и только его могучую тѣнь признавала судьею своихъ дѣяній. Она принялась за работу и работала не покладая рукъ, изумляя міръ силою своего разума, своихъ неслыханныхъ способностей. Не было сферы, которую бы она признавала себѣ чужой. И все, за что ни бралась она, поддавалось ей.

«Въ ней было два существа, повидимому противоположныхъ другъ другу: разносторонне геніальный человѣкъ и женщина. Но она умѣла примирить непримиримое.

«Ее сравнивали съ знаменитой царицей древняго міра, и она, ненавистница лести, спокойно принимала сравненіе».

Древніе авторы приписываютъ владычицѣ Ассиріи такую эпитафію:

«Природа дала мнѣ тѣло женщины, мои

дѣянія сдѣлали меня подобной самымъ крѣпкимъ мужамъ. Я владычествовала надъ государствомъ распространеннымъ во всѣ концы свѣта; до меня ни одинъ ассиріянинъ не видалъ моря—я видѣла четыре моря, до которыхъ не досягалъ еще никто—и я подчинила эти моря моимъ законамъ. Я принудила рѣки измѣнить по моей волѣ теченіе для блага подвластныхъ мнѣ народовъ. Я сдѣлала плодоносною пустыню, оросивъ ее моими рѣками. Я воздвигла гордыя твердыни. Я проложила дороги чрезъ недостижимые утесы. Я вымостила моимъ серебромъ пути, на которыхъ до меня видѣлись только слѣды дикихъ звѣрей. И совершая все это, я находила время для своихъ наслажденій и для наслажденій друзей моихъ!»

Такова была императрица Екатерина Великая, какъ назвало ее и потомство.

Кутузовъ, какъ и его современники, находясь подъ обаяніемъ величія Екатерины II, какъ и всѣ, благоговѣлъ предъ Сѣверной Семирамидой. Онъ разсказывалъ:

— Матушка-царица приказала прибыть въ Царское Село, къ себѣ; я поспѣшилъ... Пріѣз-

жаю въ Царское... у меня Георгій на груди... Дохожу до кабинета, отворились двери; что со мною сталось? И теперь еще не опомнюсь! Я забылъ и Георгія и то, что я Кутузовъ. Я ничего не видалъ, кромѣ небесныхъ голубыхъ очей, кромѣ царскаго взора Екатерины. Вотъ была награда!

Государыня, хорошо умѣя оцѣнивать способности людей, подмѣтила въ Кутузовѣ не одни военныя дарованія, но и качества дѣльнаго и тонкаго дипломата. Вызвавъ его изъ арміи въ Петербургъ, она назначила его посломъ въ Константинополь. При празднованіи же мира, заключеннаго въ Яссахъ, въ столицѣ Екатерина II дала ему званіе казанскаго и вятскаго генералъ-губернатора и подарила 2,000 душъ.

Михаилъ Иларіоновичъ, какъ и большинство его современниковъ, раздѣлялъ общее убѣжденіе; но въ отношеніяхъ своихъ къ крестьянамъ былъ добрымъ владѣльцемъ, такъ какъ худое обращеніе было несвойственно его характеру, и онъ любилъ русскаго человѣка. Онъ принадлежалъ къ той немалой категоріи прек-

нихъ русскихъ помѣщиковъ, которые своимъ мягкимъ управленіемъ крѣпостныхъ смягчали положеніе этого сословія.

Посольство Кутузова въ Константинополь, по словамъ Полевого, «было великолѣпное». Своею дѣятельностью онъ пріобрѣлъ уваженіе и благодарность друзей и недруговъ и своими тактичными и рѣшительными дѣйствіями способствовалъ немало къ утвержденію зліянія Россіи. Екатерининскій посолъ изумлялъ умомъ тѣхъ, кто столь недавно видалъ его на поляхъ брани.

Въ 1795 году императрица снова вызвала Кутузова въ Россію и облекла его новыми обязанностями; съ званіемъ главнокомандующаго войсками въ Финляндіи соединилъ онъ званіе директора кадетскаго корпуса, и въ этой должности онъ такъ поставилъ себя, что кадеты любили его какъ отца и уважали. Довольная имъ, императрица вполнѣ довѣряла ему и приняла въ небольшой кругъ особъ, составлявшихъ ея избранное общество, въ которомъ она сбрасывала съ себя всѣ узы придворнаго эти-

кета и забывала стѣснительныя требованія своего сана, отдыхая въ задушевной бесѣдѣ.

Для Кутузова это была высокая награда.

Но не долго пришлось Михаилу Иларіоновичу пользоваться милостями своей царицы. Шелъ 1796 годъ. Государынѣ шелъ уже шестьдесятъ-шестой годъ. Прежняя сильная красивая женщина незамѣтно превратилась въ больную старушку. Государыня стала рѣже показываться передъ публикой, «хотя и продолжала еще вести свою обычную трудовую жизнь: каждое утро рано вставала, внимательно выслушивала доклады, писала, интересовалась самыми разнообразными дѣлами и не покидала послѣдней своей мысли»: устроить бракосочетаніе короля шведскаго съ Александрой Павловной (своей внучкой).

По вечерамъ иногда собиралось въ Эрмитажѣ, какъ въ прежніе годы, ея интимное общество; она появлялась, повидимому, добрая и свѣжая, шутила, садилась за карточный столъ, но дни ея уже были сочтены.

Насталъ ноябрь. Наканунѣ 6-го числа, вечеромъ, Кутузовъ былъ въ Эрмитажѣ и разго-

взривалъ съ императрицей, а на утро, часовъ въ семь, нашли ее лежащей на полу въ гардеробѣ, подняли, не могли привести въ чувство, и она скончалась *).

Павелъ Петровичъ, сынъ Екатерины и Петра III, сталъ русскимъ императоромъ.

Новый императоръ, во все время царствованія матери, не входилъ въ управленіе государственными дѣлами, жилъ въ Гатчинѣ, обдумывая въ тишинѣ своего кабинета планъ будущаго государственнаго устройства и внутренней политики, когда ему придется вступить на престолъ. Новый императоръ былъ глубоко проникнутъ любовью къ правдѣ, отечеству и сознаніемъ своего высокаго назначенія.

Какъ ни блестяще было дѣлами прошлое царствованіе, однако, какъ это и всегда бы-

*) Важнѣйшія постановленія и учрежденія Екатерины: а) Учрежденіе Воспитательнаго дома въ Москвѣ 1763 г.; б) уничтоженіе монастырскихъ вотчинъ 1764 г.; в) учрежденіе государ. заемн. банка 1783 г.; г) введеніе прививанія оспы 1768 г.; д) введеніе ассигнацій въ 1768 г.; е) учрежд. Вольнаго экон. общест. 1765 г.; ж) грамота рос. дворян. и изд. городового положенія 1785 г.; з) уставъ народ. училищъ въ 1786 году.

вается, во многихъ сторонахъ государственной жизни существовали недосмотры и недостатки.

Императоръ Павелъ рѣшилъ искоренить злоупотребленія и распущенность въ жизни и въ управленіи.

Всѣ ожидали перемѣнъ и нововведеній, и они начались.

Нововведенія начались съ войска. Сначала вводится строгая дисциплина. Укоренившейся *) распущенности полагался конецъ. Привольная жизнь петербургскихъ гвардейцевъ быстро измѣнялась. Во времена императора Павла уже нельзя было только считаться на службѣ, получать права и не нести никакихъ обязанностей. Нужно было служить или выходить въ отставку. Теперь въ полкахъ водворилась дисциплина, ревностнымъ блюстителемъ которой былъ Аракчеевъ.

«Изящный, блестящій костюмъ, дорогія шубы и муфты офицеровъ превращались въ пріятное воспоминаніе. Стояла морозная зима, но ни шубъ ни муфтъ уже не существовало; нужно было по морозу въ однихъ мундирахъ

*) Императоръ род. 1754 г., ум. 1801 г.

являться на ученье. Изнѣженные, не привыкшіе къ суровой школѣ люди отмораживали себѣ уши и руки.

«Петербургъ издавна привыкъ обращать ночь въ день; теперь и этого уже нельзя было сдѣлать. День начинался рано, еще до свѣта, когда государь, уже давно вставшій и принявшійся за работу, принималъ своихъ докладчиковъ. День кончался рано, когда государь, утомленный разнообразной своей дѣятельностью, прощался съ своими приближенными, домашними и удалялся въ опочивальню. Въ десять часовъ вечера на улицахъ Петербурга должно было прекращаться движеніе. Огни въ домахъ должны были гаснуть.

«Ночью нужно спать — днемъ нужно дѣло дѣлать», такъ говорилъ императоръ и на себѣ показывалъ примѣръ этой аккуратной, размѣренной жизни».

Государь обращалъ вниманіе на все. Виновники въ различныхъ и вопіющихъ злоупотребленіяхъ затрепетали отъ его гнѣва Должны были съеживаться лавочники, купцы, магазинщики, буквально и безсовѣстно обиравшіе

петербургскихъ покупателей, да разнузданная молодежь, которой опасно было теперь превращать день въ ночь и безчинствовать. Пьянство и распущенность преслѣдовались.

Мало-по-малу люди екатерининскаго времени начали замѣняться людьми новыми. Всѣ недовольные новыми порядками уступили свое мѣсто другимъ, Кутузовъ же остался на своемъ посту. Смерть государыни не измѣнила къ худшему его положенія. Императоръ остался къ нему благосклоненъ, оцѣнилъ его заслуги и наградилъ.

Павелъ I имѣлъ врожденную страсть къ военному дѣлу. Еще въ дѣтствѣ, когда его обучали только грамотѣ, его учитель Ѳедоръ Дмитріевичъ Бахтѣевъ, приноравливаясь къ дѣтскимъ понятіямъ и соединяя забаву съ ученіемъ, помѣтилъ буквами русской азбуки игрушечныхъ солдатиковъ, и дитя, ставя ихъ попарно, въ ряды и по-взводамъ, выучилось складывать и читать. Точно такъ же, разбирая и строя складную игрушечную крѣпость, великій князь ознакомился съ нумераціею и первыми правилами ариѳметики. Живя въ

Гатчинѣ, великій князь съ жаромъ занимался военной службой и выправкой своего небольшого отряда солдатъ, находящихся у него на службѣ здѣсь, и по дисциплинѣ его гатчинцы сдѣлались образцовыми. Въ Кутузовѣ императоръ видѣлъ хорошаго генерала.

Разъ на большихъ маневрахъ подъ Петербургомъ, когда одной стороной распоряжался Кутузовъ, а другой графъ Паленъ, и они происходили въ присутствіи императора, государю показалось, будто Кутузовъ дѣлаетъ ошибку. Дѣло заключалось въ томъ, что генералъ Кутузовъ, разославъ всѣхъ своихъ ординарцевъ и адъютантовъ, остался совершенно одинокимъ, не позаботился раньше о своемъ прикрытіи, а благодаря такой оплошности, легко могъ быть взятъ въ плѣнъ небольшимъ непріятельскимъ отрядомъ. Государю захотѣлось на дѣлѣ доказать оплошность боевого генерала.

Съ этой мыслью онъ подъѣхалъ къ графу и попросилъ у него эскадронъ гусаръ въ свое распоряженіе, обѣщаясь привести Кутузова плѣнникомъ... Взявъ гусаръ, государь, во

главѣ ихъ, незамѣтно пробрался въ небольшой лѣсокъ, отдѣлявшійся отъ возвышенія, на которомъ находился Кутузовъ, широкой ложбиной вывелъ своихъ гусаръ на опушку и, видя, что оплошный генералъ остается попрежнему безъ всякой защиты, скомандовалъ гусарамъ впередъ.

Государь скакалъ впереди эскадрона. Кутузовъ съ своего холма какъ будто и не замѣчалъ опасности. Гусары были уже въ серединѣ ложбины; казалось, оплошный генералъ черезъ нѣсколько минутъ будетъ уже въ ихъ рукахъ — и вдругъ изъ-за каждаго кусточка, изъ рытвинки затрещала ружейная трескотня, словно изъ земли выросли притаившіеся солдаты, и государь съ своими гусарами былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Теперь онъ понялъ, что не старикъ Кутузовъ оплошалъ, а онъ самъ ошибся. Досадно было Павлу, что онъ попалъ въ ловушку; молча онъ подъѣхалъ къ Кутузову и объявилъ себя плѣнникомъ его. По окончаніи маневровъ императоръ изъявилъ Кутузову удовольствіе и при всѣхъ сказалъ:

— При такомъ генералѣ Россія можетъ быть покойна.

При восшествіи на престолъ Павла I Кутузовъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, съ званіемъ шефа рязанскаго полка и начальника финляндской дивизіи; послѣ успѣшныхъ дипломатическихъ переговоровъ въ Берлинѣ, куда его посылалъ императоръ Павелъ, и гдѣ прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ особенно къ нему благосклоненъ и внимателенъ, генералъ Кутузовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ русскимъ корпусомъ въ Голландіи, который долженъ былъ дѣйствовать вмѣстѣ съ англійскими войсками противъ Франціи.

Любя военное дѣло, императоръ Павелъ I не былъ войнолюбивымъ человѣкомъ. Онъ хотѣлъ имѣть прекрасную образцовую армію не для завоеваній, а для того, чтобы, имѣя хорошо дисциплинированное войско, всегда имѣть возможность поддерживать свое вліяніе и значеніе въ политическихъ судьбахъ Европы. Безъ крайней надобности императоръ не желалъ жертвовать кровью

русскаго солдата. По его убѣжденію, Россія не нуждалась въ пріобрѣтеніяхъ: ихъ было достаточно; но ей нужно было внутреннее благосостояніе, устройство внутренней своей жизни на честныхъ и законныхъ основаніяхъ. Однимъ словомъ, Павелъ I первое время не желалъ ни съ кѣмъ войны.

Въ послѣдній годъ царствованія Екатерина II для подавленія французской революціи, начавшейся въ 1789 г., вступила въ союзъ съ Англіей и Австріей и готовилась къ войнѣ съ французами. Назначена была армія въ 80,000 штыковъ; Суворовъ долженъ былъ вести ее въ бой. Онъ совсѣмъ уже былъ готовъ къ походу, но скончалась государыня, и новый императоръ отмѣнилъ походъ. Суворову велѣно было сдать команду и явиться въ Петербургъ.

Приказалъ Павелъ прекратить военныя дѣйствія и на Кавказѣ съ Персіей, которыя велись тамъ подъ начальствомъ графа Зубова. Казалось, военныя волненія въ Европѣ не коснутся Россіи. Но этому не суждено было сбыться. Русское государство уже цѣлый вѣкъ

было связано съ политической судьбою европейскихъ государствъ, а потому и теперь не могло не принять участія въ начинавшейся общеевропейской борьбѣ. Благое намѣреніе государя было неисполнимо. Переворотъ, происшедшій во Франціи и разрушившій прежній порядокъ вещей, грозилъ тѣмъ же переворотомъ и другимъ государствамъ Европы. Правители ихъ поняли угрожавшую опасность для себя и рѣшились силою оружія отстоять свои вѣковыя права, власть и строй жизни. Они двинулись на Францію, и началась борьба, почти на цѣлую четверть вѣка.

Судьба и начавшееся движеніе вызвали къ дѣятельности необыкновенный умъ честолюбиваго воителя. Предводителемъ французскихъ силъ явился Наполеонъ Бонапартъ, вначалѣ геніальный генералъ, потомъ грозный властитель Европы и, наконецъ, славный узникъ и развѣнчанный императоръ на пустынномъ сѣдомъ островѣ*).

*) Наполеонъ, уроженецъ острова Корсики, род. въ 1769 г., въ августѣ, въ день битвы, когда корсиканцы были разбиты французскими королевскими войсками и ост-

Посланный республиканскимъ правительствомъ въ Италію командовать французской арміей противъ австрійцевъ, онъ въ короткое время впухъ и впрахъ разгромилъ войска австрійскаго императора. Суворовъ, живя въ своей ссылкѣ и слѣдя по газетнымъ извѣстіямъ за успѣхами новаго вождя, дивился имъ, жадно сгоралъ желаніемъ съ нимъ сразиться, помѣряться военнымъ геніемъ и восклицалъ: «Пора, пора унять его! Посмотрите, какъ онъ далеко шагаетъ», и томился бездѣйствіемъ.

Но жажда войны, въ которой военный геній до сихъ поръ непобѣдимаго полководца могъ развернуться во всей силѣ, происходила въ Суворовѣ и изъ искренняго убѣжденія въ необходимости ея. Онъ враждебно относился къ происшедшему перевороту во Франціи, назы-

---

ровъ былъ присоединенъ къ Франціи. Бонапартъ вступилъ на службу въ артиллерію, въ годъ начала революціи онъ былъ поручикомъ, а черезъ четыре года, двадцати-пяти лѣтъ, уже былъ главнокомандующимъ въ Италіи и вездѣ билъ австрійцевъ. Въ 1804 г., уничтоживъ во Франціи республику, объявилъ себя императоромъ, а черезъ 11 лѣтъ былъ низложенъ, заключенъ англичанами на о. св. Елены въ Атлантическомъ океанѣ, гдѣ скончался на 52 г. жизни.

валъ французовъ *безбожниками*, *пустыми людишками* и думалъ, чтобы вернуть французовъ къ старому порядку, не дать новымъ идеямъ развиться въ остальныхъ государствахъ, непремѣнно слѣдовало всей Европѣ дружно соединиться и силой заглушить революціонную гидру, не жалѣя никакихъ усилій и средствъ...

Его завѣтное желаніе сбылось. Австрія, Англія и Пруссія убѣдили, наконецъ, императора вступить съ ними въ союзъ противъ Франціи, и австрійскій императоръ собственноручнымъ письмомъ просилъ Павла I вмѣстѣ съ войскомъ прислать и Суворова.

Государь, позабывая личное неудовольствіе передъ пользой общаго дѣла, великодушно извинился передъ фельдмаршаломъ.

Въ началѣ февраля 1799 года Суворовъ явился изъ ссылки во дворецъ и упалъ къ ногамъ императора. Павелъ I поднялъ его, дружески обнялъ, заплакалъ и возложилъ на него орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Растроганный фельдмаршалъ воскликнулъ:

— Боже, спаси царя!

— Иди ты спасать царей! — отвѣчалъ государь.

Война началась. Италійскій походъ покрылъ небывалой славой Суворова, хотя ему и не удалось помѣриться съ Наполеономъ, такъ какъ этотъ полководецъ находился въ тотъ годъ въ Египтѣ, гдѣ думалъ своими побѣдами подорвать могущество главнаго врага Франціи — Англіи, и не принималъ участія въ началѣ войны.

Но когда Суворовъ билъ въ Италіи французовъ, въ другихъ мѣстахъ военныхъ дѣйствій какъ австрійцы съ англичанами, такъ и русскіе терпѣли пораженія, благодаря дипломатическимъ мудрецамъ, которые старались, не жалѣя русской крови и денегъ, воспользоваться побѣдами Суворова и обмануть Россію.

Такъ, вслѣдствіе коварнаго поведенія относительно Россіи Тугута*), всегда враждебнаго къ ней, одинъ вспомогательный корпусъ погибъ въ Швейцаріи, а другой положилъ оружіе въ Голландіи.

---

*) Австрійскій министръ, управлявшій въ то время политикой Австріи.

Кутузовъ, отправясь изъ Берлина принять команду надъ этимъ корпусомъ, въ Гамбургѣ узналъ о неблагопріятномъ окончаніи Голландскаго похода и по приказанію государя вернулся въ Петербургъ. Назначивъ его литовскимъ генералъ-губернаторомъ, давъ ему орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, Павелъ I назначилъ его командиромъ арміи, собранной на Волыни.

А въ это время окончилась и война съ французами.

Императоръ Павелъ I, негодуя на коварную и двуличную политику европейскихъ дипломатовъ, которые обращались къ Россіи въ своей крайности и оставляли тотчасъ же ее, когда въ ней проходила надобность, загребая, по пословицѣ, жаръ чужими руками, разорвалъ союзъ съ Европой и приказалъ Суворову *) вернуться съ уцѣлѣвшимъ войскомъ въ Россію.

Еле живой вернулся Суворовъ въ Петербургъ съ славой великаго полководца, а 9-го

*) Суворовъ род. 1729 г., ум. мая 6-го 1800 г.

мая 1800 г. толпы петербургскихъ жителей проводили гробъ народнаго героя въ Александро-Невскую обитель.

Старый воитель умиралъ, когда новый, только-что вернувшійся изъ Египта, разгромилъ въ битвѣ при Маренго австрійскую армію и одной битвой отнялъ у Австріи все то, что доставили ей побѣды русскаго полководца.

Коварство ея политики было наказано.

Въ 1801 г. 11-го марта не стало императора Павла I.

Императоръ Александръ I въ іюлѣ 1801 г. назначилъ Кутузова петербургскимъ генералъ-губернаторомъ; а въ августѣ слѣдующаго года Михаилъ Иларіоновичъ, чувствуя свое здоровье изнуреннымъ трудами дѣятельной сорокалѣтней службы и тяжкими ранами, просилъ увольненія и получилъ его.

Однако, «послѣдній изъ стаи екатерининскихъ орловъ» не долго оставался на покоѣ. Политическія событія быстро смѣнялись одни

другими, Россія вовлекалась въ общій водоворотъ европейскихъ волненій, и Кутузовъ снова долженъ былъ появиться на боевую сцену.

IV.

Походы Кутузова въ Моравію и на Дунай.

1805—1811 годъ.

Кутузовъ жилъ въ деревнѣ, когда получилъ извѣстіе, что въ предположенной войнѣ Россіи въ союзѣ съ Австріей противъ Наполеона, который объявилъ тогда себя императоромъ и изъ недавней республики сдѣлалъ французскую имперію, его назначаютъ командующимъ вспомогательнымъ русскимъ корпусомъ, отправляемымъ за границу.

Война начиналась серьезная. Противъ Наполеона составилась громадная коалиція. Императоръ Александръ, предвидя, что русскимъ

войскамъ придется лицомъ къ лицу встрѣтиться съ величайшимъ воителемъ своего времени, желалъ поручить свои войска искусному генералу, который могъ бы устоять противъ Наполеона, не находившаго до сихъ поръ себѣ достойнаго противника.

За Кутузовымъ была боевая опытность и слава прежнихъ лѣтъ. Изъ оставшихся генераловъ екатерининскаго времени онъ выдавался впереди всѣхъ, и государь, считая его болѣе способнымъ помѣряться съ Наполеономъ, поручилъ ему свои войска.

Кутузовъ не замедлилъ явиться къ мѣсту своего назначенія и 13 августа выступилъ въ походъ съ своимъ войскомъ.

Теперь ему впервые приходилось дѣйствовать самостоятельно. До сихъ поръ, участвуя въ войнахъ, онъ только исполнялъ приказанія другихъ, главная отвѣтственность за успѣхъ дѣла лежала на старшемъ начальникѣ; въ настоящее время онъ явился и главнымъ вождемъ и отвѣтственнымъ генераломъ.

Кутузовъ не смутился, что ему придется дѣйствовать противъ великаго и перваго изъ

полководцевъ своего времени, находившагося въ несравненно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ онъ, и на вопросъ:

— Неужели генералъ думаетъ разбить Наполеона? — Кутузовъ, лукаво ухмыльнувшись, отвѣчалъ:

— Разбить Наполеонъ меня можетъ, но обмануть—никогда.

Когда Кутузовъ двинулся въ походъ, одна австрійская армія стояла на границахъ Италіи, а другая въ предѣлахъ Баваріи. Корпусъ Кутузова долженъ былъ соединиться съ послѣдней, которой командовалъ генералъ Макъ. У Кутузова находилось 32,000 человѣкъ подъ ружьемъ. Во время движенія Кутузовъ побывалъ въ Вѣнѣ, чтобы условиться о военныхъ дѣйствіяхъ. Увидавъ австрійскій планъ войны, русскій генералъ началъ доказывать его несообразность, но въ Вѣнѣ нѣмецкіе тактики отвергли всѣ его разумныя доказательства; Кутузовъ, понявъ, что ихъ не разубѣдишь въ плохомъ планѣ и неспособности, замолчалъ, но принялъ съ своей стороны всѣ мѣры пре-

достороженности, чтобы русскія войска напрасно не пострадали отъ упрямой бездарности.

Пока въ Вѣнѣ толковали о планѣ, Наполеонъ, котораго генералъ Макъ не ожидалъ и считалъ далеко еще отъ австрійской арміи, внезапно появился противъ послѣдней. Макъ растерялся. Наполеонъ далъ ему битву. Австрійцы были разбиты и отрѣзаны отъ отступленія. Макъ, видя, что дѣло проиграно, положилъ передъ Наполеономъ оружіе и сдался въ плѣнъ съ 36,000 арміей.

Кутузовъ, при первомъ извѣстіи о появленіи французовъ, поспѣшилъ съ своимъ корпусомъ на помощь австрійцамъ, но Наполеонъ уже управился съ Маккомъ и шелъ на русскихъ, чтобы съ ними покончить. На берегахъ рѣки Инна Кутузовъ узналъ о гибели австрійской арміи и остановился, а передовые отряды врага были ужъ передъ нимъ. Самъ Наполеонъ въ превосходныхъ силахъ быстро шелъ на Кутузова. Сразиться съ нимъ съ успѣхомъ нечего было и думать русскому генералу. Русскій вождь, не желая подвергнуться участи злополучнаго Макка, рѣшилъ

быстрымъ отступленіемъ къ соединеннымъ главнымъ арміямъ союзниковъ спасти свой корпусъ. По его распоряженію наши начали знаменитое отступленіе.

Главныя силы, при которыхъ находились императоры Александръ I и Францъ, отдѣлялись отъ кутузовскаго корпуса четырехсотверстнымъ разстояніемъ, изрѣзаннымъ горами. Путь былъ чрезвычайно продолжителенъ и утомителенъ. Наполеонъ и его генералы считали Кутузова попавшимся въ ихъ руки; мало надѣялись на благопріятный исходъ и союзники. Но Кутузовъ не растерялся и перехитрилъ своихъ противниковъ геніальнымъ маневрированіемъ, стратегическимъ расчетомъ и дипломатическимъ лукавствомъ. Наполеонъ съ досадой видѣлъ, что русскіе ловко ускользаютъ изъ его рукъ; никакъ не могъ онъ остановить Кутузова и вызвать на рѣшительный бой, гдѣ, безъ сомнѣнія, побѣда была бы на его сторонѣ, и съ раздраженіемъ называлъ русскаго генерала хитрой лисицей, а Кутузовъ ушелъ отъ него и спасъ свой корпусъ отъ пораженія.

Отступая, русскіе выдержали жестокое нападеніе непріятеля при Амштенѣ 25-го октября; разбили черезъ четыре дня французскій корпусъ при Кремсѣ, а 4-го ноября 70,000 русскихъ, составляющихъ арьергардъ Кутузова, подъ командой князя Багратіона, при Голабурнѣ сражались противъ четверного числа непріятелей такъ стойко, что французскіе генералы подумали, будто противъ нихъ бьется вся русская сила, между тѣмъ какъ она съ Кутузовымъ уже далеко ушла впередъ, и Багратіонъ, не видя болѣе надобности удерживать за собой позицію, спокойно снялся съ нея и пошелъ вслѣдъ за главнымъ вождемъ.

Австро-русская армія стояла при Аустерлицѣ, въ Моравіи, когда Кутузовъ благополучно присоединился къ ней съ своимъ корпусомъ. Подвигъ его былъ награжденъ орденомъ Маріи-Терезіи, и императоры поручили ему командованіе надъ союзными силами.

Наполеонъ быстро подвигался. Кутузовъ, не находя удобнымъ мѣстораспоженія императорскихъ армій, заговорилъ объ отступленіи. Его соображеній не приняли. Онъ доказывалъ

пораженіе арміи при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она находилась, если рѣшатся сразиться съ Наполеономъ; ему приказано было напасть на Наполеона.

Наполеонъ только этого и ожидалъ.

20-го ноября 1805 года австро-русская армія напала на французскія позиціи въ присутствіи императоровъ. Бой былъ кровопролитный и кончился совершеннымъ пораженіемъ союзниковъ, которые потеряли 25,000 человѣкъ съ 200 пушекъ и въ безпорядкѣ бѣжали. Кутузовъ былъ раненъ; любимый его зять убитъ. Во время битвы Кутузовъ выказалъ способности отличнаго полководца, но его таланты не могли помочь дѣлу, которое уже раньше, до него, было перепорчено неспособными нѣмецкими тактиками. Въ несчастной битвѣ Кутузовъ оказалъ то обычное мужество, распорядительность и неустрашимость, которыя составляютъ принадлежность хорошаго вождя, когда онъ распоряжается массами.

Въ моментъ битвы узнавъ, что его зять убитъ, Кутузовъ принялъ потрясающее для него извѣстіе спокойно и хладнокровно, какъ

о фактѣ естественномъ въ сраженіяхъ; но на другой день его застали въ слезахъ. Это всѣхъ удивило. Кутузовъ отвѣчалъ:

— Вчера я былъ полководцемъ, а сегодня отецъ!

Отвѣтъ замѣчательный, поясняющій человѣчную натуру Кутузова, которому «были доступны всѣ впечатлѣнія любви и дружбы».

Аустерлицкая битва рѣшила войну; Австрія должна была смириться передъ побѣдителемъ и принять миръ по его волѣ. Миръ состоялся въ Пресбургѣ. Русскія войска вернулись домой.

Государь далъ ему орденъ Владиміра 1-й степени. Тогдашніе тактики, не принимая въ соображеніе ошибки другихъ и забывая доказательства Кутузова о невозможности побѣды подъ Аустерлицемъ, обвинили его одного какъ въ понесенномъ пораженіи, такъ и въ неблагопріятномъ исходѣ войны. Ошибки другихъ были приписаны ему. Не имѣя возможности разубѣдить своихъ цѣнителей и находя это безполезнымъ, Кутузовъ, по наружности, спокойно подчинился общему обвине-

нію, глубоко, однако, чувствуя незаслуженную несправедливость и оскорбленіе. Но онъ умѣлъ владѣть своими чувствами, и явной жалобы никто отъ него не услыхалъ, и только самые близкіе для него люди знали, что чувствовалъ человѣкъ, которому въ чужомъ пиру пришлось принять похмелье.

Война для русскихъ еще не оканчивалась. Начиналась вторая схватка ихъ съ Наполеономъ, въ союзѣ съ Пруссіей, на которую онъ обратилъ теперь свои силы. Не Кутузову были поручены русскія войска въ эту кампанію, а старшему фельдмаршалу Каменскому и потомъ Бенингсену. Въ 1806 году открылись военныя дѣйствія, а Кутузовъ отправился въ Кіевъ, куда былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ.

Рѣпнинъ не даромъ называлъ Кутузова въ былое время «Фабіемъ Ларіоновичемъ». Извѣстно—Фабій, древній римскій полководецъ, одолженъ былъ своими успѣхами и побѣдами умѣнью терпѣливо выжидать благопріятныхъ для себя обстоятельствъ; такимъ же качествомъ терпѣнія обладалъ и Кутузовъ. Какъ опыт-

ный политикъ, онъ хорошо зналъ, что время даетъ все, когда человѣкъ умѣетъ домогаться, а потому и не сомнѣвался, что современныя ему событія не замедлятъ вызвать его къ той дѣятельности, къ которой наиболѣе пригодны его таланты и полезны для отечества; и вызовутъ они его наперекоръ желанію тѣхъ людей, которые не хотѣли допустить его до этого, ложно считая неспособнымъ и неумѣлымъ въ томъ, въ чемъ состояло его призваніе.

Кутузовская политика въ жизни не замедлила оправдаться. Военныя событія сложились такъ, что безъ Кутузова нельзя было обойтись.

Вторая война съ Наполеономъ, разбившимъ пруссаковъ такъ же быстро и окончательно, какъ и австрійцевъ, прежде чѣмъ русскіе подоспѣли на помощь, и затѣмъ принудившимъ русскихъ генераловъ къ отступленію, закончилась Тильзитскимъ миромъ. Но Россія должна была продолжать войну съ Турціей, которая, подъ вліяніемъ агентовъ французскаго императора и въ надеждѣ для себя успѣха, затѣяла борьбу съ Россіей.

Въ началѣ этой русско-турецкой войны

командовалъ нашими войсками Михельсонъ, воинъ временъ Екатерины, начавшій свою извѣстность побѣдами надъ Пугачевымъ; но онъ скоро умеръ. Его замѣнили екатерининскимъ фельдмаршаломъ княземъ Прозоровскимъ. Князь, восьмидесятилѣтній старикъ, потребовалъ въ «помощники» себѣ Кутузова, говоря: «Кутузовъ почти мой ученикъ и методу мою знаетъ». Просьба князя была уважена. Кутузовъ не отказался и смиренно явился къ князю. Это было въ 1808 году. Прозоровскій дѣйствовалъ медленно; совѣтовъ своего помощника не слушалъ, а въ неудачахъ всю вину сваливалъ на него. Кутузовъ былъ снисходителенъ и уступчивъ капризному старику и утѣшалъ его, когда послѣдній плакалъ и рвалъ на себѣ волосы послѣ какого-нибудь неуспѣшнаго дѣла. Михаилу Иларіоновичу приказано было отправиться въ Вильну и занять тамъ постъ генералъ-губернатора.

«Истинно великій человѣкъ,—говоритъ одинъ изъ государственныхъ дѣятелей прошлыхъ временъ,—умѣетъ быть, попеременно и судя по обстоятельствамъ, начальникомъ или равнымъ,

повелителемъ или гражданиномъ. Онъ ничего не утратитъ, нисходя на степень человѣка обыкновеннаго, лишь бы внѣ ея былъ одинаково способенъ къ дѣламъ военнымъ и полити[illegible].

Кутузовъ въ теченіе всей своей дѣятельности на дѣлѣ подтверждалъ это опредѣленіе, оставаясь постоянно неизмѣнно великимъ человѣкомъ, въ какое положеніе ни принудила бы стать его судьба. Начавъ первыя битвы съ могучимъ Наполеономъ, онъ безропотно подчиняется сварливому Прозоровскому, оставляетъ армію и, какъ увидимъ ниже, вновь возвращается, блистательно оканчиваетъ дѣло, смиренно уступаетъ мѣсто другому, изъ главнокомандующаго арміей превращается въ мирнаго помѣщика, потомъ дѣлается незначительнымъ начальникомъ земской дружины и внезапно возвышается до первенствующаго вождя всѣхъ боевыхъ силъ государства, созванныхъ для его спасенія.

Въ Вильнѣ онъ съ тѣмъ же усердіемъ служилъ своему отечеству, какъ и на войнѣ, пріобрѣтя своимъ умѣньемъ обращаться съ людьми

к открытымъ хлѣбосольствомъ общее и доброе къ себѣ расположеніе. Но здѣсь ему не долго пришлось жить. Событія снова вызвали Кутузова изъ мирной дѣятельности и снова поставили его руководителемъ арміи.

Уже шестой годъ тянулась русско-турецкая война, а Турція, находясь подъ вліяніемъ всемогущаго тогда Наполеона и предвидя его борьбу съ Россіею, несмотря на пораженія, не думала мириться, не шла на уступки и развивала большія силы для продолженія войны во что бы то ни стало. Она надѣялась дождаться и дотянуть до той поры дѣло сопротивленія, когда Россіи будетъ не до нея, когда послѣдней потребуются для борьбы съ французами всѣ военныя наличныя силы; тогда Турція останется въ выигрышѣ и, можетъ-быть, вернетъ то, что было ею потеряно въ прошлое время.

Русское правительство озабочивалось скорѣйшимъ окончаніемъ дорогостоящей борьбы въ виду наступленія Наполеона.

Стараясь поскорѣе окончить войну на Дунаѣ, начальство надъ арміей такъ послѣ смерти

Прозоровскаго поручили сперва Багратіону, выученику Суворова, потомъ молодому Каменскому, но дѣло не подвигалось успѣшно впередъ, какъ того желалось нашему правительству. Не находя удобнымъ поручить начальство Кутузову надъ арміей, готовящейся къ отраженію Наполеона, его сочли, однако, способнымъ воевать съ турками и приказали принять команду надъ дунайской арміей, простиравшейся до 50,000 штыковъ и разбросанной на большомъ пространствѣ земли, отнятой у непріятеля. Главнокомандующему предписывалось начать наступленіе на турокъ, разбить ихъ и принудить къ немедленному миру на условіяхъ, предложенныхъ побѣдителемъ.

Задача для Кутузова предстояла трудная.

Кутузовъ, принявъ команду, представилъ свой планъ, по которому, если бы онъ имѣлъ 60,000 войска, то готовъ былъ итти за Балканы, и ручался за успѣхъ. Но ему приказали добиться этого не при имѣющихся силахъ; въ подкрѣпленіи же отказали за неимѣніемъ къ этому средствъ. Тогда русскій главнокомандующій составилъ новый планъ, надѣ-

ясь, какъ онъ выражался, «скромнымъ поведеніемъ» достигнуть побѣды и побѣдить турокъ «симъ» или «инымъ» способомъ, но только побѣдить.

Кутузовъ началъ военныя дѣйствія.

Въ Шумлѣ и Софіи сосредоточены были турецкія силы, которыя простирались до 75,000 человѣкъ. Искусными движеніями Кутузовъ вызвалъ турокъ на битву близъ Рущука и разбилъ ихъ. О побѣдѣ онъ послалъ донесеніе въ Петербургъ.

Послѣ успѣшнаго рущукскаго сраженія нашъ главнокомандующій вмѣсто наступленія приказалъ отступать своимъ войскамъ и перешелъ, къ общему изумленію, обратно за Дунай. Визирь, видя отступленіе русскихъ, горячо ихъ преслѣдовалъ и, не подозрѣвая никакой ловушки, съ сильнымъ корпусомъ переправился вслѣдъ за Кутузовымъ, оставивъ главныя свои силы на правомъ берегу Дуная.

То, что предполагалъ Кутузовъ, случилось. Онъ перехитрилъ великаго визиря и заставилъ его даться въ обманъ. Визирь полагалъ, что

его противникъ отступаетъ послѣ побѣды потому, что имѣетъ слабыя силы и не надѣется на побѣду надъ нимъ. Но теперь совершилось нѣчто неожиданное для турецкаго военачальника. Едва его корпусъ перешелъ на лѣвый берегъ Дуная, какъ Кутузовъ въ крѣпкихъ позиціяхъ загородилъ ему дальнѣйшее движеніе въ глубь страны и, одновременно съ этимъ, приказавъ сильному корпусу русскихъ переправиться обратно на правый берегъ, далъ ему порученіе зайти въ тылъ турецкаго лагеря, напасть не него и взять.

Обходное движеніе удалось прекрасно. Командующій обходнымъ корпусомъ 2-го октября неожиданно для турокъ появился у нихъ сзади и атаковалъ лагерь. Неожиданность нападенія такъ была внезапна и такъ ошеломила непріятеля, что вся турецкая армія разбѣжалась, и наши, только съ потерею сорока девяти человѣкъ, овладѣли лагеремъ, оставленнымъ непріятелемъ. Такимъ образомъ корпусъ турецкихъ войскъ, перешедшій съ визиремъ во главѣ на нашу сторону, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Турецкій вождь,

видя гибель, оставилъ свое войско и ночью, тайкомъ, бѣжалъ черезъ Дунай, а 12,000 турецкій корпусъ, бѣдный остатокъ отъ 70,000 арміи, положилъ оружіе и сдался военноплѣнными.

Турція осталось безъ арміи. Кутузовъ исполнилъ приказаніе государя и, присоединивъ къ своей блестящей побѣдѣ обычную свою настойчивость и политическую ловкость, черезъ шесть мѣсяцевъ, въ началѣ мая 1812 года, заставилъ Турцію согласиться на миръ съ Россіей по ея волѣ, по которой вся нынѣшняя Бессарабія была отдана намъ.

Блестящее окончаніе трудной и продолжительной войны всѣмъ показало, какъ велики военныя дарованія Кутузова, и на что онъ способенъ въ своей сферѣ дѣятельности.

16-го мая, въ Бухарестѣ, турецкіе уполномоченные и Кутузовъ подписывали мирный трактатъ, а уже въ дунайскую армію прибылъ адмиралъ Чичаговъ.

Почтительно сдалъ начальство адмиралу шестидесятисемилѣтній Кутузовъ и, не имѣя никакого другого назначенія, спокойно уда-

лился въ свое имѣніе — въ Волынской губерніи, село Горошки.

По мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья онъ честно и благородно сослужилъ службу своему отечеству и государю.

За плѣненіе турецкой арміи Кутузовъ былъ возведенъ въ графское достоинство.

Благородно-мужественный духъ возвышалъ его сердце, придавалъ ему великодушіе и наполнялъ благородной гордостію, которая состояла въ чувствѣ сознанія своего достоинства и ясно доказывала, что онъ не одержимъ низкимъ тщеславіемъ и напыщеннымъ самообожаніемъ.

V.

Современная Кутузову жизнь, нравы и обычаи екатерининскихъ временъ и передъ отечественной войной.

Историческія и политическія событія совершались новымъ путемъ. Русское же общество и народъ продолжали жить еще той жизнью, какую наслѣдовали отъ екатерининскихъ временъ, хотя въ высшихъ сферахъ, по почину молодого государя, и задумывались реформы, долженствовавшія обновить русскую жизнь и общество во всѣхъ отправленіяхъ. Государь, по совѣту новыхъ государственныхъ дѣятелей, учреждая министерства и государственный совѣтъ и тѣмъ восполняя промежутокъ между верховною властью и сенатомъ, раздѣляя государство на губерніи, обращалъ вниманіе на поднятіе умственнаго развитія, основывая съ этой цѣлью высшія учебныя заведенія и увеличивая число народныхъ среднихъ заведеній. Не забыто было имъ крестьян-

ское крѣпостное населеніе. Съ этой цѣлью, для облегченія перехода изъ крѣпостного состоянія, изданы были постановленія о вольныхъ хлѣбопашцахъ, запрещено было продавать крѣпостныхъ людей публично, на рынкахъ. Въ Петербургѣ передъ началомъ отечественной войны открыта была первая въ государствѣ Публичная библіотека.

Вводились нововведенія, но частная, обыденная жизнь продолжала еще кипѣть прежними привычками и обычаями; для измѣненія послѣднихъ, какъ и всегда, требуются десятки лѣтъ.

Привольно и хлѣбосольно жили и въ провинціи и въ городахъ наши отцы и дѣды. Привольная ихъ жизнь обезпечивалась благопріятными для нихъ условіями.

Съѣзжались сосѣди и знакомые въ гости, да вѣдь не такъ какъ нынѣ, а по-своему, по-давнишнему. Богатый баринъ праздновалъ именины своей жены. И за три, даже за четыре дня до праздника, собирались къ хозяину гости и изъ губернскаго города и наѣстниче-

ства, и изъ другихъ уѣздовъ, и дальніе и ближніе сосѣди, и набиралось ихъ, смотря по достатку и хлѣбосольству добраго хозяина, многое множество и семейныхъ и холостыхъ, старцевъ и молодежи, прекрасныхъ дѣвицъ и малыхъ ребятъ.

Всѣхъ принимали.

Наѣхавшимъ гостямъ отводились квартиры: «кого помѣстятъ во флигелѣ, кого въ оранжереѣ, банѣ; самыхъ важныхъ—въ домѣ, молодыхъ дѣвушекъ на диванахъ, въ опочивальнѣ хозяйскихъ дочерей, на кроватяхъ и даже на полу, молодыхъ людей въ повалку въ танцовальной залѣ». Вставали рано: въ шесть часовъ по спальнямъ разносили уже чай и кофе, съ девяти начиналось офиціальное чаепитіе, до полдня самоваръ не сходилъ со стола; а тамъ, изъ чайной, вся орава гостей переходила въ столовую, гдѣ столы ломились подъ разными закусками и наливками домашняго приготовленія, и принимались плотно закусывать. И тогда закусывали не по-нашему, аппетитъ у всѣхъ былъ здоровый: что нынче,

можетъ-быть, многоту для троихъ, тогда могъ съѣдать одинъ желудокъ.

Но вотъ наступалъ и торжественный день.

«Съ двѣнадцати часовъ наѣзжали ближайшіе сосѣди. Въ четыре часа садились за обѣдъ въ садовой галлереѣ, уставленной цвѣтами, увѣшанной гирляндами, а на главной стѣнѣ, сплетенной тоже изъ цвѣтовъ, вензель виновницы торжества; обѣденный столъ уставленъ фруктами въ вазахъ и ананасами въ горшкахъ; фигурное пирожное красовалось посрединѣ стола, а цвѣты и листочки розъ были разбросаны по всей скатерти. Музыка, изъ крѣпостныхъ музыкантовъ, гремѣла, вилки и ножи брякали, мужчины кричали, барыни помалчивали, а барышни шептались; въ критическую же минуту, когда пробки шампанскаго ударяли въ потолокъ, музыканты играли тушъ, управляющій выскакивалъ изъ-за стола къ дверямъ, махалъ носовымъ клѣтчатымъ платкомъ— и раздавался залпъ четырехъ пушекъ; сосѣдки, въ ожиданіи этой минуты, затыкали себѣ уши. Даже менѣе храбрыя прятались подъ столъ...

У иныхъ, въ торжественные дни, въ большихъ залахъ съ колоннами и хорами устраивались домашніе театры; актерами были доморощенные пѣвцы и пѣвицы, музыканты тоже зачастую перебѣгали изъ оркестра на сцену, перемѣняя, по обстоятельствамъ, смычокъ на шпагу или палку».

Картежная игра была всеобщей страстью какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціяхъ.

«Я,—разсказываетъ одинъ путешественникъ временъ Екатерины въ 1789 г. *),—былъ представленъ намѣстнику однажды вечеромъ въ то именно время, когда онъ былъ занятъ своимъ туалетомъ. Онъ сказалъ мнѣ: «мы проводимъ время вечеромъ за картами у Марьи Сергѣевны, а кто не хочетъ играть, тотъ танцуетъ...» Четыре или пять столовъ для вистa были раскинуты по стѣнамъ большой залы.

То же продолжалось и въ началѣ текущаго столѣтія.

«Любили играть не одни мужчины, но и

*) „Рус. Ст.“, 1878 г.

женщины, просиживая за игрой ночи; каждый день въ первомъ часу уѣзжала она въ гости, возвращалась часа въ два ночи, спала до одиннадцати часовъ; передъ отъѣздомъ зайдетъ къ бабушкѣ поздороваться и разсказать, что видѣла, съ кѣмъ играла... распрощается, да и была такова до другого дня».

«Больше всѣхъ родныхъ,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Е. А. Хвостова,—любила я княгиню Варвару Юрьевну Горчакову, урожденную княж. Долгорукую... Большой домъ ея на Никитской былъ пріютомъ для вдовъ и для сиротъ безъ состоянія. Огромное богатство ея отца, князя Юрія Владимировича Долгорукова, позволяло ей дѣлать много добра. У нея въ домѣ жило всегда отъ шести до десяти дѣвочекъ, нѣсколько гувернантокъ, пропасть нянюшекъ и горничныхъ... Я по цѣлымъ днямъ дежурила у прабабушки (ей было болѣе ста лѣтъ); въ хорошую погоду гуляла съ ней по саду или усаживалась у ногъ ея на крылечкѣ, ведущемъ въ садъ, слушала, какъ она мнѣ читала своимъ дребезжащимъ, слабымъ голосомъ евангеліе и житіе святыхъ. Слова эти глу-

боко врѣзались въ сердце мое и заронили въ него зерна религіи... Бабушка Прасковья Михайловна была рѣдкая старушка... Она учила меня разнымъ молитвамъ, разсказывала мнѣ священную исторію, лакомила... Она научила меня прощать и молиться за обидѣвшихъ насъ».

Когда жилъ Кутузовъ, въ началѣ XIX вѣка, не только Москва, древній столичный городъ московскаго царства, но даже и новый Петербургъ, созданный на манеръ западныхъ городовъ, сравнительно съ другими европейскими столицами, былъ городъ отсталый. Его характеристика той поры приблизительно такая, какая встрѣчается въ запискахъ о Петербургѣ Пржецлавскаго уже въ началѣ 20-хъ годовъ.

«Въ жизни и обстановкѣ въ массѣ городского населенія не было разумнаго комфорта... Во всемъ огромномъ городѣ было только два публичныхъ сада, гдѣ лѣтомъ можно было подышать воздухомъ, а не пылью, и пріютиться въ тѣни деревьевъ. Это были, такъ

называемые, Лѣтній и Юсуповскій, на Большой Садовой... Таврическій садъ находился за городомъ. Мостовая была плоха... Самая модная мѣстность для лѣтняго пребыванія была Нарвская дорога, сплошь, до самой Стрѣльны и Петергофа, застроенная виллами съ большими парками и садами... Общительность, какъ ее видимъ въ европейскихъ городахъ, въ Петербургѣ не существовала; всѣ какъ-то чуждались другъ друга, да и не было центровъ, гдѣ можно было бы свести хоть случайныя знакомства. Не было никакихъ публичныхъ увеселеній на открытомъ воздухѣ...исключая только одинъразъ въ недѣлю на Крестовскомъ островѣ, гдѣ преобладалъ нѣмецкій ремесленный элементъ, и нельзя было видѣть никого изъ хорошаго общества.

«Самый обыкновенный локомотивъ составляли неврытыя дрожки, прозванныя гитарами, на которыя надо было садиться верхомъ... Зато высшій и средній классъ щеголяли экипажами и лошадьми. Только доктора, купцы и мелкая буржуазія ѣздили на парѣ.

«Былъ только одинъ русскій театръ, гдѣ игрались всякія пьесы...»

Въ домахъ знатныхъ или богатыхъ людей, какъ необходимую принадлежность, составляли богатыя библіотеки. Но онѣ большею частію состояли изъ сочиненій писателей XVIII вѣка. Французская словесность отъ Монтескье до романовъ Кребильона наполняла эти книгохранилища частныхъ лицъ. Рѣдко, а въ другихъ не встрѣчалось ни одной русской книги, потому что тогдашнее русское высшее общество съ трудомъ разбирало русскую печать и мало интересовалось русской литературой. И послѣднее было неудивительно. Литература наша, начавшаяся съ Ломоносова*), была тогда еще ограничена. Конечно, у насъ и въ то время были писатели и поэты, но ихъ было недостаточно, а ихъ дѣятельность была однообразна. Тогда какъ во Франціи, Англіи и Германіи книги, одна другой замѣчательнѣе,

*) Род. 1712 г , ум. 1765 г. Сынъ холмогорскаго рыбака, которому жребій судилъ: „умы уловлять и быть совѣтникомъ царей“. Ломоносовъ—отецъ русской науки и знанія.

поминутно слѣдовали одна за другой, у насъ онѣ писались медленно, чопорно, надуто и скучно, за исключеніемъ двухъ-трехъ писателей. Существовавшіе переводы только искажали оригиналы, а потому тогдашній образованный русскій человѣкъ и предпочиталъ лучше прочесть оригиналъ, чѣмъ переводъ. Журналы были незанимательны, и всѣ извѣстія и понятія приходилось русскому читателю черпать изъ иностранныхъ книгъ. Такъ шло дѣло въ XVIII вѣкѣ.

«Но посѣянное и насажденное Екатериной II начало возрастать и приносить плоды. По мѣрѣ того какъ цивилизація и просвѣщеніе стали утверждаться на Руси, начала въ обществѣ распространяться и литературная образованность... Въ то время, какъ Державинъ былъ уже въ апогеѣ своей поэтической славы, оставаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ, не двигаясь ни взадъ ни впередъ... въ то время, когда еще Крыловъ былъ юношей по 21 году, а Пушкина еще не было на свѣтѣ,—въ то время одинъ молодой человѣкъ, 24 лѣтъ, отправился за границу. Это было въ 1789 году, а

молодой человѣкъ этотъ былъ — Карамзинъ» *).

«По возвращеніи изъ-за границы, онъ издавалъ въ 1792 и 1793 годахъ «Московскій журналъ», въ которомъ помѣщали свои сочиненія Державинъ и Херасковъ. Въ 1794 г. онъ издалъ въ двухъ частяхъ альманахъ «Аглая» и альманахъ «Мои безделки»; въ 1797—1799 г. онъ напечаталъ три тома «Аонидъ», а въ 1802 и 1803 г. издавалъ основанный имъ журналъ «Вѣстникъ Европы», который въ 1808 г. издавалъ Жуковскій. Въ 1804 году въ первый разъ была представлена въ Петербургѣ трагедія Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ», а въ 1805, 1807 и 1809 гг. его трагедіи — «Фингалъ», «Дмитрій Донской» и «Поликсена». Около 1810 года появились басни Крылова, сокровищница русскаго практическаго смысла, русскаго остроумія и юмора, русскаго разговорнаго языка; онѣ отличались и простодушіемъ и народностью.

---

*) Карамзинъ род. 1766 года, умеръ 1826. Самый капитальный его трудъ: „Исторія Государства Россійскаго“, 12 томовъ.

Карамзинъ произвелъ переворотъ въ умственномъ движеніи современнаго ему общества.

«Въ предшествовавшее до него время, въ прежнихъ русскихъ журналахъ,—говоритъ Бѣлинскій,—въ романахъ, въ трагедіяхъ и вообще въ стихотвореніяхъ была какая-то стоячесть мысли, книжность, педантизмъ и риторика, отсутствіе всякой живой связи съ жизнію. Карамзинъ первый на Руси замѣнилъ мертвый языкъ книги живымъ языкомъ общества. До Карамзина у насъ думали, что книги пишутся и печатаются для однихъ «ученыхъ», и что неученому почти такъ же пристало брать въ руки книгу, какъ профессору танцовать. Оттого содержаніе книгъ, по тогдашнему мнѣнію, должно было быть какъ можно болѣе важнымъ и дѣльнымъ, т. е. какъ можно болѣе тяжелымъ и скучнымъ, сухимъ и мертвымъ... Карамзинъ первый на Руси началъ писать повѣсти, которыя заинтересовали общество, въ которыхъ дѣйствовали живые люди, изображалась жизнь сердца и страстей посреди обыкновеннаго, повседневнаго быта... Своими французскими пе-

реводами Мармонтеля Карамзинъ оказалъ русскому обществу столь же важную услугу, какъ и своими собственными повѣстями. Всѣмъ этимъ онъ знакомилъ русское общество съ чувствами, образомъ мыслей, а слѣдовательно и съ образомъ выраженія образованнѣйшаго общества въ мірѣ. Новыя идеи (мысли) требовали и новаго языка. Онъ создалъ на Руси образованный литературный языкъ и создалъ потому, что Карамзинъ былъ первый на Руси образованный литераторъ, — а первымъ образованнымъ литераторомъ сдѣлался онъ потому, что научился у французовъ мыслить и чувствовать какъ слѣдуетъ образованному человѣку. «Письма русскаго путешественника», въ которыхъ онъ такъ живо и увлекательно разсказалъ о своемъ знакомствѣ съ Европою, легко и пріятно познакомили съ этою Европою русское общество... Карамзинъ первый далъ русской публикѣ истинно журнальное чтеніе, гдѣ все соотвѣтствовало одно другому: выборъ пьесъ, современность и разнообразіе интересовъ, умѣнье слѣдить за современными политическими событіями... До Карамзина не-

чего было читать по-русски, потому что все немногое, написанное до него, несмотря на свои хорошія стороны, было ужасно тяжело и торжественно... не годилось для общества. Карамзинъ умѣлъ заохотить русскую публику своего времени къ чтенію русскихъ книгъ».

Таковы были умственное развитіе и жизнь современниковъ Кутузова въ общихъ чертахъ; что жъ касается до остальныхъ слоевъ народа, то до него еще не доходилъ лучъ свѣта, его еще не касалась цивилизація Запада. Онъ продолжалъ жить тѣми же началами, которыя были выработаны его отцами и дѣдами еще въ допетровскія времена, ибо хотя и были для него новыя школы, но этихъ школъ было слишкомъ недостаточно для всей народной массы. Во всеобщей жизни народа жило еще много патріархальныхъ началъ и отношеній.

Страшно пригнетало умъ человѣка невѣжество, и еще страшнѣе оно было бы для него, если бъ не пробивалъ эту суевѣрную тьму свѣтлый лучъ православной вѣры. Народъ въ своей святой религіи видѣлъ себѣ защиту и

спасеніе и отъ бѣсовщины и отъ всякой житейской невзгоды и горя. Святымъ крестомъ онъ ограждалъ себя отъ сатанинскихъ силъ, въ молитвѣ находилъ себѣ облегченіе отъ житейской напасти, въ своей же религіи находилъ онъ исходъ для дѣятельности пытливаго ума,— она для него была областью, въ которой онъ могъ думать и разсуждать.

Безграмотность той поры была почти всеобщей въ народныхъ массахъ, а если и находились грамотники изъ простого люда, то это были чтецы церковно-славянскихъ книгъ, холодно относившіеся къ свѣтской книжности, съ недовѣріемъ смотрѣвшіе на нее.

По-своему былъ глубоко религіозенъ русскій людъ: безъ креста и молитвы не начиналъ онъ никакого дѣла; были полны православнымъ людомъ тогдашніе Божіи храмы въ православные праздники; православные странники-богомольцы изъ конца въ конецъ проходили по русской землѣ въ свято-русскія мѣста, въ монастырскія обители, гдѣ почивали нетлѣнныя мощи угодниковъ Божіихъ, гдѣ обитали иконы

чудотворныя. Проходя по деревнямъ и селамъ, побираясь Христовымъ именемъ, получали отъ православныхъ людей посильныя приношенія отъ трудовъ ихъ и несли въ святыя мѣста; а иные «словомъ истины евангельской собирали Богу дань, вызывали Русь крещеную на посильные дары, и давали имъ прохожіе... И изъ лепты трудовой вырастали храмы Божіи по лицу земли родной». Черезъ нихъ же въ народныхъ массахъ расходилось и знакомство съ отдаленными и противоположными мѣстами своего роднаго края.

Главный жизненный интересъ для народа состоялъ въ урожаѣ: хорошъ онъ — веселъ и православный человѣкъ; плохъ—уныло становилось на сердцѣ его, но тутъ же онъ себя и утѣшалъ: видно на то такая воля Господа, за грѣхи наказалъ,—и прибѣгалъ къ молитвѣ. Другіе интересы и вопросы жизни до него не касались, въ нихъ онъ не участвовалъ, и его объ этомъ никто не спрашивалъ: на то были поставлены Богомъ да царемъ другіе люди.

«Богъ на небѣ, а царь на землѣ», говорили наши отцы и дѣды, и убѣждаемые рели-

гіею, природою и разсудкомъ, первымъ закономъ для себя поставляли безпредѣльное къ нему послушаніе и повиновеніе, чему учили и своихъ дѣтей. Люди уважали, боялись и чтили своихъ царей, какъ представителей Всевышняго на землѣ, которымъ Онъ вручилъ власть надъ православной землей; повиновались и людямъ, поставленнымъ отъ земного царя управлять ими, уважали ихъ и считали за отцовъ.

Не отличаясь ни утонченностью нравовъ, ни образованіемъ, ни просвѣщеніемъ образа мыслей, простой народъ былъ крѣпокъ въ вѣрѣ своихъ отцовъ и крѣпко держался и стоялъ за свои стародавніе нравы и обычаи, унаслѣдованные отъ ветхой старины, туго поддаваясь всякой новизнѣ, которая, впрочемъ, мало его и касалась.

Деньги были дороги, но зато хлѣбъ и другой жизненный продуктъ были дешевы *), на-

*) Напримѣръ, проѣздъ до Москвы на разстояніи 150 вер. съ возомъ обходился 5 коп. на нынѣшнія деньги. „Расход. запись изъ домаш. хозяйств. кн. за 1812 годъ“.

родъ ѣлъ сѣро, но сытно; обувался въ липовый лапоть и холщевую рубаху; кожаный сапогъ и ситецъ были нарядомъ только въ «великъ Свѣтлый день Воскресенія Христова, когда играетъ и само съѣтлое солнышко», когда «встаютъ и мертвецы въ радости и, выйдя изъ жальниковъ (могилъ), любуются свѣтлымъ небомъ, краснымъ солнышкомъ, серебрянымъ мѣсяцемъ, частыми, мелкими звѣздочками». О чаѣ тогда простые люди не помышляли, водки была на откупѣ, кабаки рѣдки и то только на казенныхъ земляхъ, на господскихъ же не существовали вовсе. Тогдашніе владѣльцы считали за позоръ отдавать свои земли подъ питейныя постройки.

Пѣсня своеобразная, ими созданная, то унылая, то разухабистая, была источникомъ умственнаго и душевнаго развлеченія для народа. Молодежь пѣла пѣсню и за работой и въ веселые, праздничные дни; и пѣла ее съ полнымъ довольствомъ и утѣхой. Пѣлъ тянучую свою пѣсню народъ и былъ доволенъ своей житейской обстановкой и опредѣленной долей. Не легка была она, но онъ смирялся передъ

высшей волей и покорялся. Любилъ онъ свою родимую землю и жизнь въ ней, какъ она существовала, къ какой привыкъ онъ въ теченіе сотенъ лѣтъ, и грудью готовъ былъ отстаивать свою родину, свои вѣрованія, привычки и обычаи; умереть былъ готовъ за вѣру и царя, за могилы отцовскія и церкви Божіи.

И вотъ начинался 12-й годъ.

Этотъ годъ былъ великою эпохою въ жизни Россіи. «По своимъ послѣдствіямъ онъ былъ величайшимъ событіемъ послѣ царствованія Петра Великаго. Напряженная борьба на смерть съ Наполеономъ пробудила дремавшія силы Россіи и заставила ее увидать въ себѣ силы и средства, которыхъ она дотолѣ сама въ себѣ не подозрѣвала. Чувство общей опасности сблизило между собою сословія, пробудило обязанности.

Въ то время, когда императоръ Александръ I уже рѣшился на послѣднюю борьбу съ Наполеономъ и дѣлались приготовленія къ исполинской борьбѣ; когда рѣшены были важнѣйшіе вопросы касательно преобразованія и по-

полненія войскъ, устройства крѣпостей, приготовленія средствъ защиты, военныхъ запасовъ, продовольствія и самаго плана войны,— русское общество, а тѣмъ менѣе народъ не зналъ о силѣ наступавшей военной невзгоды и совершенно не помышлялъ о возможности вторженія непріятеля въ предѣлы государства.

Со временъ Полтавской битвы ни одна непріятельская нога не осмѣливалась топтать русской земли. Съ 1709 года русское общество и народъ, если и слыхали о войнахъ, то знали, что онѣ происходили гдѣ-то далеко, за границей, не касаясь предѣловъ родины.

Русскіе люди, особенно съ царствованія Екатерины, *царицы-матушки*, привыкли только слышать о побѣдахъ русскаго воинства да о его могучихъ вождяхъ. Всѣмъ были живо памятны подвиги и Румянцева, и Потемкина, и непобѣдимаго Суворова, и Кутузова, и другихъ храбрыхъ воителей. И потому, если и замѣчали, что русскій царь собирается воевать, то полагали, что война, какъ и въ прежнія

времена, будетъ не близко, и русскіе побьютъ Бонапарта.

И въ противномъ разувѣрить общество тогда считали ненужнымъ.

Какъ далека была мысль отъ русскаго человѣка о вторженіи, видно изъ разсказа современника его, какъ уже французы перешли нашу границу, и русская армія отступала передъ ними.

...«Каково же было мое изумленіе, когда мать моей невѣсты и даже Пирамидовъ объявили мнѣ, что они вовсе не имѣютъ понятія ни о какой опасности; что они *слышали*, будто армія приближается къ Витебску или Могилеву; но что гдѣ-то было сраженіе, и французы прогнаны назадъ; что на-дняхъ государь былъ въ Смоленскѣ, смотрѣлъ тамъ 12-ть армейскихъ ротъ и рекруговъ, всѣхъ успокоилъ и обнадежилъ, и что они вовсе не собираются и не думаютъ куда-либо выѣхать. Я объяснилъ имъ ихъ ослѣпленіе... Послѣ долгихъ и долгихъ убѣжденій она (мать) понемногу начала давать вѣру моимъ словамъ...

Я отправился къ отряду своему... Будущая тещa моя перебралась въ Смоленскъ, а черезъ полчаса послѣ ея выѣзда въ деревню наѣхали мародеры и весь домъ повернули вверхъ дномъ...»*).

«Въ Москвѣ всѣ говорили о близкой войнѣ и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражаніе французскому тону временъ Людовика XV было въ модѣ. Вдругъ извѣстіе о нашествіи и воззваніе государя поразили насъ. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Растопчина; народъ ожесточился. Свѣтскіе балагуры присмирѣли; дамы струхнули. Гонители французскаго языка у Кузнецкаго моста взяли верхъ въ обществахъ рѣшительный, и гостиныя наполнились патріотами: всѣ заклялись говорить по-французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну... Пріѣздъ государя усугубилъ общее волненіе. Восторгъ патріотизма овладѣлъ, наконецъ, и высшимъ обществомъ. Вездѣ толковали о пожертво-

*) Зап. И. С. Жиркевича, „Рус. Ст.“, 1874 г.

ваніяхъ. Повторяли безсмертную рѣчь молодого графа Мамонова, пожертвовавшаго своимъ имѣніемъ... Всѣ были отъ него въ восхищеніи... Наполеонъ шелъ на Москву; наши отступали; Москва тревожилась; жители ея выбирались одинъ за другимъ...» *).

VI.

Избраніе Кутузова. — Отъѣздъ въ армію. — Бородинское побоище.

1812 годъ, до 12 октября.

Изъ конца въ конецъ Европы гремѣло имя Наполеона. Велика была его мощь и сила. Нѣмецкіе князья и короли преклонялись передъ Наполеономъ и раболѣпствовали, принимая изъ его рукъ повышенія: одинъ изъ ландграфовъ

---

*) А. С. Пушкинъ, „Рославлевъ“, т. VII.

по волѣ воителя дѣлался герцогомъ, другой изъ герцога великимъ герцогомъ, третій, наконецъ, повышался въ короли; самъ гордый глава дома Габсбурговъ, австрійскій императоръ, долженъ былъ склониться передъ Наполеономъ и согласиться на бракъ своей дочери съ нимъ, хотя втайнѣ и ненавидѣлъ грознаго человѣка*).

Грозный завоеватель потрясалъ Европу. Англія напрягала всѣ свои силы на страш-

---

*) Наполеонъ, величайшій изъ честолюбцевъ и властолюбцевъ, какіе когда-либо бывали въ исторіи человѣчества, основавъ свое владычество на военной силѣ, порѣшилъ сдѣлать себѣ и для своего рода наслѣдственную монархію изъ недавней французской республики. Когда онъ объявилъ себя императоромъ, то развелся съ любимой своей первой супругой Жозефиной, не имѣвшей дѣтей, и вступилъ въ бракъ съ принцессой изъ австрійскаго дома. Онъ желалъ сродниться съ однимъ изъ древнѣйшихъ царственныхъ домовъ и тѣмъ закрѣпить за своимъ потомствомъ неоспоримое право на вновь созданный имъ тронъ. Властолюбіе было основной и главной чертой великаго воителя, и для него онъ не жалѣлъ ничего и не стѣснялся никакой нравственной уздой, жертвуя людьми, ихъ покоемъ, внутреннимъ развитіемъ и благосостояніемъ, хотя свои поступки и старался прикрыть либеральными фразами.

ную борьбу съ нимъ и съ его союзниками, которые волей-неволей были подчинены Наполеономъ Франціи; вела се не на животъ, а на смерть, всюду поддерживая вспыхнувшую ненависть къ нему и Франціи и пробуждавшихся изъ прежняго оцѣпенѣнія европейскихъ народовъ, возмущенныхъ кровавыми наполеоновскими нашествіями на ихъ родину. Вездѣ, гдѣ только было возможно, она раздувала ненависть къ чужеземному игу, поддерживала въ возставшихъ націяхъ ихъ патріотизмъ, воспламеняла массы на защиту отечества,—и въ то время, когда правители ихъ склонялись передъ Наполеономъ, европейскіе народы поднимались и дрались съ его полчищами за свое освобожденіе.

Такъ, въ Германіи народъ, вдохновляемый пѣснями Кернера, шелъ отражать несмѣтныя силы воителя; въ Испаніи и Португаліи, поддерживаемыхъ Англіей, народъ отчаянно бился съ его побѣдоносными арміями.

Участіе Россіи въ европейскихъ войнахъ въ началѣ текущаго столѣтія мы уже видѣли,

разсказывая о походахъ Суворова въ Италіи и Кутузова. Русскія войска помогали то австрійцамъ, то пруссакамъ. Тильзитскій миръ въ 1807 г., гдѣ императоръ Александръ I лично свидѣлся съ Наполеономъ, которому не переставалъ удивляться, какъ необыкновенному человѣку, казалось, сблизилъ Россію съ Франціей и положилъ между ними конецъ борьбѣ. Но на дѣлѣ было не такъ. Завоеватель въ умѣ своемъ уже рѣшилъ покончить съ императоромъ Александромъ такъ, какъ онъ это сдѣлалъ съ Австріей и Пруссіей, т. е. поставить Россію въ вассальную зависимость отъ себя, и наконецъ, не находя себѣ противниковъ на материкѣ, раздавить въ конецъ ненавистную для его могущества Англію. Мысль объ окончательной войнѣ съ императоромъ Александромъ никогда его не покидала, а если онъ и соглашался на миръ, то по необходимости и на очень непродолжительное время.

Когда Наполеону доносилъ изъ Германіи его политическій агентъ въ ноябрѣ 1810 г. «о крайнемъ возбужденіи умовъ въ Германіи противъ Франціи и стремленіи къ національ-

ному единству», то императоръ въ тайной инструкціи въ февралѣ 1811 г. графу Сенъ-Марсену приказывалъ «о наблюденіи за этимъ движеніемъ, пока значительная часть французскихъ войскъ будетъ занята въ Испаніи и Португаліи», такъ какъ Наполеону желалось еще сохранить союзъ съ Россіей и поддержать миръ въ Германіи. Наконецъ, насталъ предѣлъ мнимому дружелюбію Наполеона, и онъ рѣшился напасть на Россію. Въ 11-мъ году это не было уже тайной ни для кого. Русскія войска начали собираться на западныхъ границахъ государства. Главная, или 1-я армія, въ числѣ 127,000 человѣкъ, была подъ командой Барклая де-Толли, тогдашняго военнаго министра, и сосредоточилась у Вильны; южнѣе по границѣ стояла 2-я, 48,000-я армія подъ начальствомъ Багратіона; далѣе, для защиты Кіева и всего южнаго края, находилась 3-я армія генерала Тормасова, а на Дунаѣ была армія Чичагова, смѣнившаго Кутузова.

Полагали, что этихъ силъ будетъ достаточно для отраженія Наполеона, и война окончится

обыкновенными сраженіями армій другъ съ другомъ, но вышло иначе.

12 іюня 1812 года Наполеонъ перешелъ Нѣманъ съ полумилліонной арміей, принудивъ съ собой итти на Россію и прежнихъ ея союзниковъ. Быстро двинувшись на Вильну и разъединивъ отдѣльными и сильными корпусами всѣ русскія арміи, онъ такимъ образомъ не позволилъ имъ дѣйствовать въ связи и общими силами, какъ то предполагали и желали государь и его генералы.

Наполеонъ надѣялся поодиночкѣ разбить русскія арміи и уничтожить ихъ.

Государь находился при 1-й арміи. Барклай де-Толли, видя, что Наполеонъ идетъ на него, и сознавая, что сосредоточенныхъ у него силъ недостаточно для встрѣчи съ Наполеономъ и отпора ему, приказалъ своей арміи отступать. Сперва отступили къ укрѣпленному Дрисскому лагерю, но, найдя его никуда негоднымъ для дѣйствительной обороны, отступили къ Полоцку, а затѣмъ къ Витебску и, наконецъ, къ Смо-

ленску. Это было 20 іюля. Сюда же пришла и 2-я армія Багратіона, 22-го числа, отъ Волковыска и Гродно, счастливо отбившись отъ наступавшихъ на нее французскихъ войскъ, напрасно старавшихся загородить дорогу Багратіону. Арміи русскія соединились наконецъ, совершивъ отступленіе въ виду Наполеона, первая на 500, а вторая на 750 верстахъ.

Барклай, начиная свое знаменитое отступленіе, говорилъ:

«Не сомнѣваюсь въ пораженіи враговъ, когда соединюсь съ Багратіономъ», но и по соединеніи, видя невозможность вступить въ рѣшительную битву подъ Смоленскомъ съ Наполеономъ, рѣшилъ снова отступать.

5-го августа 1812 года, въ 8 часовъ утра, войска Наполеона явились подъ стѣнами Смоленска и пошли на приступъ. Смоленскъ, защищаемый генералами Коновницынымъ и Дохтуровымъ, отчаянно сопротивлялся. Русскіе въ этотъ день грудью отстояли городъ, подкрѣ-

племые Барклаемъ, который стоялъ уже на лѣвомъ берегу Днѣпра, за Смоленскомъ, на московской дорогѣ. Ночью Дохтуровъ получилъ приказаніе очистить городъ. До разсвѣта городъ опустѣлъ, и при оставленіи его нашими войсками взята была артиллерійскою ротою полковника Глухова святыня Смоленска, чудотворная Смоленская икона Божіей Матери, находившаяся въ церкви надъ Днѣпровскими воротами.

Утромъ, въ день Преображенія, Наполеонъ въѣхалъ въ испепеленный городъ и взошелъ на балконъ въ церкви Божіей Матери надъ Днѣпромъ, откуда съ сильнымъ раздраженіемъ видѣлъ отступавшія за Днѣпромъ русскія войска. Онъ приказалъ сюда втащить пушку и съ балкона самъ наводилъ ее и стрѣлялъ по уходившимъ отрядамъ.

Грустную картину представляла въ ту разоренную пору смоленская дорога.

«Толпы,—говоритъ очевидецъ,—несчастныхъ смольнянъ, разсыпавшіяся по полю и безъ крова,

тянулись сзади войскъ. Крики дѣтей, рыданія раздирали душу русскихъ воиновъ; невольно у суровыхъ бойцовъ пробивались на глазахъ слезы, и вырывалось негодованіе на того, кого тогда всѣ считали главнымъ виновникомъ этихъ бѣдствій. А обвиняли самого главнокомандующаго, Барклая де-Толли. Въ арміи говорили:

«Не виноваты мы, что не выручили смольнянъ. Не допустили насъ выручить ихъ. Не русская кровь течетъ въ томъ, кто нами командуетъ. И больно намъ, надрывается сердце, глядя на русское горе, но ничего не подѣлаешь: онъ нашъ начальникъ, и мы должны его слушать».

Русскіе люди той поры, не могшіе понять глубокихъ соображеній своего вождя, были правы въ своемъ ропотѣ на него. Не разъ, отступая отъ Полоцка, онъ было задумывалъ сразиться съ непріятелемъ; въ арміи упорно держалось мнѣніе, что еще до Смоленска будетъ дано сраженіе; не разъ войска выстраивались въ боевую позицію, но, простоявъ нѣ-

сколько часовъ въ напрасномъ ожиданіи, снова отступали. «Всѣ эти переходы,—говоритъ современникъ событій,—колебанія такъ уронили духъ въ войскѣ, что не только офицеры, но и солдаты начали роптать на главнокомандующаго Барклая», тѣмъ болѣе, что въ другихъ мѣстахъ военныхъ дѣйствій русскіе солдаты блистательно и съ успѣхомъ сражались съ наполеоновскими генералами.

Такъ, двухдневный бой, 18 и 19-го іюня, подъ Якубовомъ и Клястицами 18,000 русскихъ подъ начальствомъ графа Витгенштейна заставилъ отступить 23,000 французовъ подъ командой Удино; 6-го августа подъ Полоцкомъ Витгенштейнъ вновь побѣдоносно сразился съ французами и окончательно загородилъ имъ дальнѣйшее движеніе къ Петербургу.

22-го іюля генералъ Н. Н. Раевскій съ небольшимъ корпусомъ блистательно выдержалъ нападеніе 60,000 французовъ, предводимыхъ маршалами Даву и Лефебромъ, и далъ возможность безъ замедленія и задержки отступить 2-й арміи къ Смоленску.

Сраженіе Раевскаго при Салтановкѣ характерно и въ другомъ отношеніи, рисуя геройскій характеръ людей того времени.

«Н. Н. Раевскій, въ виду общаго замѣшательства въ порядкѣ семейной и общественной жизни, причиненнаго нашествіемъ и почти поголовнымъ возстаніемъ Россіи, и необходимостей своего званія и долга, взялъ въ армію своихъ малолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему, Александру, едва минуло 16 лѣтъ, а меньшому, Николаю, недоставало нѣсколькихъ дней до 11-ти лѣтъ. Этимъ-то недорослямъ довелось сослужить службу отечеству въ тѣ годы, когда дѣти обыкновенно сидятъ за скамьей или за указкой. Въ дѣлѣ подъ Дашковой они были при отцѣ (онъ записалъ ихъ на службу въ одинъ изъ полковъ своего корпуса). Въ рѣшительный моментъ атаки на французскія батареи Раевскій взялъ ихъ съ собою во главѣ колонны Смоленскаго полка, при чемъ меньшого сына онъ велъ за руку; старшій схватилъ знамя, лежавшее подлѣ убитаго въ одной изъ предыдущихъ атакъ нашего подпрапорщика, понесъ его передъ войсками.

Геройскій примѣръ командира и его дѣтей до вступленія одушевилъ войска, замявшіяся было подъ картечью непріятеля, — они рванулись впередъ и все опрокинули передъ собою.

«Послѣ дѣла Н. Н. спросилъ у меньшого сына:

«— Знаешь ли ты, зачѣмъ я водилъ тебя съ собою въ дѣло?

«— Знаю: чтобъ вмѣстѣ умереть.

«Каково поколеніе, каковъ духъ двѣнадцатаго года?».

Эти блестящія отдѣльныя и частныя схватки прославили на всю Русь героевъ. Имена Раевскаго, Дохтурова, Кульнева, Витгенштейна и другихъ сдѣлались народными. Въ театрахъ столицы плакали при кликахъ «ура!» когда тамъ пѣли: «*Слава храброму Витгенштейну, поразившему силы вражьи*»; изображенія ихъ подвиговъ милліонами расходились среди народа, благодаря лубочнымъ картинкамъ... И вотъ, когда второстепенныхъ вождей славили,

главнаго обвиняли и смотрѣли на него съ подозрѣніемъ. Обвиненія и неудовольствіе, всеобщій ропотъ на него еще больше возросли, когда онъ отдалъ Смоленскъ Наполеону и снова началъ отступать.

Но современники часто бываютъ несправедливы къ дѣйствіямъ геніальнаго человѣка, когда онъ ихъ не поражаетъ блескомъ и шумомъ своихъ дѣлъ, а спокойно и въ тишинѣ подготовляетъ великое событіе. Барклай де-Толли зналъ и понималъ незаслуженное противъ себя обвиненіе, но становился выше невѣжественной толпы и съ необычайной стойкостью выполнялъ единственно возможный планъ, предпринятый имъ для защиты отечества. Онъ на горкія обвиненія въ непатріотизмѣ отвѣчалъ:

— Не распространяюсь о дѣйствіяхъ арміи, которая была мнѣ ввѣрена. Время докажетъ, могъ ли я сдѣлать что-нибудь лучше для спасенія государства. Будь я руководимъ только честолюбіемъ, отъ меня получали бы донесенія о битвахъ, и, несмотря на это, непрія-

тель достигъ бы Москвы, не встрѣчая достаточныхъ силъ, которыя могли бы сопротивляться *)...

17-го августа соединенная армія остановилась при Царевѣ-Займищѣ, когда получено было неожиданное извѣстіе о назначеніи главнокомандующимъ Кутузова и что онъ близко.

Безъ Кутузова обсуждался первоначальный военный планъ для отраженія Наполеона; не онъ, какъ старшій генералъ въ арміи, получилъ и начальство въ началѣ достопамятной войны. Не получалъ онъ никакого и назначенія, когда Наполеонъ вошелъ уже въ предѣлы государства. Объ этомъ онъ узналъ, живя въ Горошкахъ.

Но если побѣдителя великаго визиря не звали и для него не находилось назначенія въ дѣйствующей арміи, онъ все-таки нашелъ для себя нужнымъ въ это трудное и тревож-

---

*) Барклай род. 1761 г., ум. въ 1818 году. Витгенштейнъ род. 1768 г., ум. въ 1843 г.

ное время покинуть сельскую привольную жизнь и явиться въ Петербургъ, полагая, что авось онъ на что-нибудь пригодится и еще разъ, насколько хватитъ силъ и способностей, сослужитъ службу своему отечеству и государю.

Пріѣхалъ Кутузовъ въ Петербургъ. Государя не было: онъ, какъ выше видѣли, находился въ главной квартирѣ, при арміи. Пріѣзда Кутузова не ожидали, и сначала начальство было въ замѣшательствѣ, какое дать назначеніе старому генералу, а потому не нашли пока ничего для него болѣе лучшимъ, какъ поручить ему начальство надъ войсками, расположенными въ Петербургѣ. Сѣдой вождь принялъ, по своему обычаю, это скромное для него начальство.

Между тѣмъ государь уже видѣлъ, что тѣхъ силъ, какія были выставлены противъ Наполеона, недостаточно. Пришли къ убѣжденію, что нужно собрать ополченіе. 5 іюля у Полоцка Александръ I оставилъ отступающую

свою армію и отправился въ Москву. 6-го іюля былъ объявленъ высочайшій манифестъ, въ которомъ Русь призывалась на защиту родины и объявлялся наборъ ратническихъ дружинъ. Всѣ встрепенулись. 17-го іюля въ Петербургѣ начали сословія выбирать начальниковъ для ополченскихъ дружинъ, и новая столица вмѣстѣ съ старой Москвой одновременно выбрали побѣдоноснаго Кутузова вождемъ своихъ земскихъ дружинъ.

Прослезился сѣдой Кутузовъ отъ выраженной ему обществомъ благодарности за его заслуги немалыя родинѣ, всеобщаго къ нему довѣрія и надежды на него. Глубоко растроганный, онъ воскликнулъ въ залѣ собранія петербургскихъ дворянъ:

— Благодарю васъ, господа, за довѣріе! Вы украсили мои сѣдины! — И энергично занялся составомъ ополченія, словно простой генералъ.

Между тѣмъ ропотъ на безвиннаго Барклая де-Толли все росъ да росъ, иностранная фа-

милія еще больше служила предлогомъ для невѣжественнаго подозрѣнія; въ обществѣ только и слышалось имя стараго Кутузова. И вотъ государь, удовлетворяя общему настроенію, возвратясь въ Петербургъ, призвалъ къ себѣ Кутузова и назначилъ главнокомандующимъ всѣми дѣйствующими военными силами русскаго государства. Встрѣча стараго полководца съ императоромъ была одна изъ интересныхъ минутъ жизни его, а поручаемое ему дѣло спасенія отечества въ самый критическій моментъ, высокое и полное, наконецъ, довѣріе, выказанное ему государемъ, вполнѣ вознаградили Кутузова за тѣ горькія разочарованія и нравственныя огорченія, какія пришлось испытать славному полководцу въ послѣдніе годы своего служенія отечеству. Не смутился онъ духомъ отъ возлагаемой на него великой отвѣтственности; не испугался, что ему придется встрѣтиться лицомъ къ лицу съ великимъ воителемъ и что отъ его способностей и распоряженій будетъ зависѣть или побѣда или горькое пораженіе; но принялъ возлагаемое на

него святое дѣло съ величавымъ спокойствіемъ духа, твердостью и мужествомъ великаго человѣка.

— Я не оробѣлъ,—разсказывалъ потомъ Кутузовъ:—и съ помощію Божіею надѣюсь успѣть; но меня растрогало мое новое назначеніе.

Но прежде еще своего назначенія главнокомандующимъ арміи, Кутузовъ еще въ концѣ іюля былъ пожалованъ титуломъ свѣтлѣйшаго князя, а 2-го августа назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Награды сыпались на него.

Кутузовъ заторопился отъѣздомъ къ отступающей арміи. Сборы были немалики и непродолжительны. 8-го августа получивъ начальство, онъ уже къ 11-му былъ готовъ къ отъѣзду. Его отъѣздъ изъ Петербурга совершился торжественно и совершенно въ народномъ духѣ, что еще больше возвысило его имя и дѣло въ народныхъ массахъ и въ обществѣ, и простые люди стали смотрѣть на Кутузова какъ на вождя, котораго русскому православ-

ному царству послалъ Самъ Богъ въ горькое время, въ минуту страшной напасти, насланной небесами за грѣхи людскіе на православную крещеную землю.

Съ утра 11-го августа площадь Гагаринская, гдѣ находился домъ, въ которомъ жилъ Кутузовъ, и проѣздъ вплоть до Казанскаго собора были запружены народомъ. Всѣмъ уже было извѣстно, что *батюшка царь посылаетъ своего стараго Кутузова на француза некрещенаго и велитъ ему побить Бонапарту страшнаго.* Въ народныхъ толпахъ имена Кутузова и врага всими русской переходили изъ устъ въ уста. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали появленія стараго Кутузова; всѣ хоть однимъ глазкомъ желали взглянуть на Божьяго избранника. Коляска уже стояла у подъѣзда и дожидалась его. Показался Кутузовъ. Головы всѣхъ обнажились. Крикъ восторга вырвался изъ груди народной толпы. Коляска тронулась; люди, тѣсня другъ друга, хлынули къ ней, и сѣдой величавый вождь съ умиленіемъ кланялся русскому народу. Едва-едва могла проѣхать

его коляска къ собору среди народныхъ массъ.

А соборъ уже полонъ людьми всѣхъ сословій и званій. Священники въ полномъ облаченіи, въ свѣтлыхъ ризахъ, ожидаютъ народнаго вождя. Ярко горятъ и блещутъ свѣчи восковыя предъ святыми иконами. Вошелъ маститый старецъ въ Божій храмъ; запѣли напутственный молебенъ; палъ Кутузовъ на колѣни передъ чудотворной Казанской иконой Божіей Матери, Заступницы усердной русской земли, и со слезами, горячо и благоговѣйно молился Ей, прося Божіей помощи и защиты, возлагая все упованіе, всю свою надежду на Его святую волю и святой покровъ Богоматери.

Молился съ нимъ и весь народъ. Сердечна и душевна была та народная молитва, несшаяся среди кадильныхъ облаковъ къ престолу Всевышняго.

Кончился молебенъ. Окропился сѣдой вождь святой водой и возложилъ чудотворную икону себѣ на широкую грудь и осѣнился ею предъ

очами всѣхъ православныхъ людей. Поклонился онъ потомъ священнослужителямъ и громко растроганнымъ голосомъ сказалъ:

— Молитесь обо мнѣ: посылаютъ меня на великое дѣло!

И вышелъ изъ храма, поклонился на всѣ четыре стороны по православному обычаю, перекрестился и отъ собора прямо поѣхалъ на ратное дѣло.

Напутственныя пожеланія и благословенія сопровождали его изъ Петербурга. И никогда еще до сей поры новая столица не видывала такого торжественно-народнаго изъ своихъ стѣнъ выѣзда; никого еще она такъ не провожала на ратныя и другія славныя дѣла. Въ первый разъ увидалъ Петербургъ, какъ русская земля провожаетъ своихъ людей на великій подвигъ, какъ русскій человѣкъ собирается своей родинѣ послужить и постоять за нее.

Кутузовъ, сынъ XVIII вѣка и его общества, близко знакомый съ ученіемъ безвѣрной, всеотвергающей философіи той эпохи, развив-

шійся и жившій въ обществѣ, гдѣ вѣрованія потрясались и боролись съ безвѣріемъ; гдѣ подъ внѣшнимъ приличіемъ скрывалось полнѣйшее отсутствіе нравственныхъ правилъ,— былъ глубоко религіозный человѣкъ, не потерявъ вѣры и тѣхъ религіозныхъ правилъ, которыми искони жила и была сильна русская земля. Съ молитвой начиналъ онъ всякое дѣло. Надѣясь на свои умственныя силы, онъ тѣмъ не менѣе считалъ, что онѣ ничтожны, если не будутъ оплотворены высшимъ благодатнымъ Духомъ.

Не менѣе торжественъ былъ и весь путь Кутузова изъ Петербурга въ армію.

Вездѣ усердные обѣты и надежды православныхъ людей сопровождали его. Толпы простого люда, мужчины и женщины, старцы и дѣти, встрѣчали и провожали вождя. Во многихъ мѣстахъ выпрягали изъ его коляски лошадей, и народъ на себѣ везъ его. И всюду, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, Кутузовъ не переставалъ говорить и просить православныхъ людей:

— Молитесь за меня — иду на великое дѣло.

Въ Ижорѣ получилъ онъ извѣстіе о занятіи Наполеономъ Смоленска; въ Торжкѣ встрѣтилъ генерала Беннигсена, который ѣхалъ изъ арміи, разссорившись съ Барклаемъ и раздражившись на его безконечное отступленіе передъ непріятелемъ, и уговорилъ его вернуться назадъ, сказалъ, что армія остановится, и онъ помѣряется съ Бонапартомъ. 17-го августа Кутузовъ былъ уже въ Царевѣ-Займищѣ.

Глубоко опечаленный всеобщимъ недовѣріемъ и подозрѣніемъ, Барклай де-Толли встрѣтилъ Кутузова, сдалъ начальство и спокойно изъ главнаго военачальника сдѣлался подчиненнымъ. Не оставалъ онъ изъ личной себѣ несправедливости службѣ отечеству, желая доказать современникамъ ошибочное ихъ мнѣніе о немъ и показать примѣръ, какъ долженъ поступать честный и благородный человѣкъ въ трудныя минуты своей жизни; доказать всѣмъ на дѣлѣ, что все желаніе его — жертвовать жизнью отечеству и служить ему во вся-

комъ званіи и достоинствѣ, и что преждевременни и напрасны были на него всѣ нареканія.

Вѣсть о пріѣздѣ въ армію Кутузова мигомъ пронеслась по лагерю и вызвала общую радость. Солдаты повеселѣли.

— Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ,— говорили они.

Кутузовъ явился въ лагерь безъ всякой пышности, по-суворовски: вѣдь не даромъ онъ служилъ съ нимъ. Одѣтый въ простой сюртукъ, безъ эполетъ, въ бѣлой фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, съ нагайкой на ремнѣ черезъ плечо, объѣзжалъ онъ ряды повеселѣвшихъ солдатъ. Раскатистое могучее «ура» гремѣло по лагерю изъ конца въ конецъ. Сохранилось преданіе, будто въ это время огромный орелъ взлетѣлъ надъ головою Кутузова, сопровождая его при объѣздѣ лагеря. Сѣдовласый вождь обнажилъ голову. Солдаты видѣли орла, сочли его за доброе предзнаменованіе и огласили воздухъ громогласными восклицаніями.

Въ народѣ, какъ и нынѣ, еще была жива вѣра во все чудесное, и всякое необычайное въ жизни его событіе, по общему убѣжденію, должно было сопровождаться *знаменіемъ*. Оно могло быть и къ добру и къ худу; первое ободряло, поднимало духъ суевѣрнаго человѣка, послѣднее приводило въ уныніе. Не лишены были подобной вѣры въ знаменія и болѣе образованные классы тогдашняго общества. Появленіе парящаго орла надъ головой Кутузова не могло не отразиться благопріятнымъ образомъ на духѣ всей арміи.

И дѣйствительно, «по прибытіи къ арміи Кутузова,—разсказываетъ одинъ изъ участниковъ 12-го года,—духъ солдатъ ожилъ, и мы положительно уже стали приготовляться къ сраженію».

Кутузовъ рѣшилъ дать генеральное сраженіе и послалъ офицеровъ отыскивать по дорогѣ къ Москвѣ удобное для этого мѣсто. Вскорѣ ему донесли, что такое мѣсто нашлось при селѣ Бородинѣ. Кутузовъ поѣхалъ осмотрѣть найденное мѣсто и его окрестности.

Теперь Бородино съ своими окрестностями совершенно измѣнилось и едва напоминаетъ ту мѣстность 12-го года, на которой разыгралась одна изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ битвъ прежнихъ и новыхъ временъ.

Село Бородино лежало въ 10 верстахъ отъ своего уѣзднаго города Можайска и за 102 версты отъ Москвы. Передъ Бородиномъ временъ Кутузова, если ѣхать въ Москву, идущая дорога спускалась подъ гору и пересѣкала рѣчку Войну, которая тутъ же, вправо отъ дороги, впадала въ рѣчку Колочу. За Бородиномъ, перейдя черезъ Колочу, которая тутъ поворачивала влѣво, къ Москвѣ-рѣкѣ, большая дорога опять поднималась въ гору, гдѣ на версту разстоянія виднѣлась деревня Горки. Вправо отъ Горокъ, верстахъ въ пяти, чернѣлъ большой лѣсъ, а подлѣ него сѣрымъ пятномъ виднѣлась деревня Утица, черезъ которую пролегала старая смоленская дорога. На этомъ пространствѣ, между Горками и Утицей, желтѣли вымятыя ржаныя поля, чернѣлъ мѣстами кустарникъ, зеленѣли поляны, болно-

вались нивы зозрѣвающаго ярового хлѣба. Какъ разъ въ серединѣ между Горокъ и Утицей, на возвышеніи, раскидывалась деревня Семеновское. За оврагомъ, по которому пробирался къ рѣчкѣ Колочѣ ручей Семеновка, видны были два холма.

На такой-то мѣстности Кутузовъ и рѣшилъ сразиться съ непобѣдимымъ Наполеономъ. У перваго было подъ ружьемъ 105,000 солдатъ, а послѣдній имѣлъ 130,000 человѣкъ. Кутузовъ расположилъ свою армію на позиціяхъ. 24-го августа французы дѣлали большое обозрѣніе русскихъ войскъ и упорно ихъ атаковали, такъ что ядра ихъ ложились въ нашемъ резервѣ, хотя и безъ вреда. 25-го русскіе молча готовились къ битвѣ. Наканунѣ солдаты одѣлись въ чистыя рубахи. Большинство отказывалось отъ водочной чарки, говоря:

— Не къ тому готовимся, не такой завтра день.

Въ полдень по рядамъ войскъ начали носить Смоленскую чудотворную икону Божіей

Матери и пѣть водосвятные молебны. Войска окроплялись святой водой, окроплялось же ею и земское ополченіе, подошедшее изъ Москвы. Кутузовъ, объѣзжая войска, говорилъ:

— Ребята, не Москва ли за нами? Умремъ же подъ Москвой, какъ умирали наши отцы и братья!

И простая, короткая рѣчь вождя еще болѣе подкрѣпляла отвагу, кипѣвшую въ груди солдатъ и офицеровъ. Клялись побѣдить или умереть. Командиръ праваго крыла арміи, Барклай де-Толли, говорилъ:

— Мы наканунѣ кровопролитнаго и рѣшительнаго сраженія, въ коемъ удастся мнѣ, можетъ-быть, найти совершеніе моего желанія.

Настала ночь. На русскихъ позиціяхъ была торжественная тишина предъ наступающимъ днемъ великой битвы; въ лагерѣ же непріятеля раздавались пѣсни, хохотъ, шумныя восклицанія.

Наставало утро 26-го августа. Было шесть

часовъ. Заря занялась, и раздался первый пушечный выстрѣлъ; раздался, прогремѣлъ грозный звукъ и уже не прерывался до захожденія солнца.

«Русскіе,—пишетъ очевидецъ сраженія,—дорожили каждымъ вершкомъ родной земли и бились до смерти за каждый шагъ. Многія батареи до десяти разъ переходили изъ рукъ въ руки. Сколько потоковъ крови! Сколько тысячъ тѣлъ! «Не заглядывайте въ тотъ лѣсокъ,—сказалъ мнѣ одинъ изъ лѣкарей, перевязывавшихъ раны:—тамъ цѣлые костры отпиленныхъ рукъ и ногъ». Болѣе ста тысячъ тѣлъ пало на Бородинскомъ полѣ съ обѣихъ сторонъ. Наполеонъ послѣ нерѣдко говаривалъ:

— Изъ 50 сраженій, данныхъ мною, Бородинское—самое упорное и безуспѣшное.

Начиная отъ генерала до послѣдняго ратника, всѣ оказали чудеса храбрости и изумительной отваги. И увидала воочію русская армія, что напрасно она подозрѣвала въ малодушіи, робости и измѣнчивости своего Барклая.

Онъ всюду былъ впереди, стоя въ самомъ убійственномъ огнѣ въ Бородинской битвѣ. Смерть летала вокругъ героя, но онъ былъ хладнокровенъ; пять лошадей было убито подъ нимъ, однако ни одна пуля не задѣла его, и Богъ сохранилъ Барклая.

Багратіонъ, командиръ лѣваго фланга, которому непріятельское ядро оторвало обѣ ноги, когда онъ отражалъ врага, послѣ битвы послалъ къ Барклаю, съ которымъ онъ былъ въ ссорѣ, своего адъютанта увѣрить его въ своемъ уваженіи *). Передъ смертью только умирающій герой созналъ свою ошибку передъ напрасно обиженнымъ человѣкомъ и великодушно сознавался въ ней.

По окончаніи битвы, которая кончилась ничѣмъ, и обѣ враждующія стороны остались на своихъ позиціяхъ, вечеромъ адъютанты отъ

*) Багратіонъ скончался отъ ранъ 12 сентября. Онъ былъ изъ храбрѣйшихъ русскихъ генераловъ, ученикъ и любимецъ Суворова. Багратіонъ былъ недоволенъ Барклаемъ, осуждая его за отступленіе арміи.

Кутузова ѣздили по различнымъ частямъ войска, разспрашивали о потеряхъ, поврежденіяхъ, записывали все карандашомъ и объявляли именемъ Кутузова, чтобы всѣ на утро были готовы сами атаковать французовъ. Всѣ были въ увѣренности возобновленія нерѣшеннаго боя. Но когда совсѣмъ стемнѣло, войска получили другое приказаніе — итти назадъ къ Можайску.

Громадная потеря людьми въ войскахъ заставила осторожнаго Кутузова отступленіе предпочесть новому кровопролитному бою.

Кутузовъ съ арміею 1-го сентября расположился подъ Москвой. Наполеонъ шелъ по его слѣдамъ. Переполохъ въ старой столицѣ поднялся страшный, но всѣ были увѣрены, что Москву безъ боя не отдадутъ. Такъ думала и армія. Но жгучій вопросъ рѣшился вопреки всеобщимъ ожиданіямъ.

Вечеромъ, 1-го сентября, въ деревушкѣ Филяхъ, въ полутора верстѣ отъ Дорогомиловской заставы, на пути изъ Москвы въ Можайскъ, въ просторной избѣ собрались рус-

ские генералы во главѣ съ самимъ фельдмаршаломъ на военный совѣтъ. Тутъ были и Коновницынъ и Дохтуровъ, защитники Смоленска, Толстой и Беннигсенъ, Уваровъ и Ржевскій, Кайсаровъ и Толь, Барклай де-Толли и Ермоловъ. Вопросъ рѣшался роковой: «принять ли сраженіе, заслонивъ грудью первопрестольную столицу, или отступить, отдавъ ее на жертву непріятелю?»

Генералъ Беннигсенъ, довольно счастливо сражавшійся противъ Наполеона въ 1807 г., считавшій себя за лучшаго изъ военныхъ тактиковъ и всегда споривній съ Кутузовымъ и Барклаемъ де-Толли, горячо отстаивалъ свой планъ сраженія передъ Москвой на избранной имъ позиціи. Онъ говорилъ, что сразиться съ Наполеономъ передъ столицей необходимо: потеря ея безъ битвы нехорошо можетъ отразиться какъ на духѣ арміи, такъ всего русскаго народа. Съ нимъ соглашались Дохтуровъ, Уваровъ, Коновницынъ и Ерколовъ *).

*) Алексѣй Петровичъ Ермоловъ род. 1778, ум. 1861 г. Шестнадцати лѣтъ онъ былъ при штурмѣ Праги 1794 г.

Но Барклай де-Толли возсталъ противъ такого односторонняго мнѣнія и энергически началъ доказывать, что на предполагаемой позиціи наши войска навѣрняка будутъ разбиты, и что Россія останется не только безъ столицы, но и безъ арміи. Онъ говорилъ:

— Съ потерей Москвы еще не потеряна Россія,—и предлагалъ путь отступленія къ Владиміру и Нижнему-Новгороду. Его поддерживали генералы Раевскій, Толстой, Толь.

Долго шелъ хотя и тихій, но оживленный и горячій споръ между генералами. Опустившись глубоко въ складное кресло, безпрестанно покряхтывая и расправляя воротникъ сюртука, который, хотя и разстегнутый, все какъ будто жалъ шею, сидѣлъ Кутузовъ и молча выслушивалъ разнообразныя мнѣнія членовъ военнаго совѣта, не прерывая и ни однимъ

„Безгранично любя свое отечество, всецѣло преданный Александру I, расположеніемъ котораго пользовался, онъ своими дѣлами какъ бы говорилъ: „Смотрите, люди, на меня и вѣдайте: вотъ каковъ истинно русскій и нѣсть ему подобнаго". Въ 1823 г. прекратилась его служба отечеству.

словомъ не обнаруживая собственнаго плана, уже заранѣе составленнаго и созрѣвшаго въ его умѣ. Изъ стратегическихъ выводовъ и доказательствъ генераловъ Кутузовъ ясно видѣлъ, что принять бой подъ Москвой опасно, а потому маститый вождь сознавъ печальную необходимость отдать безъ выстрѣла Москву и не колеблясь готовъ былъ принести ее въ жертву для спасенія отечества. Когда всѣ замолчали и ждали отъ него рѣшающаго слова, онъ сказалъ:

— Знаю, что отвѣтственность обрушится на меня, но я жертвую собою для блага отечества.

Сказавъ это, Кутузовъ поднялся со стула, прибавивъ:

— Приказываю отступать!

Поздно вечеромъ отворились двери избы, занятой фельдмаршаломъ; одинъ за другимъ начали выходить оттуда генералы, и мало-помалу скрытно и шопотомъ начала распространяться страшная горькая вѣсть объ уступкѣ

Москвы французу. Тоской и горемъ облилось сердце русской арміи.

«2-го сентября она прошла чрезъ опустѣлую Москву къ Калужской заставѣ. Жители оставили городъ, кромѣ бѣдняковъ, мастеровыхъ да разныхъ бродягъ-бездомниковъ, которымъ терять было нечего да и уходить некуда. Надъ Москвой то тамъ, то самъ закраснѣло небо: вспыхивали пожары. Разливаясь больше и шире, пламя превратилось въ огненное море, и небесный огненный сводъ пламеннымъ куполомъ висѣлъ надъ осиротѣлой столицей.

«Въ тотъ же день съ Воробьевыхъ горъ видно было движеніе французской арміи къ Москвѣ тремя колоннами. Лишь только Наполеонъ въѣхалъ на Поклонную гору, передъ нимъ какъ будто распахнулся занавѣсъ—и величественная панорама Москвы открылась его глазамъ. Пораженный великолѣпнымъ зрѣлищемъ, Наполеонъ долго разсматривалъ городъ въ зрительную трубу и, сказавъ:

— Вотъ пресловутая Москва! — приказалъ

сдѣлать сигналъ выстрѣломъ изъ пушки къ дальнѣйшему движенію арміи; сѣвъ потомъ на лошадь, онъ поскакалъ къ Драгомиловской заставѣ. Здѣсь Наполеонъ остановился, при восклицаніяхъ своихъ восторженныхъ солдатъ, и началъ ожидать встрѣчи, къ какой онъ привыкъ въ Европѣ, когда входилъ въ завоеванныя столицы. Прошло нѣсколько времени. Никто не показывался.

— Привести ко мнѣ бояръ!—повелительно крикнулъ онъ.

Бросились исполнять приказаніе, и къ Наполеону была приведена горсть оборванныхъ иностранцевъ. Онъ презрительно посмотрѣлъ на нихъ, потомъ спросилъ:

— Гдѣ жъ начальство Москвы?

— Никого нѣтъ, государь,—отвѣчали ему.

— Гдѣ Растопчинъ? *)

*) Ѳед. Вас. графъ Растопчинъ, патріотъ, начавшій служить при Павлѣ, былъ въ то время военнымъ генералъ-губернаторомъ Москвы. Въ 12-мъ году онъ успѣлъ вывезть изъ Москвы все казенное имущество.

— Поѣхалъ провожать Кутузова.

— Гдѣ жители?

— Выѣхали, ваше величество.

Наполеонъ отвернулся отъ нихъ и произнесъ:

— Прогнать эту сволочь!..

Иностранцы исчезли.

— Впередъ!—скомандовалъ Наполеонъ и, окруженный свитой, поѣхалъ на бѣломъ конѣ арабской крови по улицамъ опустѣлаго города.

Отступавшая русская армія направилась сначала по рязанской дорогѣ, гдѣ и увидала зарево пожара, уничтожавшее нашу древнюю столицу, а потомъ у Подольска перешла, по распоряженію фильдмаршала, на калужскую и 20-го сентября остановилась въ тарутинскомъ лагерѣ, имѣя главную квартиру въ деревнѣ Латышевкѣ, гдѣ помѣстился Кутузовъ. Намѣреніе Кутузова было загородить путь непріятелю въ южно-среднія губерніи, которыхъ не

коснулась еще разорительная война. Остановясь на тарутинскихъ позиціяхъ, фельдмаршалъ увѣренно сказалъ:

— Теперь ни шагу назадъ!—и занялся пополненіемъ и подкрѣпленіемъ своей ослабленной Бородинской битвой арміи.

Вскорѣ передъ тарутинскими позиціями показался 25 000-й французскій авангардъ подъ начальствомъ неаполитанскаго короля Мюрата, зятя Наполеона. 6-го октября русскіе напали на французовъ. Произошло Тарутинское сраженіе, «маловажное по своему исходу,—говоритъ участникъ 12-го года,—но замѣчательное по отношенію оживленія духа въ пріунывшей было арміи.

«Во-первыхъ,—разсказываетъ онъ,—это была, если можно сказать, наша первая побѣда надъ французами, которые отъ насъ бѣжали, между тѣмъ какъ мы до сего времени все отъ нихъ уходили, и во-вторыхъ, значитъ, чувствовали себя уже настолько сильными, а французовъ

не такими грозными, что перешли въ наступленіе *).

«Мы всѣ въ лагерѣ ликовали этой побѣдѣ», въ которой Мюратъ потерялъ свои пушки и обозъ. «Въ лагерѣ (послѣ схватки) много продавалось казаками изъ вещей, принадлежавшихъ неаполитанскому королю Мюрату, весь обозъ котораго былъ захваченъ казаками и разграбленъ... Въ числѣ продаваемыхъ вещей былъ какой-то темно-пунцовый бархатный кафтанъ Мюрата, вышитый на груди, на спинѣ и по подолу золотомъ, отороченный какимъ-то мѣхомъ, и такого же цвѣта бархатная шапка, на манеръ конфедератокъ, но безъ пера; все это купилъ за ничтожную цѣну Д...», и послѣ пирушки одной, когда всѣ порядочно подвеселѣли, «пришла шутовская мысль намъ одѣть Д... въ мюратовское платье... и въ такомъ нарядѣ пустить его по всему лагерю. Эффектъ произошелъ необыкновенный. Гдѣ мы

*) „Рус. Ст.“ 1874 г. „Зап. И. С. Жиркевича“, изъ которыхъ и дальше будутъ приведены выдержки, касающіяся до личности Кутузова.

ки проходили, всѣ выбѣгали изъ палатокъ и съ хохотомъ присоединялись къ намъ... Многія изъ близкихъ лицъ главнокомандующаго раздѣляли нашу общую веселость. Вдругъ показались дрожки и на нихъ Кутузовъ, который съ изумленіемъ глядитъ на эту толпу, которая съ хохотомъ и шутками приближается къ нему. Онъ остановился и зоветъ къ себѣ Д... и спрашиваетъ, кто онъ такой.

Тотъ называетъ себя.

— Офицеръ ты или нѣтъ?—снова спрашиваетъ Кутузовъ.

— Офицеръ.

— Стыдно, господинъ офицеръ,—громко и явственно заговорилъ Кутузовъ, глядя сердито на несчастнаго Д., а равно и на всѣхъ насъ.— Не подобаетъ и неприлично русскому офицеру нарядиться шутомъ, а вамъ всѣмъ этимъ потѣшаться, когда врагъ у насъ сидитъ въ матушкѣ-Москвѣ, и полчища его топчутъ нашу родную землю. Плакать нужно, молиться, а не

комедіи представлять; повторяю вамъ всѣмъ, что стыдно! Такъ и передайте всѣмъ своимъ товарищамъ, кого здѣсь нѣтъ, *что старику Кутузову въ первый разъ въ жизни случилось покраснѣть за своихъ боевыхъ товарищей.* Ступайте, такъ и скажите, что я за васъ покраснѣлъ! А ты, голубчикъ,—продолжалъ Кутузовъ, обращаясь къ Д.., который стоялъ все время какъ опнаренный,—ступай поскорѣе къ себѣ домой, перемѣни это дурацкое платье и отдай его кому-нибудь, чтобъ оно не колола тебѣ глаза!

«Можете себѣ представить, какъ мы себя чувствовали послѣ такого неожиданнаго урока и какъ всѣмъ намъ было совѣстно глядѣть другъ другу въ глаза!..»

Этотъ фактъ ясно рисуетъ какъ его мягкость и отеческое, добродушно-строгое отношеніе къ подчиненнымъ, такъ и то высокое нравственное вліяніе, какимъ онъ пользовался среди нихъ, умѣя внушить къ себѣ вмѣстѣ съ любовью глубокое уваженіе.

VII.

Бѣгство Наполеона. — Смерть Кутузова.

1812—1813 г.

Недѣли за двѣ еще до Тарутинскаго сраженія Наполеонъ прислалъ къ Кутузову письмо на имя императора Александра и ему, предлагая начать переговоры о мирѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, *война кончилась*. Предложеніе о переговорахъ переслалъ ему Мюратъ.

Съ обычнымъ своимъ политическимъ тактомъ и сноровкой, Кутузовъ, очень хорошо понимая затруднительное положеніе своего знаменитаго противника, привѣтливо обошелся съ его посланцемъ, но отвѣчалъ, что, по его убѣжденію, «*война только еще начинается*», однако онъ съ своей стороны и не прочь былъ бы пріостановить военныя дѣйствія и начать переговоры, но, при всемъ своемъ желаніи, на это, какъ главнокомандующій, онъ не имѣ-

отъ никакихъ полномочій отъ своего императора, почему и донесетъ государю о сдѣланномъ предложеніи и будетъ дожидаться дальнѣйшихъ повелѣній, оставляя, однако, ходъ событій въ томъ же положеніи, въ какомъ они находятся по настоящее время. Однимъ словомъ, Кутузовъ положительнаго отвѣта не давалъ, сослался на препятствіе, не зависящее отъ его воли, а если оно будетъ устранено, то онъ съ удовольствіемъ поступитъ такъ, какъ ему будетъ приказано; до тѣхъ же поръ нужно ждать императорскаго отвѣта.

Наполеону не оставалось послѣ такого отвѣта ничего больше дѣлать какъ ждать его.

Между тѣмъ Кутузовъ немедленно же послалъ въ Петербургъ къ государю письмо отъ Наполеона съ своимъ донесеніемъ, въ которомъ доносилъ о превосходномъ духѣ, оживлявшемъ русскую армію, о ея совершенномъ пополненіи боевыхъ силъ и полной готовности къ рѣшительной встрѣчѣ съ противникомъ, находящимся въ плачевномъ состояніи въ Москвѣ, почему и умолялъ императора не да-

вать своего согласія на какой бы то ни было миръ съ Наполеономъ.

Кутузовъ былъ теперь увѣренъ въ несомнѣнной побѣдѣ надъ необыкновеннымъ человѣкомъ, и вопросъ состоялъ лишь во времени; онъ разсчитывалъ на истребленіе его ослабленной арміи и безъ кровопролитныхъ сраженій, лишь бы только продлить время до начатія холодовъ и зимы, а до той поры продержать Наполеона въ безплодномъ ожиданіи скорыхъ переговоровъ о мирѣ.

Вскорѣ въ арміи стали извѣстны безсмертныя слова императора Александра I и его непоколебимая твердость въ отношеніи Наполеона. Государь сказалъ:

«Не вложу въ ножны мечъ, пока ни одного врага не останется въ моемъ отечествѣ», и молчаніемъ отвѣчалъ на мирныя предложенія Наполеона, которому, какъ необыкновенно геніальному человѣку своего времени, лично удивлялся.

Точно такимъ же холоднымъ молчаніемъ

отвѣчалъ императоръ и на другія письма Наполеона; а время, между тѣмъ, шло, и окончательная развязка для знаменитаго воителя и его арміи быстро приближалась. Кутузовъ вновь перехитрилъ непобѣдимаго полководца и затянулъ время, проволокъ его, когда Наполеону каждая минута промедленія все болѣе и болѣе увеличивала опасность и ставила его въ роковое положеніе.

По вступленіи своемъ въ Москву, онъ было помѣстился въ Кремлѣ, но черезъ недѣлю выѣхалъ изъ него въ Петровскій дворецъ; Москва горѣла, и, несмотря на самыя энергическія дѣйствія Французовъ, пожаръ не могъ быть прекращенъ. Если успѣвали тушить огонь въ одной улицѣ, онъ вспыхивалъ въ другой, въ третьей и огненнымъ моремъ разливался въ ширь. Огнетушительныхъ снарядовъ не было,—Растопчинъ вывезъ всѣ пожарные инструменты съ собой. Приказано было ловить поджигателей; ихъ иногда и ловили, судили и разстрѣливали; но пожаръ не унимался, и прятавшіеся москвичи продолжали

свое дѣло: не доставайся, молъ, врагу наше добро. Огонь истреблялъ Москву, а расположившіеся въ ней иноземные солдаты съ своей стороны начали грабить оставленное и уцѣлѣвшее имущество и въ частныхъ домахъ и въ церквахъ, брали все, что попадалось подъ руку и бросалось въ глаза, превращая въ то же время храмы въ конюшни или казармы, безумно глумясь и безчинствуя надъ святыней русскихъ людей.

Напрасно Наполеонъ, понимая всю опасность подобнаго изувѣрства и кощунства, старался и приказывалъ прекратить грабежи и омерзительное безобразіе,—его генералы доносили, что дисциплина въ войскахъ колеблется, распущенность между ними растетъ съ каждымъ днемъ, и они плохо повинуются ихъ распоряженіямъ.

А между тѣмъ въ испепеленной русской столицѣ одновременно съ слухами грабежа происходила и другая оргія, подтачивавшая военную нравственность. Вмѣстѣ съ наполео-

новскими солдатами нахлынули словно голодные воронье тысячи иноземныхъ проходимцевъ-торгашей, чающихъ наживы и прибыльной добычи, открыли свою торговлю, а рядомъ съ ней и гнусные притоны разврата и пьянаго разгула.

Вскорѣ, къ довершенію всего этого, сталъ ощущаться въ Москвѣ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и хлѣба для непріятельскаго войска; то же самое стали терпѣть непріятели, расположенные и въ московскихъ окрестностяхъ. Что было захватили иноземцы при своемъ вступленіи, то было съѣдено, вновь же ничего и нигдѣ не находилось, а подвозовъ ниоткуда не подходило. Русскіе люди сами не хотѣли везти врагу хлѣбъ свой, а если онъ пытался зайти дальше Москвы и ея окрестностей, то тотчасъ же натыкался на вооруженные отряды партизановъ, или казаковъ, или толпы простыхъ крестьянъ, которые съ топорами и рогатинами съ свирѣпой смѣлостью бросались на бусурмана, не давая ему никакой пощады.

Наполеонъ, вступивъ въ Москву побѣдите-

лемъ, теперь очутился въ ней со всѣхъ сторонъ запертымъ и отрѣзаннымъ отъ всякихъ сообщеній. Съ занятіемъ столицы, для него теперь предстояла двойная борьба: съ одной стороны—съ сильной русской арміей, а съ другой—съ массой разгнѣваннаго народа русской земли.

Еще при занятіи Смоленской губерніи русскіе люди начали вооружаться и подниматься противъ общаго врага. Наполеонъ издалъ прокламацію, въ которой грозилъ казнью всѣмъ, кто будетъ захваченъ съ оружіемъ въ рукахъ изъ частныхъ людей. Одни изъ смольнянъ, заслыша о приближеніи иноземныхъ пришельцевъ, хоронили свое имущество и хлѣбъ и уходили въ лѣса, запаливъ свои родимыя бѣдныя деревни; а другіе составляли вооруженныя толпы, подкарауливали, гдѣ было можно, непріятелскихъ мародеровъ, нападали и убивали. Такъ, напримѣръ, двое смоленскихъ дворянъ, Энгельгардтъ и Шубинъ, составивъ вооруженный отрядъ изъ крѣпостныхъ и дворовыхъ людей, изъ первыхъ поднялись

противъ врага. Но, къ несчастію, удалось ихъ захватать въ окрестностяхъ Смоленска, и храбрыхъ защитниковъ родины въ оковахъ привели въ Смоленскъ на допросъ. Ихъ присудили разстрѣлять, если они не признаютъ Наполеона своимъ императоромъ.

— Русскіе дворяне умѣютъ умирать за отечество и не привыкли быть рабами иноплеменника,—спокойно и твердо отвѣчали патріоты.

Ихъ отвели въ ровъ передъ разрушенными стѣнами и хотѣли было завязать глаза. Но Энгельгардтъ, сбросивъ повязку, воскликнулъ:

— Русскій не боится смерти!..—И черезъ минуту оба пали, прострѣленные вражьими пулями *) за вѣрность и любовь къ отечеству.

Казнь героевъ никого не устрашила: къ

*) Императоръ Николай приказалъ поставить памятникъ на мѣстѣ ихъ смерти въ 1832 г.

русскихъ, а вооруженное возстаніе народа, по мѣрѣ движенія Наполеона въ глубь страны, расширялось все больше; наконецъ, въ самой арміи заговорили о необходимости войны народной, когда дана была Бородинская битва.

...«При деревнѣ Фили, 1-го сентября... зашелъ ко мнѣ, — разсказываетъ участникъ войны, — и къ Вельяминову артиллерійскій штабсъ-капитанъ Фигнеръ... и зашелъ разговоръ, въ которомъ Фигнеръ съ горячностью сталъ утверждать, «что настоящая война — есть война народная; что она не можетъ быть ведена на общихъ правилахъ; что ежели бы ему дали волю и дозволеніе выбрать человѣкъ 50 охотниковъ, онъ пробрался бы внутрь французскаго лагеря, до мѣста пребыванія Наполеона, и непремѣнно убилъ бы его, и хотя увѣренъ, что и самъ бы не остался живъ, но охотно бы пожертвовалъ жизнію!

«Противъ этихъ мыслей возникло много возраженій, и предложеніе его называли вар-

варствомъ...Фигнеръ отправился къ Ермолову, начальнику штаба».

Вскорѣ Фигнеръ, гусаръ Денисъ Давидовъ, Сеславинъ и другіе офицеры русской арміи сдѣлались лихими партизанами, налетая на французскіе отряды какъ снѣгъ на голову, отбивая отъ нихъ обозы, побивая или забирая врага въ плѣнъ вмѣстѣ и съ пушками. На подмогу возставшему народу явились и отважные донскіе казаки, во главѣ съ своимъ атаманомъ Платовымъ»*).

Живымъ смертельнымъ кольцомъ теперь были окружены французскія войска, не зная себѣ ни покоя, ни отдыха ни днемъ, ни ночью, не вѣдая, откуда ждать нападенія отъ невидимаго врага, грознаго, безпощаднаго, который, налетѣвъ, разгромивъ, въ одинъ мигъ и исчезаетъ въ извѣстные ему одному глухіе

---

*) Во время войны 12 года казаки нанесли огромный вредъ непріятелю на обратномъ его пути изъ Россіи, при чемъ отбито было много серебра и золота, награбленнаго французами въ нашихъ церквахъ.

лѣса и тайныя засады. Иноземная сила хотѣла бы встрѣтиться съ своимъ страшнымъ противникомъ, проучить и разгнать его прахъ по чистому полю, уничтоживъ его въ открытомъ бою; но нигдѣ не могла его встрѣтить такъ, какъ хотѣла,—врагъ ускользалъ отъ нея, появляясь снова тамъ, гдѣ его не ждали.

И слабѣла сила французская въ безплодной погонѣ за невидимымъ врагомъ; а сила русская все росла да росла и съ грознымъ боемъ на француза шла!

Эта живая, дѣйствительная борьба не на животъ, а на смерть, какъ бы воочію олицетворяла битву миѳическихъ богатырей съ неземными, нездѣшними, а небесными силами, силу хвастливую съ силой неодолимой.

«Выѣхали богатыри,—говорится въ былинѣ,—и хвастливо крикнулъ одинъ изъ нихъ, похваляясь силою: «выходи ты въ бой со мной, сила нездѣшняя!..» И явилась вдругъ она въ видѣ витязя. Рубнулъ съ плеча богатырь витязя нездѣшняго, глядитъ — стало двое ихъ!

Налетѣлъ другой на обоихъ витязей, хватилъ— стало четверо противниковъ... Бросились богатыри всей гурьбой на витязей, колютъ, рубятъ, бьютъ, а витязи все растутъ да растутъ и съ боемъ на богатырей идутъ. Испугались тутъ богатыри, догадались, что схватились съ силой непонятной, небывалою,—бросились бѣжать къ горамъ. Подбѣжитъ одинъ къ каменной горѣ, да такъ и закаменѣетъ; подбѣжитъ другой — глыбой каменною станетъ... Такъ всѣ и погибли, превратившись въ глыбы каменныя».

Кутузовъ предвидѣлъ смертельную гибель для Наполеона съ его арміей, отдавая ему безъ выстрѣла Москву; ибо совершенно былъ увѣренъ, что это вызоветъ противъ него народную и стихійную силу, которую смертному человѣку, какъ бы ни былъ онъ геніаленъ, ужъ не одолѣть.

Голодъ началъ сильно уже чувствоваться въ непріятельской арміи, а къ голоду вскорѣ подоспѣлъ и холодъ. Начались рано морозы и

по времени довольно значительные. Французскіе маршалы и офицеры, послѣдній солдатъ— всѣ давно уже чувствовали и сознавали, что пора выбираться изъ негостепріимной, *преславутой Москвы*. Но никто не осмѣливался заговорить объ этомъ съ суровымъ и глубоко потрясеннымъ воителемъ. Его геній еще былъ могучъ и безпредѣльно властвовалъ надъ волей и желаніемъ милліонной толпы.

И въ надеждѣ на свою прежнюю мощь и счастіе, завоеватель ждалъ начатія мирныхъ переговоровъ, надѣялся, что не осмѣлятся съ нимъ не заговорить о мирѣ, когда онъ первый заговорилъ о немъ; думалъ еще съ честью для себя выйти изъ роковой борьбы и снова блеснуть въ мірѣ своей непобѣдимой мощью. Но время шло. Александръ I не отвѣчалъ; Кутузовъ все стоялъ на одномъ мѣстѣ, не подаваясь ни впередъ ни назадъ; только вокругъ словно неотвязные шмели носились партизаны и казаки и нѣсколько нарушали покой, но рѣшительныхъ дѣйствій не было, и еще можно было имѣть надежду на благопріятной оборотъ

дѣла... Наполеонъ даже назначилъ въ Москвѣ на 7-е октября смотръ гвардіи... и вдругъ произошелъ неожиданный для него Тарутинскій бой. Для Наполеона теперь все стало ясно: миръ отвергнутъ, старый хитрецъ Кутузовъ перехитрилъ его. Вокгель оживился. Смотръ былъ отмѣненъ, а вмѣсто него былъ отданъ приказъ немедленно собираться въ походъ.

7-го октября, во главѣ отборной своей гвардіи, Наполеонъ вышелъ изъ Москвы по смоленской дорогѣ въ обратный путь, а за нимъ потянулась армія и многотысячный обозъ повозокъ, каретъ, колясокъ и другихъ экипажей, взятыхъ въ Москвѣ и нагруженныхъ русскимъ добромъ, серебромъ и золотомъ, камнями драгоцѣнными; но среди этихъ неисчислимыхъ богатствъ не было въ запасѣ ни хлѣба ни другихъ жизненныхъ припасовъ.

Выходя изъ Москвы, страшно взбѣшенный, что его провели, а не ему привелось отуманить человѣческій умъ, Наполеонъ приказалъ взорвать на воздухъ кремлевскія стѣны. Но

отданный приказъ не могъ быть вполнѣ приведенъ въ исполненіе: русскіе уже входили снова въ свою истерзанную столицу. Изъ первыхъ на обгорѣлыхъ московскихъ улицахъ появилось тверское ополченіе*) съ казаками. Они успѣли разыскать подкопы и во-время предупредить всеобщій взрывъ; пострадала только небольшая часть Кремля.

Одновременно съ выходомъ Наполеона изъ Москвы по прежней дорогѣ, Кутузовъ приказалъ сняться съ тарутинскихъ позицій армія и направляться къ Малоярославцу. Здѣсь былъ пунктъ, гдѣ сворачивали съ смоленской дороги на Калугу. Русскій главнокомандующій разсчиталъ, что Наполеонъ непремѣнно въ этомъ мѣстѣ задумалъ перейти изъ разореннаго и выжженнаго края въ нетронутыя войной мѣста. Какъ при Тарутинѣ русская армія загораживала Наполеону дорогу, и самую близкую въ

*) См. Воен. Сб., 1859 г., „Восп. князя Шаховскаго". Русскій писатель комедій, онъ начальствовалъ тверскимъ ополченіемъ.

неразоренный край, такъ она должна была теперь заслонить ему поворотъ и при Малоярославцѣ.

Кутузовъ не ошибся. Онъ угадалъ мысль Наполеона: послѣдній старался какъ можно скорѣе добраться до намѣченнаго имъ пункта, пройти Малоярославецъ и вступить въ мѣста, гдѣ его солдаты могли бы быть обезпечены продовольствіемъ, одеждой теплой, пріютомъ, а не гибнуть отъ голода и холода. 120 верстъ должны были, какъ можно быстрѣе, пройти французы и предупредить кутузовскую армію. Кутузовъ зналъ, что для Наполеона настала теперь единственная задача: добыть кусокъ хлѣба, а русскимъ — не дозволить ему взять этотъ кусокъ, чтобы поддержать истомленныя силы своихъ голодающихъ солдатъ. А потому онъ спѣшилъ на перерѣзъ французской арміи. Наполеонъ уже подходилъ съ своей гвардіей къ Малоярославцу; ему еще улыбалось счастіе, и онъ думалъ, что его планъ удастся, онъ встрѣтитъ Кутузова уже за Малоярославцемъ и тамъ разобьетъ и отброситъ его. Но

тутъ снова простые русскіе люди явились на помощь своей арміи и сослужили службу отечеству. Малоярославскій мѣщанинъ Бѣляевъ*) уговорилъ своихъ прорвать мельничныя плотины и задержать тѣмъ французовъ, пока не подоспѣютъ наши. Народъ вмигъ разбросалъ запруды, и окрестность затопилась, мосты были снесены водой. Французская гвардія должна была пріостановиться на нѣсколько часовъ, пока не устроится переправа. Но тѣмъ временемъ успѣли подойти передовыя войска Кутузова, и тотчасъ же завязался бой съ французами, а тутъ подоспѣлъ и самъ онъ со всей своей силой, и наполеоновская гвардія была выбита изъ Малоярославца. Планъ Наполеона не удался. Ему не дали добыть желаемаго куска хлѣба. Завоеватель долженъ былъ отступить на прежнюю дорогу и снова двигаться по разграбленной, голодной странѣ.

Малоярославскій бой произошелъ 12 октября.

---

*) Бѣляеву, въ 1884 г., граждане Малоярославца рѣшили поставить памятникъ въ честь его за это дѣло.

«Къ ночи, — разсказываетъ участникъ войны 12-го года,—за моей батареею разбита была палатка... въ ней ночевалъ Кутузовъ. Около 10-ти часовъ вечера, когда онъ, вѣроятно, начиналъ засыпать, вдругъ пальба, прекратившаяся совершенно у города часу въ восьмомъ, внезапно открылась въ большомъ размѣрѣ. Кутузовъ вышелъ изъ палатки и съ сердцемъ сказалъ:

— Охъ, ужъ этотъ мнѣ Дмитрій Сергѣевичъ (Дохтуровъ), и уснуть не дастъ! Оставилъ бы ихъ, проклятыхъ, въ покоѣ. Кашкаровъ! пошли узнать, что за тревога?

Потомъ, войдя въ палатку, онъ проспалъ уже до разсвѣта, до новаго похода.

Кутузовъ отрядилъ было нѣсколько полковъ защищать Медынскую дорогу, гдѣ еще могли надвинуться всѣ силы Наполеона, но онъ уже отступалъ къ Вязьмѣ. Наши преслѣдовали его. 19-го октября, близъ Бородинскаго поля, настигли маршала Даву казаки Платова и принудили его бросить нѣсколько орудій, завла-

дѣвъ обозомъ, въ которомъ находилось русское добро, награбленное въ Москвѣ, а 22-го октября завязалось сраженіе при Вязьмѣ, гдѣ разбитые французы принуждены были сжечь свои пороховые ящики и обозы, чтобы облегчить себѣ дальнѣйшее отступленіе.

Кутузовъ, идя по слѣдамъ почти бѣгущей отъ него непріятельской арміи, сдѣлалъ общее распоряженіе, приказавъ адмиралу Чичагову съ южной арміей (бывшей дунайской) изъ Слонима спѣшить къ Березинѣ, куда тоже долженъ былъ явиться изъ Витебска Витгенштейнъ, соединиться и отрѣзать путь Наполеону черезъ Березину, когда наша армія подгонитъ наполеоновскую къ этой рѣкѣ. Кутузовъ надѣялся такимъ образомъ окружить Наполеона и заставить сдаться въ плѣнъ.

Съ 22-го октября начались сильные морозы и установилась зима. Въ безотрадномъ и отчаянномъ положеніи очутились наполеоновскіе несчастные солдаты. Трупы устилали ихъ путь. Мраченъ былъ духъ Наполеона, и онъ испыты-

валъ такія душевныя и нравственныя страданія, какія едва ли можетъ понять человѣкъ обыкновенныхъ способностей. Велики иногда бываютъ преступленія геніальныхъ людей, но тяжкія страданія духа они выносятъ, когда сознаютъ, что, несмотря на всѣ кровавыя жертвы и утраты, они не достигли цѣли, и она разбилась вдребезги.

Въ то время, когда подъ Вязьмой происходило сраженіе, Наполеонъ шелъ черезъ Смоленскъ, спасаясь бѣгствомъ, съ своей гвардіей. Бѣлѣющія отъ снѣга окрестности города, равно какъ ледяная поверхность Днѣпра были усѣяны, брошенными фурами, мертвыми тѣлами солдатъ, лошадей, всякой рухлядью, экипажами, товарами. Офицеры и солдаты являли подобіе какого-то маскарада. Какъ тѣни двигались они, закутанные въ священническія ризы, стихари, женскіе салопы, а на головахъ иныхъ виднѣлись рогожи, кульки, капоры, мужицкія шапки, жидовскія ермолки. Наши преслѣдовали.

«На одномъ изъ маршей, гдѣ была назна-

чена квартира для Семеновскаго полка, а вмѣстѣ и главная квартира Кутузова, онъ пріѣхалъ впередъ одинъ, въ крытыхъ саняхъ, парою, и съ конвоемъ изъ двухъ только казаковъ. Сани въѣхали во дворъ, а самъ онъ вошелъ въ избу и усѣлся на скамью. Квартирьеръ полка, поручикъ, прибывшій туда незадолго для занятія квартиръ, внезапно вбѣжалъ въ ту же избу и, увидя неожиданно главнокомандующаго, оробѣлъ и спѣшилъ выйти. Кутузовъ остановилъ его и спросилъ:

— Какого полка и что тебѣ нужно, мой другъ?

— Семеновскаго, прибылъ для занятія квартиръ.

— Чего жъ ты испугался меня и бѣжишь вонъ,—продолжалъ Кутузовъ: — а еще гвардеецъ, и не нашелся. Обожди. Присядь со мною и побесѣдуемъ вмѣстѣ. Успѣешь еще занять квартиры—полкъ далеко.—Усадилъ его съ собою и продержалъ съ четверть часа.

«Въ другой разъ, но нѣсколько раньше, Ку-

тузовъ, подъѣхавъ къ Семеновскому полку, впереди котораго ѣхали верхомъ Постниковъ, я и другіе офицеры, объявилъ намъ, что перехваченъ курьеръ, везшій извѣстіе къ Наполеону и Маллетовскомъ заговорѣ, возникшемъ въ Парижѣ. Разсказавъ подробно обстоятельства этого дѣла, онъ прибавилъ:

«— Я думаю, собачему сыну (т. е. Наполеону) эта вѣсточка непонутру будетъ. Вотъ что значитъ не законная, а захваченная власть!

«Кутузовъ былъ вообще краснорѣчивъ; но при солдатахъ и съ офицерами онъ всегда говорилъ такимъ языкомъ, который бы имъ врѣзывался въ память и ложился прямо на сердце.

«Подъ Краснымъ наши снова нагнали бѣгущихъ французовъ. Попытка ихъ 3-го ноября здѣсь хоть нѣсколько задержать натискъ нашей арміи кончилась новымъ пораженіемъ несчастной и совершенно разстроенной арміи непріятеля.

«На дневкѣ, вечеромъ, часу въ пятомъ, Кутузовъ, объѣзжая биваки, подъѣхалъ къ Семеновскому полку. За нимъ ѣхало человѣкъ пять генераловъ, въ числѣ которыхъ были принцъ Александръ Виртембергскій, Оппермань и Лавровъ, а позади ихъ семь человѣкъ конногвардейцевъ везли отбитыя у непріятеля знамена.

«— Здравствуйте, молодцы-семеновцы!—закричалъ Кутузовъ.—Поздравляю васъ съ новою побѣдою надъ непріятелемъ. Вотъ и гостинцы везу вамъ! Эй, кирасиры! Нагните орлы пониже? Пускай кланяются молодцамъ! Матвѣй Ивановичъ Платовъ *) доноситъ мнѣ, что сегодня взялъ 115-ть пушекъ и сколько-то генераловъ... не помнишь ли ты, Оппермань, сколько именно?

---

*) Атаманъ Платовъ родился 1751 г.—1818 г. Онъ участвовалъ еще въ суворовскихъ походахъ, въ Бородинскомъ сраженіи со своими казаками онъ оставилъ послѣднимъ поле битвы. „Орломъ шумишь по облакамъ, по полю волкомъ рыщешь, летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ, бѣдой имъ въ уши свищешь!“ говоритъ о немъ Жуковскій въ „Пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ“.

«Опперманъ отвѣчалъ:

«— Пятнадцать!

«— Слышите ли, мои друзья, 15-ть, т. е. пятнадцать генераловъ! Ну, если бы у насъ взяли столько, то остальныхъ сколько бы осталось? Вотъ, братцы, пушки пересчитать можно на мѣстѣ, да и тутъ не вѣрится, а въ Питерѣ скажутъ: «хвастаютъ!»

«Затѣмъ Кутузовъ подъѣхалъ къ палаткѣ генерала Лаврова, командовавшаго въ то время 1-й гвардейской пѣхотной дивизіей и расположившагося за Семеновскимъ полкомъ. Кутузовъ и прочіе генералы сошли съ лошадей и приготовились пить чай у Лаврова. Тутъ же кирасиры сошли съ лошадей, стали въ кружокъ и составили изъ знаменъ навѣсъ, въ родѣ шатра. Кто-то изъ офицеровъ, подойдя къ знаменамъ, сталъ читать надписи, на одномъ изъ нихъ, вслухъ всѣ тѣ сраженія, въ которыхъ отличился тотъ полкъ, которому принадлежало знамя, и въ числѣ прочихъ побѣдъ прочелъ: «Аустерлицъ».

«— Что тамъ?—спросилъ Кутузовъ.— Аустерлицъ? Да, правда! Жарко было подъ Аустерлицемъ! Но умываю руки мои передъ всѣмъ войскомъ: не повинны онѣ въ крови аустерлицкой! Ежели по совѣсти разобрать, то теперь каждый не только старый солдатъ, но даже и послѣдній ратникъ, столько заслужили, что осыпь ихъ алмазами, то они все еще не будутъ достаточно награждены. Ну, да что и говорить! Истинная награда не въ крестахъ или алмазахъ, а просто въ совѣсти нашей. Вотъ кстати я разскажу о дошедшей мнѣ наградѣ. Послѣ взятія Измаила я получилъ звѣзду св. Георгія; тогда эта награда была въ большой чести. Я думаю, здѣсь есть еще люди, которые помнятъ молодого Кутузова... Нѣтъ? Ну, послѣ! Когда мнѣ матушка-царица приказала прибыть въ Царское Село, къ себѣ, я поспѣшилъ выполнить ея приказаніе—поѣхалъ. Пріѣзжаю въ Царское. Пріемъ былъ мнѣ назначенъ парадный. Я вхожу въ залу, въ одну, въ другую, всѣ смотрятъ на меня, я ни на кого и смотрѣть не хочу.

Иду себѣ и думаю, что у меня Георгій на груди. Дохожу до кабинета, отворяются двери; что со мною сталось? И теперь еще не опомнюсь! Я забылъ и Георгія, и то, что я Кутузовъ. Я ничего не видалъ, кромѣ небесныхъ, голубыхъ очей, кромѣ царскаго взора Екатерины. Вотъ была награда! (См. выше).

«И съ чувствомъ, постепенно понижая голосъ, Кутузовъ пріостановился—и все кругомъ его молчало... Тутъ одинъ изъ офицеровъ Семеновскаго полка сказалъ громко:

«— Не правда ли, какъ эта сцена походитъ на сцену изъ трагедіи «Димитрій Донской *).

«Постниковъ закричалъ:

«— *Ура спасителю Россіи!*

«И громкое «ура» понеслось и разнилось по всему войску. Столь неожиданный возгласъ

---

*) Трагедія Озерова, изъ авторанъ Тверской губерніи.

тронулъ каждаго изъ присутствующихъ, а Кутузова, конечно, болѣе всѣхъ.

«Онъ вдругъ всталъ на скамейку и закричалъ:

«— Полноте, друзья, полноте! Что вы! Не мнѣ эта честь, а слава *русскому солдату!*— И потомъ, бросивъ вверхъ фуражку и сильно возвысивъ свой голосъ закричалъ:

«— Ура!.. ура!.. ура доброму русскому солдату?..

«Потомъ, когда «ура» утихло, Кутузовъ усѣлся опять на скамью и обращаясь къ Лаврову, продолжалъ такъ:

«— Гдѣ это собачій сынъ сегодня ночуетъ? Я знаю, что въ Лядахъ онъ не уснетъ покойно. Александръ Никитичъ (партизанъ Сеславинъ, въ это время только капитанъ гвардіи) далъ мнѣ слово, что онъ сегодня не дастъ ему покоя. Вотъ послушайте, господа, какую мнѣ побасенку прислалъ нашъ краснобай Крыловъ:

«Собрался волкъ на псарню, псовъ потревожить. Войти-то онъ вошелъ, да вотъ какъ пришлось выбираться оттуда — давай за умъ! Собаки на него стаею, а онъ въ уголъ, ощетинился и говоритъ: «Что вы, друзья! За что это вы на меня? Я не врагъ вамъ. Пришелъ только посмотрѣть, что у васъ дѣлается, а вотъ сейчасъ и вонъ пойду!» Но тутъ подоспѣлъ псарь, да и отвѣчаетъ ему: «Нѣтъ, братъ волчище, не провесть тебѣ насъ! Правда! ты сѣръ и уменъ, но и я, дружище, сѣдъ уже и не глупѣе тебя».

«Кутузовъ снялъ шапку и рукою, кругомъ головы, показалъ сѣдины свои, и продолжалъ:

«— Не уберешься такъ легко отсюда, какъ пришелъ сюда!—и пустилъ стаю псовъ на него *),—прибавилъ онъ.

---

*) Вотъ эта знаменитая басня „Волкъ на псарнѣ". „Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню, попалъ на псарню. Поднялся вдругъ весь псарный дворъ; почуя сѣраго такъ близко забіяку, псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку. Псари кричатъ: „ахти, ребята, воръ!" И вмигъ

«Громкое» «ура» повторилось вновь по войску!» заключаетъ свидѣтель этихъ великолѣпно-патріархальныхъ сценъ.

Въ нихъ нашъ доблестный Кутузовъ предъ нами, потомками, какъ живой встаетъ. И видится онъ намъ среди своихъ боевыхъ полковъ не какъ суровый вождь, а какъ тотъ древній патріархъ, который въ одно и то же время былъ и повелителемъ и благодушнымъ другомъ-отцомъ своихъ могучихъ дружинъ. Сливаясь съ ними плотью и духомъ, они со-

ворота на запоръ. Въ минуту псарня стала адомъ. Бѣгутъ: иной съ дубьемъ, иной съ ружьемъ. — „Огня! кричатъ, огня!“ Пришли съ огнемъ. Мой Волкъ *(Наполеонъ въ Москвѣ)* сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ, зубами щелкая и ощетина шерсть; глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть; но видя то, что тутъ не передъ стадомъ, и что приходитъ, наконецъ, ему расчесться за овецъ *(прежнія войны и за вторженіе)*, пустился мой хитрецъ въ переговоры *(письма къ государю)* и началъ такъ: „друзья! къ чему весь этотъ шумъ? Я — вашъ старинный сватъ и кумъ *(намекъ на дружественныя отношенія Наполеона послѣ Тильзитскаго мира)*, пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры; забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ! А я не только впредь не трону вдѣшнихъ стадъ,

ставляли одну могучую, нераздѣльную семью, и вождь понималъ и цѣнилъ своихъ боевыхъ дѣтей, а дѣти понимали и чтили своего отца-вождя, проникались его великимъ духомъ и были несокрушимы.

Изъ этихъ историческихъ сценъ каждый изъ насъ можетъ видѣть, въ какихъ добрыхъ, любовно-благодушныхъ отношеніяхъ находился Кутузовъ къ своимъ подчиненнымъ, какъ умѣлъ онъ съ ними обращаться и говорить, поучать изъ примѣровъ собственной жизни правиламъ

но самъ за нихъ съ другими грызться радъ, и волчьей клятвой утверждаю, что я... — „Послушай-ка, сосѣдъ“, тутъ ловчій (*Кутузовъ*) перервалъ въ отвѣтъ: „ты сѣръ, а я, пріятель сѣдъ, и волчью вашу я давно натуру знаю; а потому обычай мой—съ волками иначе не дѣлать мировой, какъ снявши шкуру съ нихъ долой!“ И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

И. А. Крыловъ родился 2-го февраля 1768 г., скончался 9-го ноября 1844 г. Къ историческимъ баснямъ его относятся: „Щука на ловлѣ мышей“, въ которой Крыловъ добродушно подсмѣивается надъ неудачными распоряженіями адмир. Чичагова въ 12 году, взявшагося не за свое дѣло и упустившаго Наполеона; „Квартетъ“, „Василекъ“, гдѣ онъ выводитъ высоко-человѣколюбивую личность импе-

высокой нравственности, и какъ высоко цѣнилъ онъ заслуги русскаго солдата и человѣка въ тяжкій *французскій годъ*. Кутузовъ, по возможности, избѣгалъ кровавыхъ сѣчъ и уже только въ крайнихъ обстоятельствахъ, видя необходимость, давалъ рѣшительную битву. И знали солдаты, что Кутузовъ любитъ и цѣнитъ ихъ, бережетъ солдатскую кровь, съ отеческой заботливостью относится къ нимъ, а зная это, русскій солдатъ благоговѣлъ передъ своимъ вождемъ, былъ увѣренъ въ непобѣдимости его,

---

ратрицы Маріи Ѳеодоровны, супруги Павла I, благотворительницы русскаго народа и бѣдныхъ людей, въ пользу которыхъ она пожертвовала все свое милліонное имущество, и ставитъ славную императрицу въ примѣръ сильнымъ міра; „Гусн“, гдѣ осмѣивается чванство своимъ происхожденіемъ, не имѣя иныхъ качествъ и заслугъ, и многія другія. Личность Кутузова, Наполеона и русскихъ людей 12-й г. и ихъ дѣло такъ выразилось въ баснѣ, въ искусственной, образованной литературѣ, въ устной же, народной 12-г. выразился въ пѣснѣ, которая и еще до сихъ поръ кой-гдѣ поется народомъ: „За долами, за горами Бонапарта съ плясунами вздумалъ вровень стать...“ Въ пѣсняхъ народъ называетъ Кутузова „*старымъ воробьемъ*“. „...*Нашъ Кутузовъ вспомнилъ слово, хоть не скоро*

сердечно преданъ ему и, духовно-связанный съ нимъ, руководясь имъ, дѣлался самъ неодолимымъ. Кутузовъ съ русскимъ солдатомъ былъ связанъ духовнымъ родствомъ и послѣдняго не одна только дисциплина заставляла повиноваться и уважать своего вождя, а высшая нравственная сила, которую Кутузовъ разливалъ вокругъ себя и благодаря ей безпредѣльно властвовалъ надъ душевными и сердечными силами руководимыхъ имъ людей.

Изъ-подъ Краснаго Кутузовъ пошелъ къ

да здорово—старый воробей!“ Отчаянное положеніе Наполеона и его бѣгство въ пѣснѣ изображается такъ: *Наши грянули по-свойски, мы не знаемъ по-заморски, наши грянули по-свойски—ну-ка казачка!.. Бонапарту не до пляски-ростерялъ свои подвязки и кричитъ: пардонъ! Вотъ мигнулъ онъ Коленкуру, самъ-то выкинулъ фигуру на цыганскій ладъ: бросивъ пышныя ухватки, по-цыгански безъ оглядки, шаркнули назадъ... Не совался было въ воду не спросясь прежде броду — хватъ-богатыри!..*“ Происхожденія пѣсня книжнаго, но тотчасъ же сдѣлалась народной и народъ въ этой только пѣснѣ вспоминаетъ великое дѣло своихъ отцовъ и стараго Кутузова.

Смоленску, оттуда 5-го ноября вышли послѣдніе отряды уцѣлѣвшіе отъ великой наполеоновской арміи. Маршалъ Ней, начальникъ остатковъ, уходя, приказалъ разрушить всѣ башни многострадальнаго города. По уходѣ непріятелей раздался оглушительный громъ отъ взрыва минъ, подведенныхъ подъ всѣ башни. Городъ дрогнулъ; но только восемь башенъ разрушилось, остальныя уцѣлѣли. Въ этотъ же день, ровно черезъ три мѣсяца, вошли наши войска въ разрушенный городъ, а вмѣстѣ съ ними вернулась въ него и Казанская чудотворная икона Божіей Матери, святыня Смоленска и всей православной Руси.

Наши шли по слѣдамъ бѣгущихъ французовъ и со всѣхъ сторонъ сближались къ Березинѣ, чтобы, какъ думалъ Кутузовъ, захватить Наполеона и не дать ему уйти изъ Россіи; но мысли и намѣренію русскаго вождя не суждено было осуществиться. Разгромленный побѣдитель Европы, пользуясь ошибками Чичагова, который было пытался загородить ему переправу черезъ рѣку, разбилъ послѣдняго и

убѣжалъ, оставивъ на произволъ судьбы 20,000 несчастныхъ героевъ, безпредѣльно ему преданныхъ, спасшихъ его отъ плѣна и уцѣлѣвшихъ еще отъ голода и холода, отъ вражьихъ пуль и неслыханныхъ лишеній и страданій.

Велико было разореніе той части русской земли, по которой прошелъ Наполеонъ съ своими полчищами, но и тяжки же, горьки и страшны были терзанія этихъ полчищъ, когда имъ пришлось расплачиваться за честолюбивыя грѣхи своего вождя.

Болѣе нежели на 50 верстъ, не только по дорогѣ, но и въ стороны отъ селеній, виднѣлись лишь трубы да печи, а все, что только имѣлось въ деревнѣ удобосгораемаго, употреблено было на топливо, и отъ Ошмянъ до Вильны нельзя было двухъ шаговъ пройти безъ того, чтобъ не наткнуться на одинъ или на нѣсколько труповъ. Въ другихъ мѣстахъ видно было, что нѣкоторыхъ смерть заставала на трупахъ ихъ товарищей въ то время, когда

они готовились ими утолить свой голодъ. Еще ужаснѣе было видѣть, какъ они десятками залѣзали въ самую середину костровъ и обгорѣвшіе оставались въ такомъ положеніи. Другіе, не испустившіе еще послѣдняго дыханія, тлѣли, буквально, на угольяхъ, не выказывая ни малѣйшаго страданія въ потухающихъ главахъ... Боже сохрани еще отъ подобныхъ обстоятельствъ!

Декабря 1-го укрылись за Нѣманъ остатки наполеоновской арміи, а декабря 11-го Кутузовъ привѣтствовалъ императора Александра, подстилая подъ ноги его французскія знамена, «въ своей доброй Вильнѣ», гдѣ такъ недавно еще онъ былъ обыкновеннымъ губернаторомъ, а теперь являлся побѣдителемъ великаго полководца, котораго до сихъ поръ еще никто не одолѣвалъ. Но какъ и въ былое время, Кутузовъ и теперь былъ вѣренъ самому себѣ; славная побѣда не возгордила его, и для всѣхъ онъ оставался тѣмъ же ласковымъ, привѣтливымъ, величаво-добродушнымъ Кутузовымъ, какимъ знавали его и до побѣды.

«Могъ бы я,—писалъ онъ,—величать себя первымъ генераломъ, передъ которымъ бѣжитъ Наполеонъ, но Богъ смиряетъ гордыхъ».

Высшія почести отъ императора отличали Кутузова: званіе фельдмаршала, 100,000 рублей награды, золотая шпага, съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ, за Бородинское и Тарутинское сраженія, титулъ *Смоленскаго* за битвы близъ Смоленска были внѣшними знаками оцѣнки и признательности его заслугъ. 12-го же декабря, въ день своего рожденія, императоръ собственноручно возложилъ на своего фельдмаршала Георгія первой степени, высшее военное отличіе, и вскорѣ пожаловалъ алмазные знаки ордена св. апостола Андрея Первозваннаго. Величайшей же наградой было для великаго старца собственное сознаніе въ честномъ выполненіи возложеннаго на него дѣла и общая признательность современниковъ, которые называли его *спасителемъ русскаго царства*.

Ликовала, радовалась своей побѣдѣ Россія, радовалась ея торжеству и Европа. Она со-

чувствовала своей побѣдоносной сосѣдкѣ, надѣясь, что съ помощью ея и для нея, побѣжденной, настаетъ минута освобожденія изъ-подъ военнаго владычества Наполеона. Правители европейскихъ народовъ, такъ недавно бывшіе въ невольномъ союзѣ съ Наполеономъ противъ Россіи, теперь обратились къ великодушію ея монарха и призывали его для своего освобожденія. Императоръ Александръ рѣшилъ помочь имъ.

1-го января 1813 года русская армія перешла черезъ границу и вступила въ Пруссію, такъ какъ она первая отступила отъ Наполеоновскаго союза и заключила союзъ съ императоромъ Александромъ.

Кутузовъ, исполнивъ дѣло Россіи, былъ противъ продолженія войны съ Наполеономъ, но, повинуясь державной волѣ, остался главнокомандующимъ войскъ и руководилъ началомъ заграничнаго похода. Государь находился при арміи.

Начало похода было прекрасно. Бодрость духа въ войскахъ,—говоритъ участникъ,—росла

не по днямъ, а по часамъ. Города сдавались одинъ за другимъ. Остатки наполеоновскихъ войскъ били повсюду. Въ три мѣсяца заняты были три столицы и до береговъ Эльбы уничтожена власть Наполеона. 26-го марта главная квартира была уже въ Дрезденѣ, въ Саксоніи, и въ Миличѣ встрѣтили Кутузова восклицаніями:

— *Да здравствуетъ великій старецъ! Да здравствуетъ дѣдушка-Кутузовъ!* При переправѣ черезъ Одеръ, когда императору Александру поднесли лавровый вѣнокъ онъ послалъ его Кутузову, *какъ его достояніе.*

Вообще,—говоритъ очевидецъ, «недостаетъ словъ описывать, какъ мы принимаемы были, слѣдуя черезъ Силезію, Саксонію до Люцена. Тамъ, гдѣ проѣзжалъ государь, не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ, въѣзды украшались арками, цвѣтами, флагами и на всѣхъ возможныхъ языкахъ надписями, и мы всегда бывали первыми, которые проходили подъ этими тріумфальными воротами. Государя вездѣ встрѣчали толпы народа, во главѣ котораго

стояли самыя красивыя дѣвушки, всѣ въ бѣломъ, и усыпали путь его дождемъ цвѣтовъ. А Силезія и Саксонія не бѣдны красавицами! У каждаго въѣзда привѣтствовали государя рѣчами многоглаголивые нѣмцы, называя его не иначе какъ *«ангеломъ и спасителемъ»*. Насъ же встрѣчали съ самымъ искреннимъ радушіемъ, а хлѣбъ-соль — по средствамъ каждаго хозяина, но всегда въ довольствіи; а хозяйскія дочери или хозяйки, непремѣнно и сплошь, всѣ въ насъ влюблялись! Было время».

Но среди этого ликованья и торжества вѣчно-юной жизни, тихо умиралъ славный Кутузовъ.

Онъ еще не оставлялъ дѣлъ, располагая планъ войны, слыша о приближеніи новыхъ полчищъ Наполеона; апрѣля 5-го былъ на совѣтѣ императора Александра и короля прусскаго въ Гайнау. Но, возвращаясь на дрожкахъ въ Банцлау, простудился на пути, слегъ въ постель и 16-го апрѣля 1813 года почилъ навѣки «славный міра посѣтитель».

„...Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ славны именами
И сокрытые въ пыли!
„Слава дней твоихъ нетлѣнна:
Въ пѣснахъ будетъ цвѣсть она;
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!..
Смертный, силѣ насъ гнетущей
Покорайся и терпи!
Спящій въ гробѣ мирно спи!
Жизнью пользуйся живущій!“*)

Въ Банцлау по волѣ короля прусскаго воздвигнутъ обелискъ въ память почившаго съ надписью:

«До сихъ мѣстъ князь Кутузовъ-Смоленскій довелъ побѣдительныя войска, но здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ днямъ его. Онъ спасъ отечество и отверзъ путь къ избавленію Европы. Да будетъ благословена память героя!»

Благоговѣйно встрѣчали всюду гробъ Кутузова; народъ выпрягалъ лошадей и везъ на се-

*) Изъ Шиллера, „Пѣснь побѣдителей“. Перев. Жуковскаго.

бѣ погребальную его колесницу до Казанскаго собора, гдѣ за десять мѣсяцевъ прежде видѣли великаго старца идущимъ спасать родину. Погребеніе сопровождалось общимъ рыданіемъ. Надъ гробомъ Кутузова вѣяли знамена, завоеванныя имъ у двѣнадцати народовъ, приходившихъ въ Россію.

Императоръ такъ писалъ горькой вдовѣ сѣдого вождя.

«Благодарное отечество никогда не забудетъ заслугъ его, и Европа и весь свѣтъ не перестанутъ ему удивляться и внесутъ имя его въ число знаменитѣйшихъ полководцевъ... Не вы одна проливаете о немъ слезы: съ вами плачу я, плачетъ вся Россія».

Родъ князя Смоленскаго прекратился со смертью фельдмаршала Кутузова.

Памятники на полѣ Бородинскомъ, въ Та-

---

*) Князь Михаилъ Иларіоновичъ былъ женатъ, съ 1778 г., на дочери генералъ-поручика Ильи Александровича Бибикова, умершаго во время пугачевскаго бунта, которымъ было ему поручено прекратить. Кутузовъ имѣлъ трехъ дочерей, вышедшихъ замужъ; сыновей у него не было.

рутинѣ и Малоярославцѣ напоминаютъ потомству мѣста тѣхъ битвъ, въ которыхъ началось спасеніе отечества и гибель его враговъ.

Императоръ Николай I повелѣлъ Псковскому пѣхотному полку навсегда именоваться полкомъ фельдмаршала Кутузова.

Друзья! съ молитвою о немъ,
О старцѣ, о великомъ!
Онъ нашъ герой, онъ наша слава!
И незабвенъ да будетъ онъ
Въ сказаньяхъ родины святой.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вступленіе.

I. Родъ Свѣтлѣйшаго и начало службы. — Ларга и Кабулъ. — Екатерина II. — Румянцевъ. — Суворовъ. 1745—1785 г. 13

II. Потемкинъ. — Возвышеніе Кутузова. — Очаковъ и Измаилъ. 1783—1801 г. 37

III. Императрица Екатерина II. — Императоръ Павелъ I. — Дѣятельность Кутузова. 1794—1801 г. . . 59

IV. Походы Кутузова въ Моравію и на Дунай. 1805—1811 г. 91

V. Современная жизнь Кутузову: нравы и обычаи екатерининскихъ временъ и передъ отечественной войной 109

VI. Избраніе Кутузова. — Отъѣздъ въ армію. — Бородинское побоище. 1812 г. до 12-го октября. . 13[illegible]

VII. Бѣгство Наполеона. — Смерть Кутузова. 1812—1813 г. . . . . 17[illegible]

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное

Товарищество И. Д. СЫТИНА, въ Москвѣ.

КНИЖНЫЯ ТОРГОВЛИ:

въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и Нижегородской ярмаркѣ.

	цѣна. коп.
Русскія народныя былины. По сборникамъ Кирши-Данилова, Кирѣевскаго, Рыбникова и Гильфердинга. Составл. В. и Л. Р—нъ. М. 1890 г.	25
Сытые и голодные. Разсказъ Пазухина. М. 1887 г. . .	25
Жидочки. Пѣсни и куплеты изъ еврейскаго быта. Сочиненіе В. Г. Дмитріева. М. 1890 г.	25
Тысяча и одна ночь. Арабскія сказанія знаменитой Шехеразады, въ 3-хъ част., съ рисунк. М. 1888 г. . . .	25
Таинственный монахъ. Историческій романъ въ 3 част. Изъ временъ великой сѣверной войны Карла XII съ Петромъ Великимъ. М. 1890 г.	25
Серебряный князь. Романъ временъ Іоанна Грознаго. Сюжетъ заимствованъ у гр. Толстого. М. 1890 г. . .	25
Въ цѣпяхъ подъ вѣнцомъ. Соч. Топоркова. М. 1888 г.	25
Царевна Софья. Историческій романъ. М. Евстигнѣева. М. 1888 г.	25
Дорогой гость. Историч. повѣсть врем. Іоанна Грознаго.	25
Робинзонъ Крузэ, или интересныя приключенія. Правдивая повѣсть съ иллюстраціями. М. 1889 г.	40
Морской разбойникъ. Романъ Фенимора Купера. Переводъ Петра Карманова. М. 1890 г.	20
Свѣтлѣйшій князь смоленскій фельдмаршалъ М. И. Голенищевъ-Кутузовъ и его соврем. Истор. очеркъ жизни полководца и его эпохи. Сост. В. Суворовъ. М. 1888 г.	20
Страшный кладъ, или татарская плѣнница. Повѣсть временъ татарщины. Въ 2 ч. Соч. М. Евстигнѣева. М. 1890 г.	20
Разбойникъ Тарасъ Черноморъ. Повѣсть изъ временъ XVI вѣка, въ 2 част. Составилъ В. С. М. 1889 г. .	20
Москва въ 1812 году и русскіе люди, или нашествіе Наполеона на Россію. Историч. повѣсть. М. 1891 г. .	20

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ

Товарищество И. Д. СЫТИНА, въ Москвѣ.

КОМИССІОНЕРЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

1. Книжный магазинъ на Никольской, въ зданіи «Славянскаго Базара».

КНИЖНЫЯ и КАРТИННЫЯ ТОРГОВЛИ:

2. Въ Москвѣ: у Ильинскихъ воротъ, д. Титова
3. Въ Москвѣ: и на Никольской ул., д. гр. Орлова-Давыдова.
4. Въ С.-Петербургѣ: Большая Садовая, № 25.
5. Въ Кіевѣ: Подолъ, Гостиный дворъ.
6. Въ Варшавѣ: Бѣлянская улица, № 6.
7. Въ Нижегородской ярмаркѣ: на Шоссе.

ПАРОВАЯ ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ И ПЕРЕПЛЕТНАЯ,

въ Москвѣ, Валовая улица, свой домъ.

ИЗДАНІЯ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

„Всеобщій Русскій календарь“	съ премій. . .	Цѣна 20 коп
„ „ „	безъ преміи . .	„ 15 и 10 к.
„Общеполезный календарь“.		„ 30 коп.
„Всероссійскій календарь“..		„ 15 „
„Кіевскій календарь“.		„ 20 „
„Русскій сельскій календарь“..		„ 25 „
„Деревенскій календарь“.		„ 20 „
„Отрывной календарь“,	большой форматъ. . .	„ 40 „
„ „	малый форматъ . . .	„ 30 „

ВЪ ОГРОМНОМЪ РАЗНООБРАЗНОМЪ ВЫБОРѢ:

КНИГИ ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ЗНАНІЯ,

ДѢТСКІЯ КНИГИ,

НАРОДНЫЯ КНИГИ И КАРТИНЫ.

2007041582